

ISSN 2658-4506 (Print)
ISSN 2658-6894 (Online)

Reflexio

научный психологический журнал

Reflexio

Том 14
№ 1

2021

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

R E F L E X I O

2021. Т. 14, № 1

Журнал основан в 2007 году
Периодичность 2 раза в год
Выходит на русском языке
До 2017 г. журнал выходил под названием
“Вестник НГУ. Серия: Психология”
(ISSN 1995865X)
Редколлегия считает необходимым
принимать к опубликованию статьи
и дискуссионные материалы,
представляющие различные точки зрения,
которые могут не совпадать с мнением
и предпочтениями членов редколлегии
Иноязычные статьи публикуются
в авторской редакции

Электронная версия журнала
размещена на платформе
Научной электронной
библиотеки: www.elibrary.ru

Редактор Д. М. Валова
Оригинал-макет И. А. Похоруковой

Адрес редколлегии:
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
Телефон: (383) 363 40 26
E-mail: olgap7@yandex.ru

Журнал зарегистрирован в ФС по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
(свидетельство ПИ № ФС77-65597
от 04.05.2016)

Сдано в набор 10.10.2021
Подписано в печать 11.11.2021
Бумага офсетная № 1. Формат 70×100/16
Гарнитура Times New Roman
Печать цифровая
Уч.-изд. л. 16,5
Тираж 50 экз.
Заказ № 227

Отпечатано в Издательско-полиграфическом
центре НГУ
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

© Новосибирский государственный
университет, 2021

Редакционная коллегия

Главный редактор
канд. психол. наук О. Н. Первушина

Заместитель главного редактора
канд. психол. наук Б. М. Хорошилов

Ответственный секретарь
А. А. Фёдоров

Редакционный совет

д-р психол. наук, проф.
В. М. Аллахвердов
(Санкт-Петербург)

д-р психол. наук, проф.
Б. А. Еремеев
(Санкт-Петербург)

д-р психол. наук, проф.
Ю. П. Зинченко
(Москва)

д-р психол. наук, проф.
Л. В. Матвеева
(Москва)

д-р психол. наук, проф.
Л. В. Меньшикова
(Новосибирск)

д-р психол. наук, проф.
Н. А. Логинова
(Санкт-Петербург)

д-р психол. наук, проф.
В. И. Кабрин
(Томск)

д-р психол. наук, проф.
М. Коул
(Сан-Диего)

д-р биол. наук, проф.
Ж. И. Резникова
(Новосибирск)

REFLEXIO

Научный психологический журнал

Основан в 2007 году

2021. Том 14, № 1

Содержание

Пандемия в зеркале науки

- Алёхин А. Н., Беляева С. И., Данилова Ю. Ю., Неберекутина Э. А.* Особенности восприятия человеком угрозы заражения в ситуации пандемии COVID-19 5
- Первушин Н. С.* Парадоксы медиасферы во время эпидемии COVID-19 17

Глазами философа

- Малахов Д. В.* Мыслимость Откровения: к событию Шоа 38

Психологические исследования

- Шубадёрова Е. Ю., Первушина О. Н.* Доступность моральных схем как основание спонтанных суждений о моральных качествах 83
- Бадиев И. В.* Морально-этические факторы поведенческих стратегий в конфликте 95
- Лысенкова А. М., Сарычева Ю. В., Стрига Т. В.* Предиспозиция к психосоматическому типу реагирования у здоровых подростков 109

Психологический инструментарий

<i>Злобина М. В.</i> Анализ надежности и внутренней структуры опросников толерантности к неопределенности IAS, НТН, MSTAT-I, MSTAT-II	116
Информация для авторов	129

REFLEXIO

Scientific Journal

Founded in 2007

2021. Vol. 14, no. 1

Contents

Pandemic in the Mirror of Science

- Alekhin A. N., Belyaeva S. I., Danilova Yu. Yu., Neberekutina E. A.* Features of Human Perception of Risk of Infection in a COVID-19 Pandemic Situation 5
- Pervushin N. S.* Paradoxes of the Media Sphere during COVID-19 Epidemic 17

From the Standpoint of a Philosopher

- Malakhov D. V.* Conceivability of Revelation: To the Enowning of Shoah 38

Psychological Research

- Shubaderova E. Yu., Pervushina O. N.* Availability of Moral Schemas as a Basis for Spontaneous Judgments about Moral Qualities 83
- Badiev I. V.* Moral and Ethical Factors of Conflict Behavior Strategies 95
- Lysenkova A. M., Sarycheva Yu. V., Striga T. V.* Predisposition to the Psychosomatic Type of Response in Healthy Adolescents 109

Psychological Instruments

<i>Zlobina M. V.</i> The Analysis of Internal Consistency and Internal Structure of Questionnaires of Tolerance / Intolerance to Ambiguity: IAS, TAN, MSTAT-I and MSTAT-II	116
Instructions to Contributors	129

Научная статья

УДК 159.9.07

DOI 10.25205/2658-4506-2021-14-1-5-16

Особенности восприятия человеком угрозы заражения в ситуации пандемии COVID-19

Анатолий Николаевич Алёхин¹

Светлана Игоревна Беляева²

Юлия Юрьевна Данилова³

Элла Анатольевна Неберекутина⁴

¹⁻⁴ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

¹ termez59@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6487-0625>

² belyaevsveta@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8014-5407>

³ jdanilova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7687-0393>

⁴ ello4kan@gmail.com

Аннотация

В настоящее время информационно-коммуникационные технологии проникли во все аспекты человеческого бытия, затронув и такой важный аспект, как восприятие человеком болезни. В статье представлены данные дистанционного исследования восприятия человеком угрозы заражения вирусной инфекцией с вероятным летальным исходом, проведенного в первый месяц периода карантина на территории Российской Федерации (с 21 марта по 4 апреля 2020 года) – начала дистанционного обучения в вузах и объявления нерабочих дней – с использованием ресурса социальной сети «ВКонтакте». Было выявлено, что у большей части обследованных респондентов было сформировано представление о коронавирусной инфекции COVID-19 как о болезни, требующей физического дистанцирования в социальной среде или полного изолирования. При этом треть опрошенных не доверяла имеющейся у них информации, что повлекло за собой переживание тревожной неопределенности, дестабилизацию эмоционального и соматического состояния в целом; анализ эмоционального состояния исследуемых респондентов показал повышение уровня общей тревожности до верхней границы нормы; самооценка состояния здоровья выявила наличие у обследуемых жалоб на состояние сонливости, головные боли, мышечную слабость, учащенное сердцебиение и нарушения пищеварительной системы.

Ключевые слова

отношение к болезни, виртуальные стимулы, витальная угроза, пандемия, коронавирусная инфекция

Для цитирования

Алёхин А. Н., Беляева С. И., Данилова Ю. Ю., Неберекутина Э. А. Особенности восприятия человеком угрозы заражения в ситуации пандемии COVID-19 // Reflexio. 2021. Т. 14, № 1. С. 5–16. DOI 10.25205/2658-4506-2021-14-1-5-16

© Алёхин А. Н., Беляева С. И.,
Данилова Ю. Ю., Неберекутина Э. А., 2021

Features of Human Perception of Risk of Infection in a COVID-19 Pandemic Situation

Anatoly N. Alekhin¹, Svetlana I. Belyaeva²
Yuliya Yu. Danilova³, Ella A. Neberekutina

¹⁻⁴ Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russian Federation

¹ termez59@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6487-0625>

² belyaevaveta@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8014-5407>

³ jdanilova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7687-0393>

⁴ ello4kan@gmail.com

Abstract

Modern society is at the stage of transformations, which are primarily based on the introduction of information technology into our lives. They affect absolutely all aspects, but I would like to consider the influence of informatization on the formation of attitudes towards health and illness. It is important to understand that the study of attitudes towards health and illness has been of interest to scientists for decades. Currently, information technology has penetrated all aspects of our life, and, of course, touched upon such an important aspect as the attitude towards illness. The epidemiological situation has developed in such a way that it was possible to trace the influence of information technologies on a person's perception of the threat of contracting a viral infection with a likely fatal outcome. During the period of self-isolation, the main official source of information for people was the media. Social networks and instant messengers have also made a significant contribution to the formation of a picture of the world in people's perception. The purpose of this study was to study a person's perception of the threat of contracting a viral infection with a probable fatal outcome during a period of worsening epidemiological situation.

The article describes the data of a study conducted in the first month of the quarantine period in the territory of the Russian Federation. It was revealed that a part of the population by means of communication formed an idea of the coronavirus infection COVID-19 as a disease requiring physical distance in a social environment or complete isolation. At the same time, a third of the respondents do not trust the available information, which entails the experience of anxious uncertainty, destabilization of the emotional and somatic state in general.

Keywords

attitude to disease, pathopsychological phenomena, virtual stimuli, vital threat, pandemic, coronavirus infection

For citation

Alekhin A. N., Belyaeva S. I., Danilova Yu. Yu., Neberekutina E. A. (2021) Features of Human Perception of Risk of Infection in a COVID-19 Pandemic Situation. *Reflexio*, 14 (1), 5–16. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2021-14-1-16

Введение

Современное общество находится на этапе социальных, экономических и политических преобразований. Любые преобразования сопровождаются ростом социальной напряженности в связи с изменением отношения как к ситуации в целом, так и к отдельным ее ключевым компонентам. В настоящий момент таким ключевым компонентом является отношение к пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Беспрецедентные меры, принимаемые на всех социальных уровнях (от микро- до макросоциальных) изменили привычный образ жизни

каждого члена нашей страны и мирового сообщества. При этом комплаентность населения, в широком смысле понимаемая как точное и осознанное выполнение рекомендации врача, напрямую зависит от качества сформированного отношения к данной болезни, включающего когнитивный, эмоциональный и поведенческий уровни [Иовлев и др., 1999]. Одновременно с этим важно понимать, что у современного человека отношение формируется в условиях множественного воздействия виртуальных стимулов информационного пространства.

В конце прошлого века началось активное внедрение информационных технологий во все области общественной жизни, что повлекло за собой значимые изменения социальной реальности. На данный момент довольно значимыми ресурсами для дальнейшего развития общества являются его информация и цифрофикация. Возрастает количество информации, получаемой посредством виртуальных стимулов, причем она может быть избыточной, противоречивой и недостоверной, что, в свою очередь, может негативно сказываться на развитии личности, в особенности детей и подростков. Формирование отношения к болезни и к здоровью – процесс весьма сложный, противоречивый и динамичный, он детерминирован как внутренними, так и внешними факторами, в число которых в современном обществе входят, помимо прочих, интернет-пространство и виртуальные стимулы.

Корректирование негативных особенностей отношения к здоровью и болезни – достаточно сложный и многоступенчатый процесс, сопровождаемый негативными внутренними переживаниями. Это, в свою очередь, ставит вопрос о необходимости проведения масштабного эмпирического исследования влияния виртуальных стимулов как на развитие личности человека в целом, так и на формирование отношения к своему здоровью и болезням в частности.

В ходе развития индустриального общества актуализировалась идея индивидуальной ответственности каждого человека за состояние своего здоровья. Именно поэтому медицинским психологам, специалистам реабилитации и абилитации необходимо уделить особое внимание отношению к здоровью и к болезни. При планировании коррекционной работы следует опираться на всестороннее изучение особенностей отношения человека к здоровью и болезни [Гурвич, 2001].

В отечественной традиции отношение к болезни может быть рассмотрено как индивидуальное, избирательное, сознательное (или способное к осознанию), то есть отражающее индивидуальный или личностный уровень. Оно носит субъективно-объективный характер, является содержательным и не может рассматриваться вне объекта отношений [Гутова, 2015]. Школа В. М. Бехтерева в начале XX века (СССР) ввела концепцию психологии отношений. А. Ф. Лазурский говорил о том, что личность является биосоциальным организмом, а ее основой является нервно-психическая организация. Он делал акцент на отношении личности к внешним сторонам жизни, таким как окружающие люди, общество, различного рода ценности, природа и многие другие. А. Ф. Лазурский считал достижение душевной гармонии личности особенно значимым. В это понятие он вкладывал согласие психических функций человека, а также их полноту и разносторонность [Лазурский, 1900]. Следующим этапом в развитие психологии от-

ношений стал вклад В. Н. Мясищева. Основной его идеей было то, что сущностью личности является отношение к действительности [Мясищев, 2011]. В отношении проблематики отношения к болезни [Вассерман, 2005] определяют три наиболее значимых фактора, влияющих на его формирование:

1) преморбидные особенности личности, то есть те особенности, которые наблюдались у человека до появления угрозы заболевания (пол, возраст, психофизиологические и личностные характеристики);

2) природа самого заболевания;

3) социально-психологические факторы, которые подразумевают влияние общественных настроений, мнения социума относительно данного заболевания, другие социальные стимулы, отвечающие современности (например, СМИ, интернет-среда).

К приведенным выше факторам в неуклонно меняющемся современном обществе следует добавить информационную среду, которая обусловлена развитием информационных технологий. И, безусловно, рассматривая сквозь призму психологии отношений проблематику формирования отношения к здоровью и к болезни, нельзя упускать этот фактор. На 2008 год в России среди совершеннолетних жителей уже было 30 % (34 млн человек) пользователей сети Интернет [Радкевич, 2009]. По данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, месячная интернет-аудитория России в 2012 году превысила 55 % населения страны, 89 % российской молодежи пользуется сетью Интернет постоянно, а распространение мобильного доступа в сеть Интернет в России за 2012 год выросло на 33 %¹. В декабре 2018 г. аудитория сети Интернет старше 12 лет составляла 74,7 % населения (91,6 млн человек) [Логунова, 2019]. Стремительное развитие информационных технологий заставило специалистов разных областей уделить им особое внимание. Как объект исследования информатизация современного общества заинтересовала социологов [Буланова, 2010], экономистов [Давыдова, Бибилашвили, 2018], философов [Лонский, 2015], психологов². Информационная среда – совокупность информационных потоков, виртуальных стимулов, оказывающих различные воздействия на человека, с помощью которых общество транслирует индивидуальные нормы, ценности и стереотипы поведения. Характер таких воздействий среды на сознание формирует у человека определенный образ реальности и понимание себя в ней [Ежевская, 2012].

Психологическое влияние процесса информатизации является наиболее важным и интересным предметом исследования для многих психологов. Информатизация влияет на развитие и формирование личности. Каждый человек в той или иной степени зависит от технического прогресса и информационного обеспечения, которое расширяет наши возможности и меняет (в некоторых областях

¹ Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года / Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. 2013. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/4084/> (дата обращения 31.08.2020).

² Болотов А. В. Применение информационных технологий в психологии // Психология, социология и педагогика. 2015. № 6. URL: <http://psychology.snauka.ru/2015/06/5051> (дата обращения 31.08.2020).

даже кардинально) наш жизненный уклад. Для формирования целостной и полноценной личности нам необходима информация, которая влияет на наши цели, мотивацию и мировоззрение. Невозможно себе представить существование человечества в информационном вакууме. Влияние информатизации на каждого индивида происходит опосредованно, имея под собой психологическую направленность; проявление этого влияния будет безусловно видно через изменение психических свойств личности и ее поведения. Следует очень четко понимать механизмы влияния информатизации среды на современную жизнь. И не стоит забывать о том, что нас ожидает глобальная информатизация общества [Емелин и др., 2012].

Нельзя не упомянуть о том, что развитие международных информационных систем также оказывает негативное влияние. К последнему можно отнести, в частности, психологическую безопасность [Баришполец, 2013]. В. И. Илюхин, В. Н. Лопатин, О. А. Финько и многие другие ученые отмечают, что потоки информации имеют негативное воздействие на психику человека. На психологическую безопасность влияют объем, количество, подлинность и многие другие характеристики информации. Не менее важными показателями будут соответствие характеристик информации установкам окружающей среды, наличие в современных информационных технологиях специфических элементов, изменяющих психическое состояние большого количества людей, наличие в информационных потоках усовершенствованных физических носителей информации, воздействующих непосредственно на физиологические носители [Емелин и др., 2012]. Современному человеку достаточно сложно ориентироваться в огромном потоке не всегда объективной и достоверной информации. На фоне неверно складывающихся представлений о реальности могут сформироваться социальные и психологические проблемы личности [Тимошенко, 2010].

Таким образом, в связи со стремительным ростом влияния интернет-среды на развитие личности индивида, количества и качества виртуальных стимулов, серьезной включенности практически всех сфер жизнедеятельности человека в различные информационные технологии, изучение влияния виртуальных, информационных стимулов на психологическое здоровье, в частности на отношение к болезни, требует глубокого и всестороннего исследования.

Целью настоящего исследования явилось изучение восприятия человеком угрозы заражения вирусной инфекцией с вероятным летальным исходом в период ухушений эпидемиологической ситуации.

Методики и процедура исследования

Для реализации поставленной цели исследовательской группой кафедры клинической психологии и психологической помощи института психологии РГПУ им. А. И. Герцена в период с 21 марта по 4 апреля 2020 года (начало дистанционного обучения в вузах и объявление в Российской Федерации нерабочих дней) было проведено исследование с использованием ресурса социальной сети «ВКонтакте», где на странице кафедры была размещена опросная форма, предполагающая добровольность и анонимность участия. В исследовании приняли

участие 108 респондентов в возрасте от 18 до 68 лет ($M = 34,1 \pm 12,4$), из них 87 % – женщины и 13 % – мужчины.

Были использованы следующие методы:

1) клинико-психологический метод, реализованный с помощью авторского структурированного интервью, направленного на изучение эмоционального, мотивационно-поведенческого и когнитивного компонентов отношения к болезни во взрослой условно здоровой популяции российского населения;

2) экспериментально-психологический метод, реализованный с помощью следующих психодиагностических методик: «Интегративного теста тревожности» (ИТТ), который измеряет проявления аффективного состояния и имеет две шкалы – ситуативной тревоги как актуального эмоционального состояния и личностной тревожности как индивидуально-типологического свойства, – в каждой из которых содержится 5 субшкал [Бизюк и др., 2004]; «Анкеты самооценки состояния» (АСС), которая изучает субъективное самочувствие и выявляет наличие соматических жалоб [Практикум..., 2005], и модифицированной проективной методики «Незаконченные предложения»;

3) математико-статистический метод анализа эмпирических данных.

Результаты и обсуждение

Анализ представлений о возникновении и профилактике распространения коронавирусной инфекции COVID-19 показал, что самым распространенным способом передачи коронавирусной инфекцией исследованные респонденты считали воздушно-капельный способ (67,6 %); контактный способ назвали 31,5 %, и 0,9 % ответили, что не знают ответа на этот вопрос. Наиболее характерными симптомами проявления данной болезни назвали сухость горла и сухой кашель (57,4 %), а также повышение температуры тела до 38° (26,9 %). Не знали о симптомах 1,9 % опрошенных. Временем инкубационного периода при заражении коронавирусной инфекцией 58,3 % респондентов назвали период до 28 дней. Возрастной категорией людей, подверженной наибольшему риску заражения, 98 % респондентов назвали людей пожилого возраста, следовательно, по мнению большинства, именно они в наибольшей степени нуждаются в физической изоляции от других (потенциально несущих риск заражения) людей. Из всех способов профилактики заболевания коронавирусной инфекцией COVID-19 как основные были названы два: тщательное мытье рук и избегание большого скопления людей (63,9 %), а также полная социальная изоляция (33,3 %).

На рис. 1 представлено количественное распределение ответов респондентов, характеризующих их представления о ситуации, связанной с угрозой заражения коронавирусной инфекцией (COVID-19) в период с 21 марта по 4 апреля 2020 года.

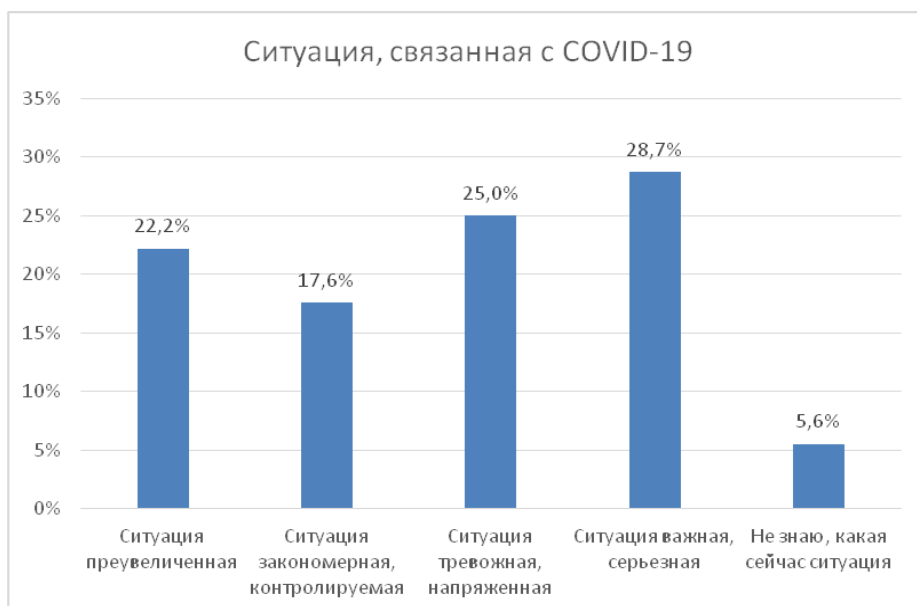

Рис. 1. Оценка ситуации, связанной с угрозой заражения коронавирусной инфекцией (COVID-19)
Fig. 1. Assessment of the situation related to the threat of infection with COVID-19

Как показано на рис. 1, на момент проведения исследования респонденты воспринимали ситуацию как «важную и серьезную» (28,7 %), «тревожную и напряженную» (25 %), «закономерную и контролируемую» (17,6 %). В то же время, 22,2 % оценивали ее как «преувеличенную», а 5,6 % опрошенных не могли ее идентифицировать. При этом большая часть опрошенных (67,7 %) считала, что последствия пандемии будут носить масштабный характер и отразятся на всех сферах жизнедеятельности человека.

На рис. 2 показаны результаты исследования личной значимости переживаемой ситуации «нерабочих дней» опрошенных респондентов.

Анализируя личную значимость возникшей социальной ситуации, 44,4 % опрошенных сказали, что для них она стала «проблемной, тревожной и неожиданной» и «разрушающей планы» (13 %). Однако для 12 % исследованных ничего не изменилось, а 17,6 % восприняли ситуацию как «жизненный опыт, толчок для мыслей и действий».

Рассматривая когнитивный, эмоциональный и поведенческий уровни отношения к коронавирусной инфекции COVID-19, мы определили следующее. Участники исследования полагали, что имеющаяся на тот момент информация преувеличена или недостоверна (31,5 %), не является главной проблемой (18,5 %). При этом 12 % считали, что принимаемые меры недостаточны, а государство не справляется со сложившейся ситуацией. Изучение эмоционального

уровня показало, что доминирующими являются переживание страха и тревоги (44,4 %), а также злости и раздражения (21,3 %), что на поведенческом уровне влечет за собой потребность «защитить себя и своих близких» (45,3 %) или устранить из сознания тревожащую информацию – «не думать», «выключить телевизор» (31,4 %).

Рис. 2. Оценка личной значимости ситуации «нерабочих дней»
Fig. 2. Assessment of the personal significance of the “non-working days” situation

Анализ эмоционального состояния исследуемых респондентов показал повышение уровня общей тревожности до верхней границы нормы (6 станайнов). Сопоставление структурных компонентов тревожности по половому признаку обнаружило, что в женской выборке показатель «Тревожная оценка перспектив» достигает высокого уровня (7 станайнов) и значимо выше ($p < 0,05$), чем у мужчин (5 станайнов).

Результаты самооценки самочувствия исследованных респондентов представлены на рис. 3.

Анализ самооценки респондентами состояния своего здоровья в период начала дистанционного обучения в вузах и объявления в Российской Федерации нерабочих дней выявил наличие у большей части обследуемых жалоб на состояние сонливости (53,7 %). Также сообщалось о головных болях (44,4 %), мышечной слабости (26,9 %), учащенном сердцебиении (25 %) и нарушениях работы пищеварительной системы (25 %).

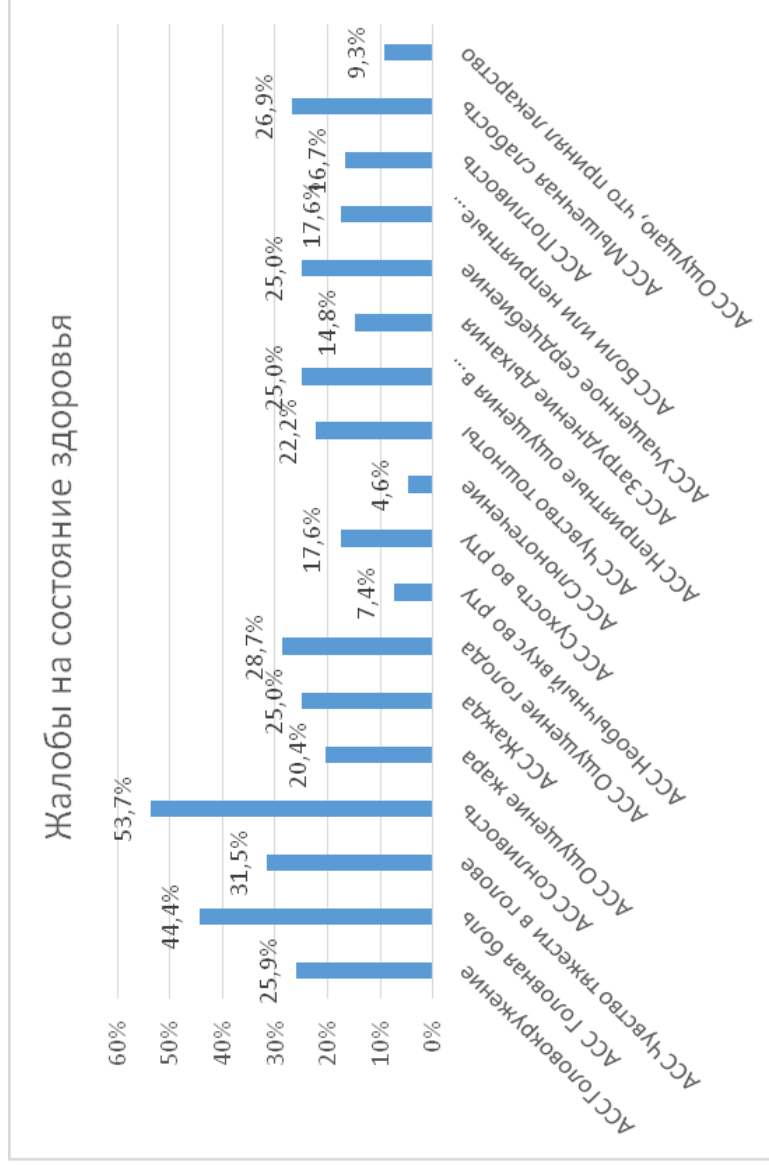

Рис. 3. Самооценка состояния здоровья (АСС – Анкета самооценки состояния)
 Fig. 3. Self-assessment of the state of health (ACC – Questionnaire of self-assessment of the state)

Выводы

Таким образом, уже в начале объявленного «периода карантина» у части населения средствами коммуникации было сформировано представление о коронавирусной инфекции COVID-19 как болезни, требующей физического дистанцирования в социальной среде или полного изолирования. При этом треть опрошенных не доверяет имеющейся информации, что влечет за собой переживание тревожной неопределенности, дестабилизацию эмоционального и соматического состояния в целом.

Список литературы

Баршиполец В. А. Информационно-психологическая безопасность: основные положения // РЭНСИТ. 2013. № 5 (2). С. 62–104.

Бизюк А. П., Вассерман Л. И., Иовлев Б. В. Применение интегративного теста тревожности (ИТТ): методические рекомендации. СПб.: НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2004. 16 с.

Буланова М. Б. Новые информационные технологии в социологическом образовании // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 133–136.

Вассерман Л. И., Иовлев Б. В., Карпова Э. Б., Вукс А. Я. Психологическая диагностика отношения к болезни: пособие для врачей. СПб.: НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2005. 32 с.

Гурвич И. Н. Социальная психология здоровья // Психологические проблемы русских эмигрантов в Германии / сост. Н. С. Хрусталева; науч. ред. А. А. Крылов и др. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 234–235.

Гутова Т. С. Психологическое исследование особенностей отношения к болезни у мужчин и женщин, больных сахарным диабетом I типа // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2015. № 1. С. 95–102.

Давыдова Е. Ю., Библиашвили А. С. Информационные технологии в экономике // Территория науки. 2018. № 1. С. 82–85.

Ежевская Т. И. Психологическое воздействие информационной среды на современного человека // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 3. С. 38–41.

Емелин В. А., Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш. Психологические последствия развития информационных технологий // Национальный психологический журнал. 2012. № 1. С. 81–87.

Иовлев Б. В., Карпова Э. Б. Психология отношений. Концепция В. Н. Мясищева и медицинская психология. СПб.: Сенсор, 1999. 76 с.

Лазурский А. Ф. О взаимной связи душевных свойств и способах ее изучения // Вопросы философии и психологии. 1900. Кн. 53 (3). С. 220–221.

Логунова О. С. Концепции определения и измерения интернет-аудитории // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22 (2). С. 230–246.

Лонский И. И. Информатизация и эволюция общества // Психологическая наука и образование. 2015. № 2 (14). С. 29–35.

Мясищев В. Н. Проблема отношений в психологии индивидуальных различий // Психология отношений / Под ред. А. А. Бодалева. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2011. 398 с.

Практикум по психологии здоровья / Под. ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Питер, 2005. 351 с.

Радкевич А. Л. Интернет-аудитория в России: состояние, динамика, тенденции // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 1. С. 230–236.

Тимошенко Т. В. Когнитивные аспекты информационно-психологической безопасности личности // Известия ЮФУ. Технические науки. 2010. № 9. С. 185–188.

References

Barishpolec, V. A. (2013). Informacionno-psihologicheskaya bezopasnost': osnovnye polozheniya. *RENSIT*, 5 (2), 62–104. (in Russ.)

Bizyuk A. P., Vasserman L. I., & Iovlev, B. V. (2004). *Primenenie integrativnogo testa trevozhnosti (ITT): metodicheskie rekomendacii*. St. Petersburg: Bekhterev NIPNI. (in Russ.)

Bulanova M. B. (2010). Novye informacionnye tekhnologii v sociologicheskom obrazovanii. *Sociologicheskie issledovaniya*, 5, 133–136. (in Russ.)

Vasserman L. I., Iovlev B. V., Karpova E. B., & Vuks A. Ya. (2005). *Psihologicheskaya diagnostika otnosheniya k bolezni: Posobie dlya vrachej*. St. Petersburg: Bekhterev NIPNI. (in Russ.)

Gurvich I. N. (2001). Social'naya psihologiya zdorov'ya. In: *Psihologicheskie problemy russkih emigrantov v Germanii* [sost. N. S. Hrustaleva; nauch. red. A. A. Krylov i dr.] (pp. 234–235). St. Petersburg: Izd-vo SPbGU. (in Russ.)

Gutova T. S. (2015). Psihologicheskoe issledovanie osobennostej otnosheniya k bolezni u muzhchin i zhenshchin, bol'nyh sahnym diabetom I tipa. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina*, 1, 95–102. (in Russ.)

Davydova E. Yu., & Bibilashvili A. S. (2018). Informacionnye tekhnologii v ekonomike. *Territoriya nauki*, 1, 82–85. (in Russ.)

Ezhevskaya T. I. (2012). Psihologicheskoe vozdejstvie informacionnoj sredy na sovremennogo cheloveka. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 3, 38–41. (in Russ.)

Emelin V. A., Rasskazova E. I., & Thostov A. Sh. (2012). Psihologicheskie posledstviya razvitiya informacionnyh tekhnologij. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 1, 81–87. (in Russ.)

Iovlev B. V., & Karpova E. B. (1999). *Psihologiya otnoshenij. Konceptiya V. N. Myasishcheva i medicinskaya psihologiya*. St. Petersburg: Sensor. (in Russ.)

Lazurskij A. F. (1900). O vzaimnoj svyazi dushevnyh svojstv i sposobah ee izucheniya. *Voprosy filosofii i psihologii*, 53 (3), 220–221. (in Russ.)

Logunova O. S. (2019). Konceptii opredeleniya i izmereniya internet-auditorii. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 22 (2), 230–246. (in Russ.)

Lonskij I. I. (2015). Informatizaciya i evolyuciya obshchestva. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2 (14), 29–35. (in Russ.)

Myasishchev V. N. (2003). Problema otnoshenij v psilogii individual'nyh razlichij. In: *Psihologiya otnoshenij* / pod redakciej A. A. Bodaleva (pp. 227–239). Moscow, Voronezh, 2011. (in Russ.)

Praktikum po psilogii zdorov'ya (2005). Pod. red. G. S. Nikiforova. St. Petersburg: Piter. (in Russ.)

Radkevich A. L. (2009). Internet-auditoriya v Rossii: sostoyanie, dinamika, tendencii. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 1, 230–236. (in Russ.)

Timoshenko T. V. (2010). Kognitivnye aspekty informacionno-psihologicheskoy bezopasnosti lichnosti. *Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki*, 9, 185–188. (in Russ.)

Информация об авторах

Анатолий Николаевич Алёхин, доктор медицинских наук, профессор

Scopus Author ID 56661970100

Web of Science ResearcherID Y-6413-2019

RSCI AuthorID 118362

Светлана Игоревна Беляева, кандидат психологических наук, доцент

Scopus Author ID 57226876191

Web of Science ResearcherID R-6336-2018

RSCI AuthorID 943236

Юлия Юрьевна Данилова, кандидат психологических наук, доцент

Web of Science ResearcherID U-3434-2018

RSCI AuthorID 949113

Элла Анатольевна Неберекутина, заведующий лабораторией «Психология здоровья»

RSCI AuthorID 1050441

Information about the Authors

Anatoly N. Alekhin, Doctor of Sciences (Medicine), Professor

Scopus Author ID 56661970100

Web of Science ResearcherID Y-6413-2019

RSCI AuthorID 118362

Svetlana I. Belyaeva, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor

Scopus Author ID 57226876191

Web of Science ResearcherID R-6336-2018

RSCI AuthorID 943236

Yuliya Yu. Danilova, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor

Web of Science ResearcherID U-3434-2018

RSCI AuthorID 949113

Ella A. Neberekutina, Head of the Laboratory “Health Psychology”

RSCI AuthorID 1050441

Статья поступила в редакцию 24.08.2020

The article was submitted 24.08.2020

Научная статья

УДК 159.9; 316

DOI 10.25205/2658-4506-2021-14-1-17-37

Парадоксы медиасферы во время эпидемии COVID-19

Николай Сергеевич Первушин

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
nickd17@yandex.ru

Аннотация

В 2020 году человечеству пришлось столкнуться с «черным лебедем» – пандемией коронавируса. Уникальность ситуации порождает очевидный интерес к поведению и переживаниям людей в ситуации неопределенности.

Исследование посвящено анализу динамики медиасферы в период пандемии на примере популярного новосибирского ресурса. Анализируется ее соотношение с динамикой эпидемиологической обстановки в Новосибирской области. Наблюдается неожиданная и парадоксальная ситуация: при ухудшении эпидемиологической ситуации журналисты меньше пишут о коронавирусе, а пользователи проявляют к данным новостям все меньше интереса и эмоций. В статье рассматривается два периода, для которых характерно разное поведение журналистов и пользователей. На первом этапе ситуация неопределенности порождает большой интерес и эмоциональный отклик на информацию о коронавирусе, при этом пользователи и авторы ориентируются на ситуацию в Европе и Китае, а также в Москве. Позднее понимание возможных рисков уменьшает интерес к теме и снижает градус эмоций. Главным ориентиром медиаактивности становится развитие ситуации в Москве. Ни в одном из периодов локальная эпидемиологическая обстановка не играет определяющей роли в реакции медиасферы.

Содержательный анализ комментариев выявил повышенную агрессивность пользователей, особенно в первые месяцы эпидемии. Наиболее привлекающими внимание пользователей являются сообщения о запретах и ограничительных мерах, а не об эпидемиологической ситуации. Кроме того, выделено три группы комментаторов, которые отличаются своим отношением к проблематике коронавируса.

Ключевые слова

коронавирус, медиа, свобода, безопасность, неопределенность, самоизоляция, толерантность к неопределенности, экстремальная ситуация, общество риска, риск

Для цитирования

Первушин Н. С. Парадоксы медиасферы во время эпидемии COVID-19 // Reflexio. 2021. Т. 14, № 1. С. 17–37. DOI 10.25205/2658-4506-2021-14-1-17-37

Paradoxes of the Media Sphere during COVID-19 Epidemic

Nikolay S. Pervushin

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
nickd17@yandex.ru

Abstract

Life has offered humanity a unique experiment of experience a real threat and an unprecedented reaction to in the form of self-isolation. Media communication has a crucial role in this situation. The research focuses on the analysis of the media sphere dynamics during COVID-19 pandemic on the example of popular local news website. Data on publication activity, views and comments were collected from January 22 to July 19.

An unexpected and paradoxical scene is observed. As the epidemiologic situation worsens, journalists write less about COVID-19 and users demonstrate less interest and emotions in this topic too. It was revealed that user reactions are mostly caused by messages about lockdown, bans and restrictive measures rather than on the epidemiologic reports and details. The article discusses two periods which are characterized by different behavior of users and journalists. At first, the unique uncertainty situation generates great interest and emotional response to information about coronavirus. So, users and authors are guided by news about pandemic from Europe and China. Later understanding of possible risks displaces interest in the topic and reduce the degree of emotions. Moscow context becomes a guide in perception of pandemic as a stressful situation. In none of these periods the local epidemiological situation didn't play a crucial role in determining of the reaction of the media sphere.

Qualitative analysis of comments revealed high user aggression, especially during the first months of coronavirus pandemic. Also, three groups of commentators were identified which differ in their attitudes towards the problem of coronavirus.

Keywords

coronavirus, media, liberty, safety, uncertainty, self-isolation, uncertainty tolerance, extreme situation, risk society, risk

For citation

Pervushin N. S. (2021) Paradoxes of the Media Sphere during COVID-19 Epidemic. *Reflexio*, 14 (1), 17–37. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2021-14-1-17-37

С конца 2019 г. в медиаповестке всего мира присутствует COVID-19. Пандемия коронавируса стала «черным лебедем» для человечества: никто ее не ждал; жизнь большинства людей и стран изменилась (от бытовых неудобств и скуки до потери работы и близких); сейчас уже можно говорить о том, что такие события вполне прогнозируемы и в будущем [Тaleb, 2010]. Глобализация не только ускоряет многие процессы, упрощает и разнообразит жизнь, способствует мобильности людей, идей, товаров и денег, но и таит в себе угрозу. Ключевым фактором жизни становится неопределенность. О значении неопределенности в жизни общества писали многие авторы [Луман, 1994; Гидденс, 1991; Бек, 2000; Яницкий, 2004].

Принятие решений в условиях неопределенности, выбор стратегии поведения связан с риском. Современное общество вынуждает человека рисковать. В таком обществе разрывается связь с прошлым опытом, ориентироваться нужно на настоящее и будущее [Бек, 2000]. Н. Луман указывает, что в современном обществе риск представляет собой изменяющееся в соответствии с социальными реалиями явление, своеобразно соотносящееся с понятием опасности [Луман, 1994]. Опасность исходит из окружающего мира. Рискованное поведение возможно

при неопределенности наступления как позитивного, так и негативного будущего исхода, в зависимости от принятого решения [Луман, 1994]. «Жить в эпоху “поздней современности” – значит жить в мире случайности и риска – неизменных спутников системы, стремящейся к установлению господства над природой и рефлексивному творению истории» [Giddens, 1991].

Эти идеи выглядят особенно актуальными и имеющими широкий потенциал для описания и объяснения всего происходящего в 2020 году. В общественном сознании возможность пандемии скорее отсутствовала, хотя ускоряющаяся мобильность всего и всех постоянно таит в себе такой риск [Бек, 2000, с. 14–26]. Бек ввел понятие «общества риска» под впечатлением от произошедшей в 1986 году аварии на Чернобыльской АЭС, имея в виду техногенные риски современности, но идея имеет и более широкие интерпретативные возможности [Там же]. Пандемию COVID-19 можно рассматривать в этом же ракурсе. Имеющийся опыт лечения ОРВИ и гриппа не особенно актуален для нового заболевания. Часто люди считают, что болеют чем-то, что уже было раньше и лечатся привычными средствами, не обращаясь к специалисту (и даже врачи могут апеллировать к прошлому опыту). Идея того, что респираторные заболевания – это что-то серьезное и значимое не присутствовала в массовом сознании. Но эта логика таит в себе угрозу. Появляются новые заболевания и информация об их симптомах, опасности и лечении должна постоянно обновляться и транслироваться широкой аудиторией.

Пандемия, обрушившаяся на человечество, создала уникальную экспериментальную ситуацию переживания реальной угрозы и реакции на нее в разных странах со стороны различных социальных групп, отдельных граждан. Беспрецедентной мерой со стороны правительства многих стран стало введение режима самоизоляции граждан, сопровождающееся запретом (или ограничением) деятельности огромного числа организаций и ограничением обычной повседневной жизни людей. Для многих людей ситуация оказалась очень травматичной. Невозможность прогнозирования развития событий, исключение или ограничение социальных контактов, лишение работы, экономические проблемы, бытовые неудобства и т. д. – все это способствовало нарастанию состояний тревоги, стресса и требовало от человека выработки стратегии поведения в этих новых условиях нарастающей неопределенности. В период пандемии люди реагируют на неопределенность сложившейся ситуации, на потерю контроля за собственной жизнью, собственным временем¹ [Naguy, Moodliar-Rensburg, Alamiria, 2020]. «Хотя психиатрические последствия COVID-19 еще систематически не изучены, очень вероятно, что пугающий опыт вирусной пандемии, дополняемый чувством неопределенности и распространением дезинформации через социальные сети, нанесет колоссальный урон психическому здоровью тех, кто лично столкнется с болезнью, их родственников и свидетелей этого момента» [Xiang et al., 2020].

¹ Naguy, A., Moodliar-Rensburg, S., Alamiria, B. Coronaphobia and chronophobia – A psychiatric perspective. Asian Journal of Psychiatry, April 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/340563373_Coronaphobia_and_Chronophobia_-_A_Psychiatric_Perspective (дата обращения 22.12.2020).

Наряду с фиксацией глобального влияния данной ситуации на психологическое и психическое состояние человека и общества, высказываются соображения о том, что основную роль в формировании ответа на ситуацию пандемии, как и на другие стрессогенные ситуации, играют не сами стрессовые факторы, но то, как человек воспринимает стрессовые события, как они отражаются в его субъективной картине мира [Федосенко, 2020]². Уникальность ситуации определяется еще и спецификой коммуникации между людьми в период пандемии. Условия карантина, изоляции, самоизоляции, социального дистанцирования выдвигают на передний план роль медиа, благодаря которым люди получают информацию о событиях в мире, среди которых первенство – за информацией о ходе пандемии. Медиа способствуют конструированию образа опасности или ее отсутствия, через медиа поставляется информация о распространении пандемии, необходимых и предпринимаемых мерах.

Современные цифровые технологии позволяют формировать медийное пространство, позволяющее людям не только получать информацию, но и выражать свою реакцию на происходящее, делиться собственным мнением, переживаниями, опытом и т. д. Новости и комментарии в медиасфере отображают реальность и одновременно формируют ее.

В ситуации пандемии очевиден научный интерес к тому, как люди воспринимают и переживают происходящее, как интерпретируют его, как меняется их отношение к ситуации, каково их поведение и от каких факторов оно зависит. Исследование интересно и как анализ конкретного кейса, и как возможность для понимания и прогнозирования поведения людей в аналогичных ситуациях в будущем. Детальный обзор первых психологических исследований по теме коронавируса и инфодемии можно найти в статье О. Первушиной и А. Шабалина [Первушина, Шабалин, 2020]

Замысел данного исследования состоял в том, чтобы на примере анализа главного новосибирского медиаресурса выяснить, как соотносится динамика локальной медиасферы с динамикой распространения эпидемии. Какие темы вызывают наибольший интерес и эмоциональную реакцию у новосибирцев? Какова динамика отношения пользователей к тематике информационных сообщений? Можно ли выделить отдельные группы (если да, то какие) пользователей по их отношению к проблеме коронавируса? Каковы дискурсивные особенности комментариев о коронавирусе? Исходное предположение состояло в том, что динамика локальной медиасферы следует за динамикой распространения вируса в локальном контексте (Новосибирской области). Интерес к новостям и эмоции (страх, тревога) связаны со степенью близости ситуации реальной угрозы, с вероятностью заражения. Чем сильнее угроза, тем сильнее должна быть реакция на нее. Соответственно, в центре внимания журналистов и пользователей должны быть сообщения о распространении эпидемии (конкретные числовые данные), симптомах болезни, способах лечения и обстановке в медицинских учреждениях.

² Sood S. The humanistic-existential psychology of coronavirus disease. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/341106430_The_humanistic-existential_psychology_of_coronavirus_disease (дата обращения 22.12.2020).

Новостной сайт Новосибирска – НГС (ngs.ru) – был выбран для анализа как наиболее востребованный и комментируемый, его суточная аудитория составляет 439 тыс. пользователей ежедневно. Согласно аналитическому отчету мэрии Новосибирска, данный сайт – и самое популярное СМИ города, и самый популярный интернет-ресурс³. Сайт имеет ярко выраженную локальную городскую направленность, не будучи государственным или оппозиционным ресурсом. В данном исследовании важно, что на НГС уже давно существует культура активного комментирования новостей, что позволяет понять реакцию пользователей на публикации (комментарии снабжены возможностью их одобрения (+) или неодобрения (–)); кроме того, анализ содержания и формы комментариев позволяет выносить суждения о степени их эмоциональности.

Эмпирической базой исследования явился новостной контент о коронавирусе с момента первого упоминания (22 января) по 19 июля (первая волна COVID-19 в Новосибирской области). В центре внимания были: количество новостей о COVID-19 за сутки, количество суточных просмотров, комментариев, а также анализ их содержания и дискурсивных черт, вызвавших наибольший интерес, одобрение или неодобрение, наибольший эмоциональный отклик. Было проанализировано 2 017 статей и 316 000 комментариев. Количество статей рассматривалось как проявление интереса СМИ; количество просмотров – интереса пользователей; количество и содержание комментариев – эмоциональный отклик пользователей.

Акцент был сделан на анализе именно данного сайта как наиболее адекватного для замысла исследования; при этом было замечено, что динамика публикаций и активности пользователей популярных местных сообществ («АСТ-54», «Инцидент Новосибирск», «Типичный Новосибирск»), а также дискурс комментариев по теме коронавируса в целом совпадает с выбранным для анализа новостным медиаресурсом. В статье «“Двойные послания” (double bind) в российских медиа в период эпидемии COVID-19» рассматривается специфика освещения тематики, связанной с коронавирусом, в региональных и федеральных, государственных и негосударственных медиа [Первушин, 2020]. Кроме того, для анализа мы использовали исследование индекса самоизоляции в Новосибирске, которое проводит «Яндекс» (исследование поведения – городской активности)⁴.

Динамика медиасферы в период распространения COVID-19

22 января появилась первая публикация, посвященная COVID-19. 11 марта ВОЗ объявило о том, что распространение COVID-19 приобрело характер пандемии. На сайте НГС тема коронавируса переместилась в центр внимания и ста-

³ Аналитический отчет по результатам проведения социологического исследования: аудитория средств массовой информации города Новосибирска (октябрь, 2019 год). URL: <https://novosibirsk.ru/news/232683/> (дата обращения 21.07.2020).

⁴ Индекс самоизоляции. Исследования «Яндекса». URL: <https://yandex.ru/company/researches/2020/podomam> (дата обращения 21.07.20).

ла явным лидером с середины марта и продолжает занимать заметное место до сих пор (ранее статей было немного и выходили они не каждый день).

Рассмотрим график динамики статей о COVID-19 на сайте НГС. Выделяются пики – 18 марта, 27 марта; 30 марта – 3 апреля; 8–10 апреля; 14–16 апреля; 23 апреля и 28 апреля; 11 мая; 28 мая; 8 июня; 23 июня; 15 июля. Тематика статей в эти дни представлена в табл. 1. С 1 апреля и до 19 июля заметен тренд на постепенное снижение публикационной активности при очевидном росте заболеваемости (рис. 1–4).

До конца майских праздников пики связаны с решениями президента или губернатора, а также с ростом заражений и первыми летальными исходами; после майских праздников пики журналистской активности вызваны продлением или снятием ограничительных мер, рекордной смертностью и трудностями масочного режима. Графики динамики просмотров (рис. 2) и комментариев (рис. 3) сходны с графиком динамики публикаций. Кроме того, до майских праздников наблюдается сходство этих графиков с графиком прироста новых заражений в день в мире (в мире, а не в Новосибирске или России), а после 9 мая – сходство с графиком новых заражений в Москве (рис. 5).

Интерес пользователей к тематике коронавируса падает после 31 марта (самый резонансный день). Всплески интереса до 9 мая наблюдаются 18–20 марта; 20 апреля; 28 апреля и 2 мая (рис. 2). Ключевыми катализаторами просмотров служат введение ограничений (особенно запрет на прогулки и занятия спортом), а также портреты молодых жертв коронавируса. Как замечено выше, график имеет сходство с графиком новых зараженных в мире. Ситуация в мире – мысленный проект того, что будет в России. Люди ориентируются на угрозу, которая уже есть в других странах и только появляется у нас (по официальным данным). Далее мы проверим это предположение статистическими методами.

Всплески интереса после майских праздников наблюдаются 11 мая, 28 мая, 8 июня, 22 июня. Интерес связан с решениями президента и губернатора, а не с информацией о распространении эпидемии. Большое количество заражений и новых смертей не привлекают внимание в прежней мере, хотя эпидемия в городе и области нарастает.

Количество комментариев пользователей, в том числе эмоционально окрашенных, снижается после 31 марта вопреки динамике эпидемии. Пики: 31 марта – 1 апреля; 7–10 апреля; 13–14 апреля; 16–17 апреля; 20 апреля; 23 апреля; 28 апреля; 11 мая; 24 мая; 28 мая; 1 июня; 8 июня; 23 июня; 13 июля. На протяжении всего периода наибольшее количество ярко выраженных эмоциональных реакций связано с введением, продлением, соблюдением и снятием ограничительных мер. До майских праздников интенсивное комментирование провоцировала и сама тематика эпидемии; после – эпидемиологическая обстановка уходит в содержании комментариев на второй план.

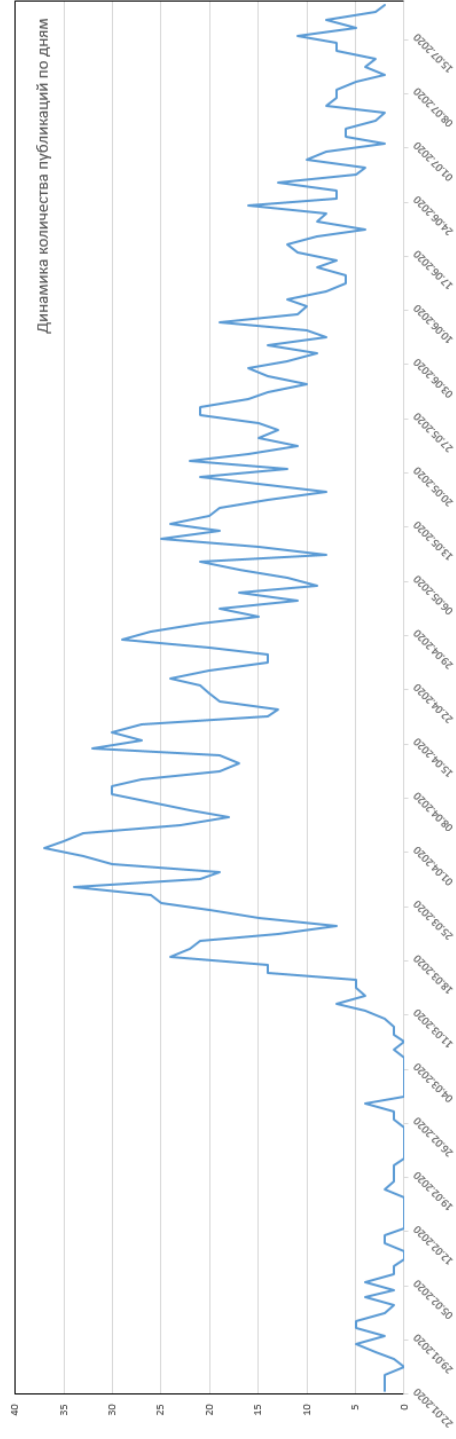
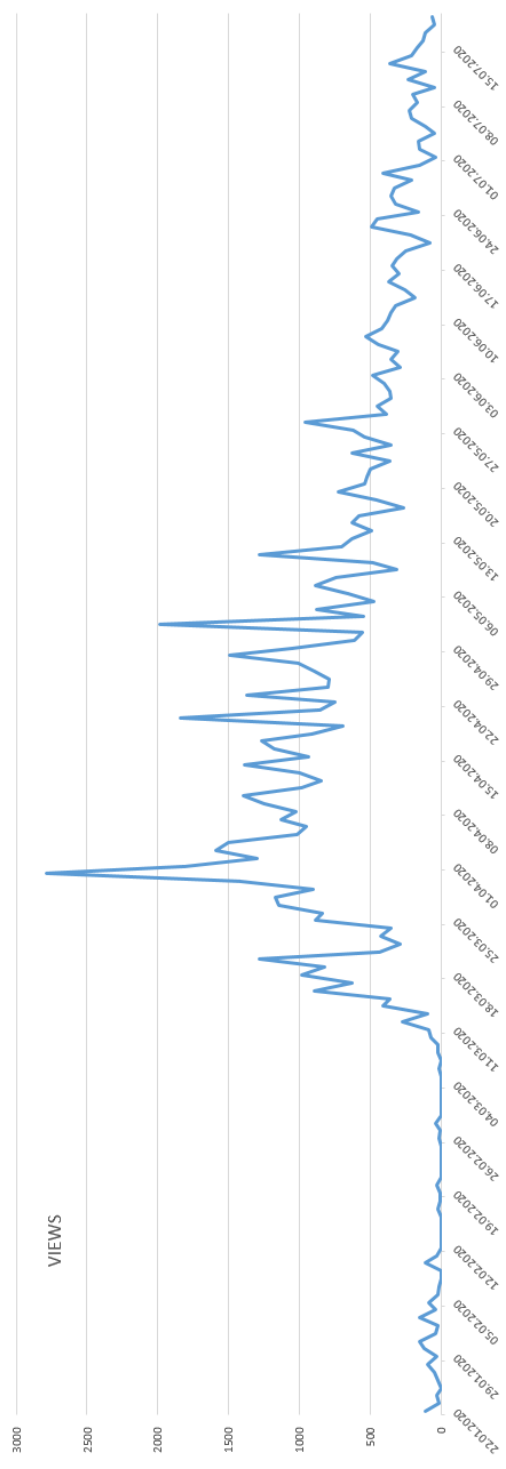

Рис. 1. Динамика количества публикаций о коронавирусе на сайте НГС по дням

Fig. 1. Dynamics of the number of publications about coronavirus on the website NGS by day

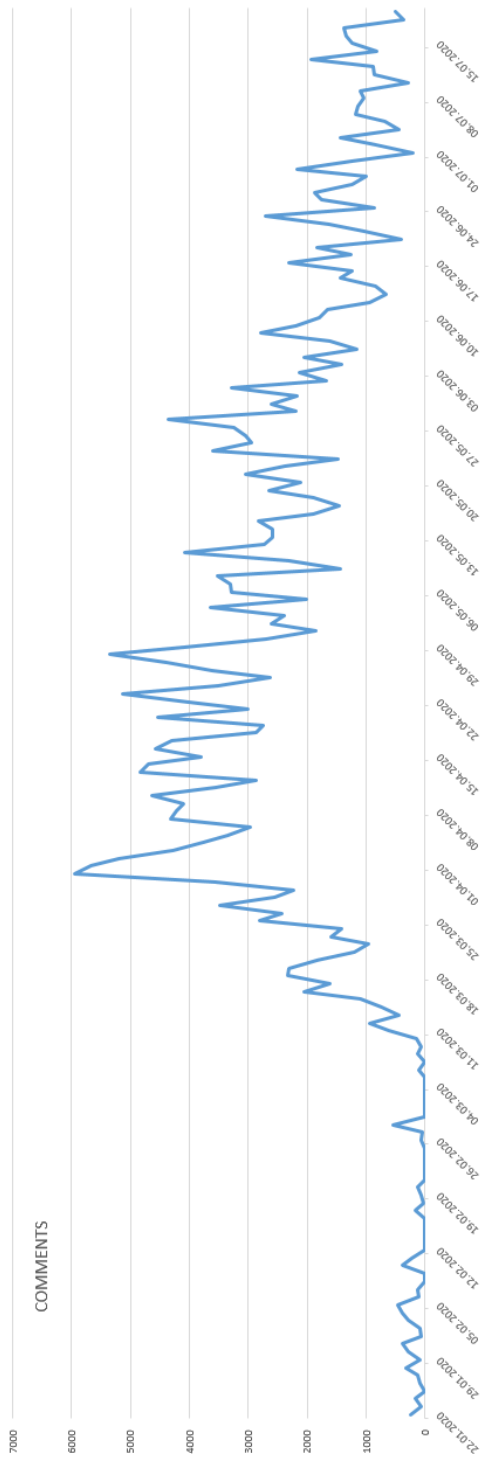

Рис. 3. Динамика количества комментариев к статьям о коронавирусе на сайте НГС по дням

Fig. 3. Dynamics of the number of comments about coronavirus on the website NGS by day

NEW CASES IN NOVOSIBIRSK

Рис. 4. Новые случаи заражения коронавирусом в Новосибирской области по дням (Источник данных – «Яндекс. Коронавирус: статистика».
URL: https://yandex.ru/covid19/stat?utm_source=main_notif&geol=11316 (дата обращения 22.07.2020))

Fig. 4. New cases of coronavirus infection in Novosibirsk Region by day (Source – Yandex. Coronavirus: Statistics.
URL: https://yandex.ru/covid19/stat?utm_source=main_notif&geol=11316 (Accessed: 22.07.2020))

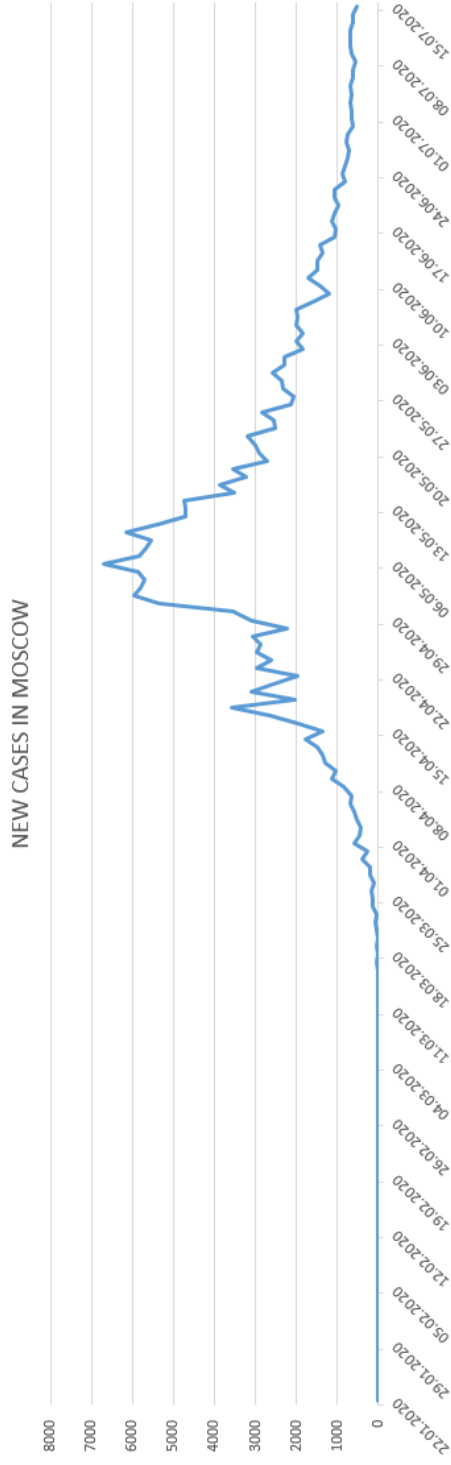

Рис. 5. Новые случаи заражения коронавирусом в Москве по дням (Источник данных – «Яндекс. Коронавирус: статистика»
URL: https://yandex.ru/covid19/stat?utm_source=main_notif&geoid=11316 (дата обращения 22.07.2020)

Fig. 5. New cases of coronavirus infection in Moscow by day (Source – Yandex. Coronavirus: Statistics
URL: https://yandex.ru/covid19/stat?utm_source=main_notif&geoid=11316 (Accessed: 22.07.2020)

Таблица 1

Дни с пиковыми значениями количества публикаций, просмотров и комментариев на сайте ngs.ru и тематика статей в эти дни

Table 1

Days with the maximum number of publications, views and comments on the website ngs.ru and main related topics

Дата	Тематика популярных статей
18–20 марта	Официально первый зараженный в области
27 марта	Введение ограничений, каникул; обращения президента и губернатора
30 марта – 3 апреля	Продление «каникул», ужесточение сдерживающих мер, введение запретов
7–10 апреля	Зараженных в области уже 18; первый невыездной; новые постановления; новость о том, что уже многие могли переболеть зимой; полицейские проверки гуляющих
13–14 апреля	Всплеск зараженных, первая жертва, штрафы, Пасха вне храмов
16–17 апреля	Второй умерший; рост числа зараженных; история болезни жительницы города
20 апреля	Первые зараженные дети; рост числа зараженных и жертв (одному 38 лет); прогноз на пролонгацию сдерживающих мероприятий
23 апреля	Обсуждение введения масочного режима, вспышка коронавируса в больнице
28 апреля	Обсуждение введения масочного режима, рекорд по числу заболевших
2 мая	Молодой умерший
11 мая	Конец «нерабочих дней», меры поддержки населению; постановление губернатора; бессрочное продление самоизоляции в городе; обращение президента
24 мая	Обсуждение последствий субботних вечеринок
28 мая	Предложение Минздрава не включать в статистику тех, «кто не жалуется»; продление самоизоляции в городе
1 июня	Получение президентских выплат на детей; скандал в трамвае из-за отказа девушки надеть маску
8 июня	Открытие непродовольственных магазинов, трудности масочного режима
22–23 июня	Трудности масочного режима, ослабление самоизоляции, отзывы врачей о работе в ковидных госпиталях, рекорды по смертности, обращение президента
13–15 июля	Увольнения медработников, открытие торговых центров

Если составлять рейтинг самых просматриваемых и комментируемых статей, то преобладать в них будут статьи об ограничительных мерах: «*Что отныне запрещено жителям Новосибирска: объясняем коротко в 5 пунктах*» (881 комментарий и 607 000 просмотров); «*Въезд в область ограничат, людям запрещают гулять: что еще решили власти Новосибирска*» (667/36 900); «*Публикуем губернаторский указ, который запрещает жителям Новосибирска выходить из дома. Изучайте*» (827/308 000); «*Травников ограничил доступ в НСО и запретил новосибирцам прогулки*» (559/396 000); «*Кому разрешили с понедельника работать – публикуем постановление Андрея Травникова. Изучайте*» (300/296 000); «*Догоулялись: режим самоизоляции в Новосибирске продлили до 30 июня*» (890/224 000); «*Власти Новосибирской области собираются заставить всех носить маски на улице*» (1002/130 000) и др. До майских праздников большой резонанс вызывали и статьи непосредственно об эпидемиологической ситуации, сценариях возможного заражения, историях болезни, условиях в больницах, лечении дома и в ковидных госпиталях: «*Стало известно, где и как заразились коронавирусом двое жителей Кемерово*» (460/308 000); «*Всё это время продолжала ходить на работу: история 29-летней сибирячки, умершей от коронавируса*» (956 комментариев и 278 000 просмотров); «*Новосибирск поставил новый рекорд по зараженным коронавирусом инфекцией – столько еще не было*» (659/245 500); *Два новых случая коронавируса в Новосибирске. Одна из заболевших никуда не летала* (323/164 000); «*“Заперли нас в номере, без воды и вай-фая”. Сибиряки показали условия внутри карантинного обсерватора*» (1223/128 000); «*Почему в Новосибирске всплеск заболевших коронавирусом – 25 случаев за три дня? Объясняет вирусолог*» (374/176 000). Новости о рекордах по количеству заболевших и умерших в июне и июле не вызывают у пользователей такого отклика, как весной. Видимо, риск заражения перестает быть в центре внимания в картинах мира пользователей несмотря на ухудшение эпидемиологической ситуации.

Было проведено статистическое исследование связей между тремя исследуемыми медийными показателями (к ним мы добавили индекс самоизоляции) и новыми случаями официально выявленных зараженных за сутки (см. табл. 2). Рассчитывался коэффициент корреляции Спирмена в программе SPSS Statistics. Мы видим в период с 22 января по 19 июля связи между количеством статей (0,663), комментариев (0,673), просмотров (0,741) в день и самоизоляцией (0,321) и информацией о новых официально выявленных случаях заражения в Москве ($p < 0,01$). И журналисты, и пользователи сайта, и жители города ориентируются в своих действиях и переживаниях на происходящее в Москве. Заметная связь между эмоциональной реакцией пользователей НГС и новыми случаями заражения в Москве контрастирует с отсутствием заметных и сильных связей медийных показателей и самоизоляции с выявленными новыми случаями в Новосибирской области (единственная значимая слабая связь – с количеством комментариев (0,304; $p < 0,01$). Это может говорить об отсутствии ориентации на локальный контекст распространения COVID-19.

Таблица 2

Связи между новыми случаями
и рассматриваемыми характеристиками реакции на пандемию COVID-19

Correlations between new cases of infection
and characteristics of the response to the COVID-19 pandemic

Table 2

Исследуемые характеристики	Новые случаи							
	Новосибирская область (22 января – 19 июля)		Москва (22 января – 19 июля)		Россия (22 января – 19 июля)		в мире (22 января – 19 июля)	
	до 6 мая	после 6 мая	до 6 мая	после 6 мая	до 6 мая	после 6 мая	до 6 мая	после 6 мая
Количество статей / день	0,234		0,663		0,517		0,354	
	0,567	-0,652	0,777	0,758	0,780	0,715	0,783	-0,741
Количество просмотров / день	0,212		0,673		0,503		0,330	
	0,611	-0,667	0,802	0,796	0,804	0,733	0,795	-0,769
Количество комментариев / день	0,304		0,741		0,575		0,415	
	0,651	-0,615	0,848	0,706	0,847	0,646	0,835	-0,687
Индекс самоизоляции («Яндекс»)	-0,224		0,321		0,099		-0,199	
	0,25	-0,265	0,441	0,503	0,436	0,486	0,528	-0,5

Анализируя рис. 1–5, мы приняли решение разделить табл. 2 на два периода: до 6 мая и после 6 мая. 6 мая – пик выявленных случаев в Москве. Нас интересовало, как меняются показатели медиа и самоизоляции в условиях информирования об официальном падении эпидемии в России и Москве и росте в Новосибирске и мире. Период с 22 января по 6 мая примечателен ярко выраженной ориентацией пользователей сайта и горожан на происходящее в мире: сильные статистически значимые ($p < 0,01$) связи между новыми случаями в мире и просмотрами (0,795), комментариями (0,835) и журналистской активностью (0,783); наблюдается средняя связь с индексом самоизоляции (0,528). Информация о событиях в Китае и Европе находит большой отклик у журналистов и пользователей. Обнаружены сильные связи ($p < 0,01$) исследуемых характеристик медиасферы с количеством новых случаев в Москве (количество статей 0,777; количество просмотров 0,802; количество комментариев 0,848) и России (количество статей 0,78; количество просмотров 0,804; количество комментариев 0,848). Любопытно, что сильных значимых связей характеристик медиасферы и самоизоляции с новыми выявленными случаями в Новосибирской области нет (есть средние связи ($p < 0,01$): публикационной активности (0,567); количества просмотров (0,611) и комментариев (0,651)). Журналистский интерес и индекс самоизоляции в городе оказываются в меньшей степени связаны с происходящим в области до 6 мая. Это свидетельствует о том, что интерес к вирусу, распространению эпидемии, страхи и переживания по поводу возможного заражения существуют в картинах мира новосибирцев до информации относительно ее существенного распространения в городе: ситуация в мире (особенно в Китае и Европе) и Москве (как главном месте эпидемии в стране на этом этапе) воспринимается в качестве возможных сценариев того, что ждет Россию и Новосибирск. До 6 мая новосибирцы отзывались в большей степени на мировые события из-за того, что тем самым они могли снизить неопределенность происходящего, понять, чего ждать, к чему готовиться. Журналисты и пользователи реагировали скорее не на эпидемию в городе и области, а на эпидемию в других странах и Москве и ограничительные меры по всей России, которые были особенно значительными с середины марта до майских праздников. Возможно, повышенное внимание СМИ, интереса и эмоциональных реакций интернет-пользователей связаны с явлением футурошока, при котором изменения, происходящие в мире, столь стремительны, что человеку трудно под них адаптироваться, что вызывает тяжелое воздействие на психическое и психологическое состояние человека [Тоффлер, 2008]. Тоффлер имел в виду в первую очередь технологические изменения, что несколько отличается от экстремальной ситуации пандемии, однако необходимость работать и учиться удаленно, отменить очные социальные взаимодействия и многие практики и использовать цифровые заменители, вероятно, и является таким изменением.

После 6 мая картина сильно меняется. Ситуация в мире уже не привлекает внимания новосибирцев. Обнаружены средние и сильные отрицательные связи ($p < 0,01$) между числом новых случаев заражения в мире и количеством комментариев (–0,687), количеством просмотров (–0,769), публикационной активностью (–0,741); заметная отрицательная связь (–0,5) с индексом самоизоляции.

При том, что пандемия в мире стремительно развивается, интерес журналистов и пользователей в Новосибирске, а также эмоциональные реакции по отношению к ней падают; люди все реже соблюдают режим самоизоляции. Информация о развитии эпидемиологической ситуации в разных странах мира перестала являться необходимым ресурсом для ориентации в ситуации неопределенности. Одновременно центром притяжения для выработки отношения к ситуации и выбора поведенческой стратегии становится ситуация в России и Москве. Выявлены сильные и средние связи журналистской активности (0,758), количества просмотров (0,796), количества комментариев (0,706) с новыми случаями в Москве ($p < 0,01$). Схожие связи обнаружены и между новыми случаями в России и количеством статей (0,715), комментариев (0,646) и просмотров (0,733). Присутствуют и связи ($p < 0,01$) индекса самоизоляции с новыми случаями в России (0,486) и Москве (0,503). Заметно, что журналисты и пользователи ориентируются на федеральную эпидемиологическую обстановку, тенденции которой близки к столичной. При этом обнаруживаются средние отрицательные корреляции ($p < 0,01$) между новыми случаями в Новосибирской области и публикационной активностью (–0,652), количеством просмотров (–0,667) и количеством комментариев (–0,615). Хотя согласно официальным данным с 6 мая до 19 июля эпидемиологическая обстановка только ухудшалась, журналисты стали меньше писать о коронавирусе, пользователи – меньше читать новости и комментировать, новосибирцы вышли из режима самоизоляции. Исходное предположение о том, что интерес и эмоциональные реакции зависят от местной эпидемиологической ситуации, не нашло подтверждения. Почему же люди ориентируются на федеральную (в особенности московскую) ситуацию с эпидемией, а не на локальную? В чем причина наблюдаемой кажущейся иррациональности реакции, когда при отсутствии зараженных люди ходят по улице в масках, а в разгар эпидемии перестают обращать на нее сильное внимание? Могут быть разные объяснения. Люди устали от самоизоляции и новостей о коронавирусе. СМИ могут намеренно снизить публикационную активность, выполняя заказ властей. Возможно, существующие экономические проблемы актуальнее потенциальных проблем со здоровьем. Наступление летнего периода способствует перемещению большого количества людей на дачи, а остальных в значительной степени провоцирует на прогулки, занятия спортом и т. д.

Исходя из полученных результатов, можем предположить, что новосибирцы в принципе не очень активно проявляют интерес к локальной ситуации с заболеваемостью коронавирусом. Отношение к коронавирусу в начале эпидемии могло быть связано с новизной, неожиданностью, уникальностью ситуации, а также введением небывалых ранее запретов, ограничений и наказаний за их нарушение. В этой ситуации уровень неопределенности был очень высок. Непонятен был риск заражения, скорость и источники распространения, способы диагностики и лечения, необходимые наиболее эффективные стратегии поведения и т. д. Столкновение с этим чрезвычайным уровнем неопределенности вызвало в стране реакцию страха, тревожные состояния людей, способствовало возникновению реакций дистресса, что согласуется с исследованиями Хофстеде, характеризующего Россию как страну с высоким индексом нетолерантности к не-

определенности⁵. Люди оказались в ситуации угрозы здоровью и одновременно подверглись массе ограничений в отношении обычного течения жизни. По мере развития ситуации в мире, в стране, в Москве уровень неопределенности снижается (хотя и остается достаточно высоким), по крайней мере, в отношении уровня угрозы.

Риски в сознании людей становятся более определенными, и новосибирцы между свободой и безопасностью для себя и окружающих начинают выбирать свободу. Страх и тревога вытесняются из актуального сознания. Бытовые наблюдения автора этому соответствуют: пожилые уличные торговцы не боятся заразиться и не используют никаких средств защиты, молодые люди организуют вечеринки, подпольно работают спортивные залы и клубы, не боясь ни болезни, ни штрафов и т. д. Данная стратегия подкрепляется решениями властных органов о постепенном снятии разных ограничений (режим всеобщей самоизоляции, запрет прогулок, запрет спорта и пр.) и меньше контролирующими соблюдение социальной дистанции, масочный режим, работу кафе и подпольных спортзалов. Показательно, что в комментариях пользователей до 6 мая часто можно встретить одобрение того, что закрыты торговые центры, летние веранды кафе и спортклубы; в июне и июле новости об их открытии находят уже сдержанно или откровенно позитивный отклик.

О. Яницкий рассматривает Россию как не просто общество риска, а «общество всеобщих рисков», подразумевая, что россияне уже не так обостренно воспринимают окружающие их риски в силу их «нормализации» [Яницкий, 2004]. Возможно, действительно на первом этапе информирования о пандемии люди испытывали страх перед неопределенностью, находились в ситуации стресса и проявляли активность и эмоциональность из-за непонимания возможных рисков, а позднее, приблизительно оценив их, решили, что на них стоит обращать меньше внимания и продолжать нормально жить в новых предлагаемых условиях.

Возможно, такая ситуация с отсутствием восприятия важности локальной ситуации эпидемии характерна не только для Новосибирска. Данные проекта коронаФОМ подтверждают эту тенденцию: с 6 мая растет интегральный индикатор пренебрежения рисками, игнорирования болезни с 13 апреля и нормализации жизни с 17 июня⁶. Вытеснение коронавируса из актуальной повестки характерно не только для принимающих решения о снятии различных ограничений, но и для журналистов, пользователей и горожан.

Ориентация местных СМИ и медиапользователей на информацию о развитии ситуации в Москве предъявляет высочайшие требования к рефлексии ответственности федеральных медиа в их оптимизме по отношению к развитию ситуации в России. В каждом регионе своя ситуация. Необходима ответственность местных СМИ, их ориентация на происходящее в конкретном городе или области, а не на транслирование столичной повестки. Прогнозируя развитие событий,

⁵ Hofstede, G. Dimension Data Matrix. 2015. URL: <http://www.geerthofstede.nl/> (дата обращения 12.01.2021).

⁶ Интегральные индикаторы. Проект коронаФОМ. 2020. URL: <https://covid19.fom.ru/post/integralnye-indikatory> (дата обращения 22.07.2020).

медиа способствуют формированию у пользователей их собственных вариантов прогнозирования, от которых зависит их психологическое состояние и предпринимаемые действия. В целом несоответствие динамики эпидемии медийному освещению может нести в себе значительные риски и угрозы. Уменьшение внимания СМИ тематике коронавируса может служить сигналом улучшения ситуации и приводить к более легкомысленному отношению аудитории к соблюдению необходимых ограничений и более скептическому отношению к перспективе вакцинации (что в конечном счете может выражаться в большем количестве зараженных и умерших). Впрочем, насколько именно медиа определяет отношение людей к соблюдению карантинных мер и вакцинам – вопрос, требующий дальнейшего изучения.

Если провести аналогичные исследования среди других регионов, то можно выявить закономерность следования за московской повесткой или установить различия: возможно, в каких-то городах журналисты и пользователи более независимы и ориентированы на локальный контекст.

Содержательные характеристики медиасферы в период пандемии COVID-19

Агрессивный дискурс. Изучая комментарии НГС, можно заметить общую негативную, критическую, пессимистическую их направленность и даже агрессивность. Это можно объяснить, с одной стороны, стилистикой общения в Интернете, а с другой – переживаниями, стрессом в связи с уникальной ситуацией неопределенности, в которую люди были помещены. Проведенное психологами НГУ онлайн-исследование на 2837 респондентах показало, что в конце апреля в эмоциональном фоне новосибирцев доминировали страх, раздражение, тревога и печаль. При этом особенно остро эти эмоции проявлялись у лиц, нетолерантных к неопределенности [Первушина и др., 2020]. Очевидно, что люди ищут способы снижения такой эмоциональной перегрузки. Особенно остро ощущается агрессивность комментариев в период до 6 мая; позднее количество групп, по отношению к которым направлена агрессия, снижается, а тон сообщений несколько смягчается. До майских праздников критика направлена в адрес властей (местных и федеральных); туристов; священников и православных («*вербанутые*»); «гуляющих» в режиме самоизоляции (особенно нарушителей предписанного карантина); запасавшихся надолго; врачей (особенно после первых смертей); тех, кто не носит маски, и тех, кто их носит постоянно, и тех, кто изображает, что их носит; тех, кто верит в опасность вируса и тех, кто считает, что он «не страшнее гриппа»; сторонников теорий заговора; жертв вируса; системы здравоохранения; онлайн-образования и пр. После 6 мая доминирующие мишени – власть и система здравоохранения. Добавляются новые группы, в отношении которых присутствует недовольство – похоронный бизнес и участники и организаторы несанкционированных вечеринок («*пир во время чумы*»). В отношении других групп уровень агрессии заметно снижается или вовсе исчезает. Примечательно, что за весь исследуемый период не было выявлено негативного дискурса в адрес Китая и действий его властей ни среди журналистов, ни среди

пользователей (ответственных за тяжелую эпидемиологическую ситуацию журналисты и пользователи находят внутри сообщества, а не извне).

В ходе анализа содержательных аспектов комментариев было выявлено **3 основные группы пользователей по критерию отношения к проблематике коронавируса**: 1) скептики (считают, что всё раздули без повода, что это не страшнее гриппа, кому-то нужен этот вирус; высмеивают «паникеров», запасующихся, носителей масок и перчаток; убеждены, что умирают не от коронавируса, а с коронавирусом, поэтому статистика сильно преувеличена); 2) осознающие опасность с первых дней (проблема реальна с начала марта, они максимально выполняют рекомендации и ненавидят тех, кто ведет себя иначе; считают, что статистику занижают); 3) пользователи с пластичной позицией (самая многочисленная группа). Для последней группы характерны этапы отношения к проблематике коронавируса: 1) отрицание, скепсис в отношении угрозы; 2) осознание необходимости специальных мер на фоне оценки действий властей как избыточных; 3) оценка мер властей как недостаточных и непоследовательных; 4) усталость, необходимость жить в условиях опасности заражения и соблюдать все меры предосторожности; 5) вытеснение вне зависимости от эпидемиологической обстановки. Динамика отношения в третьей группе согласуется с предыдущими выводами: сначала велики страх, напряжение, недовольство, тревога и неопределенность, что отражается в количестве и содержании комментариев; далее ситуация становится более определенной в плане возможных рисков и люди вытесняют из актуальной повестки сознания тематику COVID-19, несмотря на отсутствие улучшений эпидемиологической ситуации. Статьи о первом выявленном случае заражения в области, о первом заболевшем ребенке оказались гораздо востребованнее для пользователей, чем новости о рекордах заболеваемости летом или о том, что реальное количество жертв за июнь может измеряться несколькими сотнями.

Динамика медиасферы на первом этапе следовала за событиями в мире и Москве; позднее доминировал московский контекст. При этом локальная эпидемиологическая ситуация не являлась определяющей; особенно это заметно после 6 мая, когда рост реальной угрозы сопровождался падением выделенных индикаторов медиасферы. В целом резонанс пользователей связан скорее с запретами и ограничениями, а не с эпидемией непосредственно, особенно после майских праздников.

Список литературы

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Луман Н. Понятие риска // Альманах THESIS. 1994. № 5. С. 135–160.

Первушин Н. «Двойные послания» (double bind) в российских медиа в период эпидемии COVID-19 // Reflexio. 2020. Т. 13, № 2. С. 44–65.

Первушина О., Фёдоров А., Дорошева Е. Переживание пандемии COVID-19 и толерантность к неопределенности // Reflexio. 2020. Т. 13, № 1. С. 5–20.

Первушина О., Шабалин А. Пандемия COVID-19: обзор первых публикаций // *Reflexio*. 2020. Т. 13, № 2. С. 5–29.

Тaleb Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Сбербанк, 2010. С. 189–233.

Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2008.

Федосенко Е. Жизнь после карантина, психология смыслов и коронавирус COVID-19 // Психологические проблемы смысла жизни и акме. 2020. № XXV. С. 35–46.

Яницкий О. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 5–15.

Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1991.

Xiang Y., Yang Y., Li W. et al. Timely mental health care for the 2019 novel corona outbreak is urgently needed // *Lancet Psychiatry*. 2020. Vol. 7 (3). P. 228–229.

References

Beck U. (2000). *Risk Society. Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Tradition (in Russ.).

Fedosenko E. (2020). Life after the Quarantine: Psychology of Sense and Corona-virus COVID-19. *Psikhologicheskie problemy smysla zhizni I acme* [Psychological Problems of the Meaning of Life and Acme], XXV, 35–46 (in Russ.).

Giddens A. (1991). *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.

Luhmann N. (1994). The definition of risk. *Almanah THESIS* [THESIS Almanac], 5, 135–160 (in Russ.).

Pervushin N. (2020). Double Bind in Russian Media during the COVID-19 Epidemic. *Reflexio* [Reflexio], 13 (2), 44–65 (in Russ.).

Pervushina O., Fedorov A., & Dorosheva E. (2020). Perezhivanie pandemii COVID-19 i tolerantnost' k neopredelennosti [The Experience of COVID-19 Pandemic and Tolerance to Uncertainty]. *Reflexio*, 13 (1), 5–20 (in Russ.).

Pervushina O., & Shabalin A. (2020). COVID-19 Pandemic: review of first publications. *Reflexio* [Reflexio], 13 (2), 5–29. (in Russ.)

Taleb N. (2010). *The Black Swan. The Impact of the Highly Improbable*. Moscow: Sberbank (in Russ.).

Toffler A. (2008). *The Future Shock*. Moscow: AST (in Russ.).

Xiang Y., Yang Y., Li W. et. al., (2020). Timely mental health care for the 2019 novel corona outbreak is urgently needed. *Lancet Psychiatry*, 7(3), 228–229.

Yanitsky O. (2004). Russia as a Risk Society: Methodology of the Analysis and Concept Outlines. *Sotsial'nye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2, 5–15 (in Russ.).

Информация об авторе

Николай Сергеевич Первушин, магистр социологии, преподаватель
RSCI AuthorID 806942

Information about the Author

Nikolay S. Pervushin, Master of Sociology, Lecturer
RSCI AuthorID 806942

Статья поступила в редакцию 16.01.2021
The article was submitted 16.01.2021

Научная статья

УДК [94(100)“1939/45”:341.46(=411.16)]:2-1

DOI 10.25205/2658-4506-2021-14-1-38-82

Мыслимость Откровения: к событию Шоа

Данила Владимирович Малахов

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

Гомель, Республика Беларусь

danmalakhov08@mail.ru

Аннотация

Работа посвящена философскому и теологическому осмыслению события массового уничтожения еврейского народа в годы Второй мировой войны, известного как Шоа. В статье предлагается понимание этого события как обладающего универсальным значением для мировой истории. Откровение интерпретируется двояким образом: как человеческая весть о смысле Шоа, представленная в свидетельствах жертв и выживших людей, и как религиозно-философский способ концептуального понимания данной вести, основанный на идее Откровения в тринитарной теологии. Свидетельство рассматривается с точки зрения предельной теологической ценности: как свидетельство-исповедание и свидетельство-действие. Действие определяется в качестве сотериологического акта, совершаемого человеком в отношении Абсолютного Бытия. Абсолютный ценностный ранг события Шоа ставится в непосредственную связь с событием Великой Отечественной войны и отдельными интенциями христологической мысли о природе и генетическом порядке осуществления теозиса. Автор опирается на корпус сочинений русских мыслителей Серебряного века, философию Ницше и Хайдеггера, а также на труды современных российских, израильских, американских и европейских философов и теологов.

Ключевые слова

Откровение, Шоа, Великая Отечественная война, событие, свидетельство, исповедание, действие, акт, тринитарная теология, софиология, христология, воскресение, теозис, телос

Для цитирования

Малахов Д. В. Мыслимость Откровения: к событию Шоа // Reflexio. 2021. Т. 14, № 1. С. 38–82. DOI 10.25205/2658-4506-2021-14-1-38-82

Conceivability of Revelation: To the Enowning of Shoah

Danila V. Malakhov

Francisk Scorina Gomel State University
Gomel, Republic of Belarus
danmalakhov08@mail.ru

Abstract

The article is concerned with philosophical and theological interpretation of the phenomenon of genocide of Jewish People in the days of the Second World War known as “Shoah”. The article presents comprehension of this phenomenon as the one possessing universal significance for the world history. The notion of Revelation is being interpreted in two ways: as a human message about the sense of Shoah, presented in testimonies of victims and survivors as well as a religious-philosophical way of conceptual comprehension of this message based on the idea of Revelation in Trinitarian theology. Testimony is interpreted from the point of ultimate theological value as a confessional testimony and as an actional one. Action is defined as a soteriological act committed with respect to Absolute Being. Absolute value rank of Shoah is set into direct correlation with the event of the Great Patriotic War as well as with separate intentions of Christological thought about the nature and genetic order of Theosis implication. The author is supported by the corpus of written works of Russian thinkers of the Silver Age, Nietzsche’s and Heidegger’s philosophy, along with transactions of modern Russian, Israeli, American and European philosophers and theologists.

Keywords

Revelation, Shoah, Great Patriotic War, Enowning, Testimony, Confession, Influence, Act, Trinitarian Theology, Sophiology, Christology, Resurrection, Theosis, Telos

For citation

Malakhov D. V. (2021) Conceivability of Revelation: To the Enowning of Shoah. *Reflexio*, 14 (1), 38–82. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2021-14-1-38-82

*Светлой памяти моего Друга и Учителя
Владимира Зиновьевича Когана
посвящаю*

Слова о Шоа написаны русским человеком.

Трудно говорить и писать о Шоа, если это событие не стало событием собственного ума и сердца, не изранило их своими образами и не исцелило своей истиной. Мне посчастливилось пройти этим путем. Я шел не один. Поддержка и благословение раввина из белорусского местечка в Витебской области Игаэла Йегуди сделали возможным завершение этого текста. Силы начать и в целом осуществить задуманное дала мне моя родная страна – Россия, пожертвовавшая миллионами жизней и сотворившая небывалое в мировой истории усилие, чтобы остановить нацизм. Ее память питала мой труд. Не поскупилась на дар и любимая белорусская земля, пропитанная невинной кровью; земля, открывшая объятия сотням тысяч евреев, которые осчастливили ее своими семьями, песнями, хасидскими сказаниями и учениями. Они насытили ее трудолюбием учителей, врачей, музыкантов, ученых. На белорусской земле *Сердце Закона* познало счастье.

В качестве эпиграфов к тематическим разделам работы я помещаю строки из песен Владимира Высоцкого, в которых людям была в полной мере дарована весть о том, что Шoa и Великая Отечественная война есть единое духовное событие человечества.

1. Событие

Животом – по грязи... Дышим смрадом болот,
Но глаза закрываем на запах.
Нынче по небу солнце нормально идет,
Потому что мы рвемся на запад!
Руки, ноги – на месте ли, нет ли?
Как на свадьбе росу пригубя,
Землю тянем зубами за стебли –
На себя! Под себя! От себя!

В. Высоцкий, «Мы вращаем землю»

В современной западной мысли в той или иной степени присутствуют две значительные тенденции. С одной стороны, это отказ от единого онтологического и эпистемологического основания, что в целом соответствует парадигме постмодернистских и постструктуралистских философии, культурологи, социологии, искусствоведения. С другой стороны, это поиск такого основания в политэкономических учениях и практиках по трансформациям общественного сознания, обнаруживающих себя в тех же концепциях постмодернизма, неолиберализма, глобализма и космополитизма. Национальная государственность и национальные чувства рассматриваются в этих концепциях как исторические пережитки, источник экзистенциальной тревоги и политической напряженности.

Обе тенденции представлены текстами той части философской мысли, в которой провозглашаются и обосновываются сложившиеся к началу XXI века ценностные установки западной цивилизации. Экспансия специфических культурных установок, форм и учений о человеке со стороны государств, принявших неолиберальную модель развития, характеризуется удивительной способностью не только к ценностной экспансии в сферу культуротворчества государств традиционного типа, но и к ее подавлению – обесцениванию исторически сложившихся устоев жизни. Способом реализации нередко выступает комплекс идей и требований о необходимости провозглашения собственных, исконных, национальных истоков этих государств. При этом историко-культурные и философские исследования подобных «истоков» подменяются их тривиальным и безальтернативным постулированием. Отсутствие научно-методологической рефлексии об истинности принимаемых положений приводит к формированию различных квазиэпистемологий, осуществляющих произвольное конструирование смыслов истории, ценностных ориентиров мышления и векторов социально-политического развития. Подобная ситуация способствует превращению исторической эпистемологии, философии, социологии, социальной психологии и политологии в иррациональную сферу фантомных образов, что неизбежно ведет к искажениям или гипостазированию отдельных фактов и событий реальной

национальной истории как критериев истинности масштабных сдвигов в общественной и частной жизни.

Каковы *собственные* истоки конструирования форм западноевропейской неолиберальной стратегии и в первую очередь – стратегии ценностной?

Не секрет, что в современной Европе присутствует особая форма ценностной рефлексии о недавнем историческом прошлом. Паскаль Брюкнер называет эту форму «тиранией покаяния» [Брюкнер, 2009]. Согласно Брюкнеру, для мышления, социально-политических и общекультурных практик современной Европы основополагающим событием выступает беспрецедентное зло, совершенное фашистскими государственными режимами и нацистской Германией на территории Европы в период с 1933 по 1945 г. Речь идет в первую очередь о Шоа («истребление» – *древнеевр.*), или Холокосте («всесожжение» – *древнегреч.*), – уничтожении шести миллионов евреев и о молчаливом согласии европейских правительств и значительной части европейского общества на это уничтожение. Об этом говорится в трудах философов и теологов Ханны Арендт [Арендт, 2008, 2013], Эмиля Факенхайма [Факенхайм, 1991, 1994], С. В. Лезова [Лезов, 1999], а также известных психиатров Бруно Беттельхейма [Bettelheim, 1960], Виктора Франкла [Frankl, 1946, 1959] и многих других.

Общекультурная, философская и политическая ситуация в современной Европе в значительной степени обусловлена возложенным на себя «покаянием». Как отмечает Ульрих Бек, «новая по историческим меркам категория “преступлений против человечности” позволяет нам установить необходимость выбора политического космополитизма в качестве ответа на Холокост» [Бек, 2008, с. 69]. По мнению Бека, избранная парадигма как бы *восстанавливает* способность европейских государств к совместным действиям на международной арене [Там же]. Этой же «парадигмой», по всей видимости, обусловлено враждебное отношение к традиционной христианской религии, иерархи которой во время войны не препятствовали массовому уничтожению евреев, а сама религия (как стало принятым считать) привела к юдофобии и преступлениям против человечества.

Создается впечатление, что процесс разрушения традиционной семьи, денационализация государственных интересов, ювенальная юстиция, политика глобализации и космополитизма, запредельная толерантность и политкорректность выступают (или выступали изначально) своеобразными заградительными рубежами от реинкарнации любых форм государственно-политического устройства, с которыми общественное сознание европейцев могло бы связать факты преступлений против человечности и поражения во Второй мировой войне. При этом процессы «покаяния» парадоксальным образом сочетаются с отторжением факта и геополитических последствий победы Советского Союза в 1945 г. Главный обвинитель на Нюрнбергском процессе оказался, в свою очередь, обвинен перед лицом «успешности» европейского покаяния.

Автором имеется в виду распространившаяся в последние годы в Европе концепция о тождестве нацистского и советского государственных устройств и равной ответственности Германии и СССР за начало Второй мировой войны. Подробные анализ и оценка подобных исторических инсинуаций не могут найти

места в настоящей работе, однако сам факт содержит прозрачный намек: следует отдавать себе отчет, что именно означает безоглядное принятие ценностных парадигм современной неолиберальной мысли, ее социально-политических и культурных проектов и практик. Страна, присоединяющаяся к ценностному пространству современной Европы, с необходимостью должна будет отказаться от понимания Великой Отечественной войны как события собственного героизма, приняв его в контексте вины, самоосуждения, манипуляций исторической правдой, вражды к любым формам памяти об истинных истоках и действительных событиях Второй мировой войны. Потребуется провозгласить тождество нацистской и советской форм государственности как «преступных режимов» и тем самым запустить механизм «тирании покаяния» в отношении собственного недавнего прошлого. Однако наши *собственные* духовные и интеллектуальные основы естественным образом находятся по другую сторону оснований, в соответствии с которыми осуществляется полагание ценностей на европейском континенте, и не могут быть механически сопряжены с последними без колоссального ущерба для личного и общественного самосознания.

Убежден, что явленное в бесчеловечных практиках нацизма событие абсолютного зла и победа над ним обозначают водораздел мировой истории. Россия и Беларусь, на земле которой пишутся эти строки, занимают ключевое место в открывающихся путях и перспективах осмысления данного исторического события. Хотелось бы сказать несколько слов о Беларуси. Белорусская земля испытала трагедию Хатыни (всего «огненных деревень» насчитывается более девяти тысяч), здесь возводились нацистские лагеря смерти. В одном только лагере Тростенец под Минском было истреблено более двухсот тысяч человек, а в местечке гомельской области Красный Берег действовал «белорусский Саласпилс» – концентрационный лагерь, в котором у детей выкачивали кровь для раненных немецких солдат и офицеров. В Беларуси находятся тысячи захоронений жертв массового уничтожения нацистами еврейского населения.

Входившие в состав Российской империи белорусские губернии были землями еврейских поселений (так называемая черта оседлости), на них зародились и развивались ветви хасидизма – учения, ставшего важнейшей вехой в судьбе народа Израиля. Судьба белорусского народа оказалась сущностным образом спаяна с судьбами русского и еврейского народов – белорусы разделили с ними Подвиг и Жертву, вошли в события войны, лагерей смерти и массовых казней как в *единое* событие. Эта особенность судьбы Беларуси указывает на имплицитное присутствие особого, совершенно нового для мировой философии и теологии предмета мысли, совести, памяти – смысла единства событий Великой Отечественной войны и Шоа как одного *единого* События.

Позволю себе небольшое отступление, чтобы заочно ответить тем, кто располагает Шоа в одном ряду с многочисленными формами геноцида, известными в истории, особенно в ее новейшем периоде. Ни о каком другом акте тотального уничтожения не было написано и сказано, что он является *существом* избранничества и предназначен народу как «День Господень». Именно это и говорится в священном писании и предании народа Израиля (к примеру, в книге пророка Исайи 10:20–22). Уравнивание исторических форм геноцида или национальных

трагедий, не признанных таковым, с Шоа означает попытку провозглашения собственной «священной истории» и сакральных оснований государственности, т. е. *присвоение сущности* Шоа в политических, корыстных и иных целях. Некоторые формы современного радикального национализма были бы невозможны, если бы на высшем государственном уровне национальным трагедиям не приписывался статус геноцида, *сущностно равного* Шоа, что, в частности, позволило известным историческим персонажам, прежде рассматривавшимся в качестве военных преступников, обрести сакральный статус людей, воздающих «виновным» должное.

Чтобы не стать достоянием псевдоинтеллектуальных профанаций, социально-культурных «практик» и различного рода художественных перфомансов, *тайна* Шоа требует как интеллектуального мужества, так и неотложности профессионально-философского обращения к себе. Вместе с тем следует указать на вполне определенные сложности, связанные с перспективами профессиональной философской работы в данном направлении. Обращаясь к теме Шоа, отдельные исследователи и научные коллективы будут вынуждены либо пребывать в тени уже существующей западной философской (в широком смысле этого слова) традиции, либо, оставаясь верными идее развития самобытной мысли, вступить на «нехоженные тропы». Действительно, количество научных статей по данной теме в русскоязычном философском сегменте исчисляется единичным порядком, а из монографических исследований, претендующих на *авторские* философские, в том числе религиозно-философские, формы осмысления Шоа, можно назвать разве что отдельные главы работы С. В. Лезова «Попытка понимания» [Лезов, 1999].

Немногом лучше обстоит дело с переводами иностранной литературы, хотя, по подсчетам авторитетного исследователя историографии работ, посвященных Шоа, Джека Фишела [Fishel, 2004], недостатка в них нет: за шестьдесят послевоенных лет только в сегменте теологической проблематики было опубликовано порядка полутора тысяч объемных исследований на английском языке. Оценивая факт крайней малочисленности авторских исследований в русскоязычном научном поле, полагаю, что одной из важных причин этого является не вполне ясное понимание, *какие именно* аспекты и контексты исследований события Шоа имеют значение для формирования собственных философских позиций и конкретизации исследовательских направлений в институционально организованной научной работе.

Характер проблем и идей, обладающих потенциалом предстать в виде философских направлений, не только не тождественных европейским и англосаксонским трендам («Холокост и феминизм», «Холокост и христианский антисемитизм», «Холокост и современный тоталитаризм» и т. п.), но и способных изменить сложившиеся представления о социальной сущности, глубинных исторических истоках и религиозном содержании этого события, видится мне следующим образом. Попытки западной философии осмыслить Шоа, насколько мне известно, не связываются с вопросами, которые могут указать на истинное значение этого события: что именно *сделали* жертвы, а не их палачи? может ли запредельное претерпевание физических и духовных мук быть воспринято и осоз-

нано как действие или, правильное сказать, *Деяние* в отношении Человека, Мира, Бога?

В случае отчетливой и корректной постановки данных вопросов и принятия их научной легитимности возникают совершенно новые формы рассмотрения свидетельств о Шоа. Воспоминания выживших и письменные документы, описывающие факты и механизмы тотального уничтожения, предстают не столько обвинительными и изобличающими преступления нацизма актами, сколько свидетельствами о сущности духовно-исторической судьбы народа Израиля и народов, разделивших с ним *эту* судьбу.

Примером свидетельства может служить творчество Элиезера Визеля, юношей пережившего Освенцим. В рассказе «Первый гонорар» он вспоминает слова безымянного учителя, ставшего в лагере *его* учителем Торы: «...все раввины, все мудрецы, все святые с самого начала нашей истории готовились к тому, что здесь происходит. Здесь наша новая иешива, новый дом Торы и Шехины» [Визель, 2001, с. 81–82].

Примером является и уникальный человеческий документ истории XX века, а возможно, и человеческой истории в целом – молитва неизвестного еврейского узника Дахау, записанная им на клочке оберточной бумаги:

Мир всем людям злой воли! Да перестанет всякая месть, всякий призыв к наказанию и возмездию. Преступления переполнили чашу, человеческий разум не в силах больше вместить их. Неисчислимы сонмы мучеников. Поэтому не возлагай их страдания на весы Твоей справедливости, Господи, не обращай их против мучителей грозным обвинением, чтобы вызвать с них страшную расплату. Воздай им иначе!

Положи на весы, в защиту палачей, доносчиков, предателей и всех людей злой воли, мужество, духовную силу мучимых, их смирение, их высокое благородство, их постоянную внутреннюю борьбу и непобедимую надежду, улыбку, осушавшую слезы, их любовь, их истерзанные, разбитые сердца, оставшиеся непреклонными и верными перед лицом самой смерти, даже в моменты крайней слабости.

Положи все это, Господи, перед Твоими очами в прощение грехов, как выкуп, ради торжества праведности. Прими во внимание добро, а не зло. И пусть мы останемся в памяти наших врагов не как их жертвы, не как жуткий кошмар, не как неотступно преследующие их призраки, но как помощники в их борьбе за искоренение разгула их преступных страстей. Ничего больше мы не хотим от них. А когда все это кончится, даруй нам жить среди людей, и да возвратится на нашу истрадавшуюся землю мир, мир людям доброй воли и всем остальным [Молитва, 2005, с. 5].

Г. С. Померанц говорит о «бессильной силе» этой молитвы, врачующей умы и сердца, но неспособной стать эмблемой мести нацизму, символом памяти о героическом сопротивлении ему [Померанц, 1991, с. 343]. Однако именно личностная история вознесения этой молитвы как духовной истории народа Израиля недооценивается Г. С. Померанцем – сила, указывающая на конкретные и в принципе не унифицируемые обстоятельства моления. Следует спросить: кто именно молит о прощении того, что простить нельзя? что прошел этот человек и этот народ в истории, чтобы иметь силу молитвы о *таком* Даре? В данных вопросах свидетельство раскрывается как *свидетельство-исповедание*, в котором говорится не только о совершаемых злодеяниях, но и о смысле завета Бога и народа Израиля. Прощение даруется не от лица человека и не по его воле (мера зла такова, что человеку не дано права простить), но от Лица *единства* Бога

и этого человека: Бог пребывает известным человеком и ближайшим к нему в том месте, откуда возносится молитва. Это определяет свидетельство-исповедание как *действие-оправдание* или *действие-дар*.

Свидетельство-исповедание ставит эпистемологию свидетельства в совершенно иное положение, нежели полагает Джордж Агамбен, задающий в Европе философский тон в отношении Шоа и усматривающий в онтологии «топоса» свидетельства (в существе его места, времени и обстоятельств) преимущественно «серую зону» – лишенный Слова и Мысли *анти-мир* умирающего бытия, смерти как таковой – неотвратимой, бессмысленной и окончательной [Агамбен, 2012]. Полагаю, что действительным топосом свидетельства о событии нацистских лагерей смерти является не только и не столько указанная «серая зона». Безымянность и бессилие Свидетеля, а в нем и всех тех, о ком он свидетельствует, не означают отсутствие имен, смысла, истины и силы. Анонимность и бессмысленность претерпевания зла располагаются лишь в наших представлениях. Школьный учитель у Визеля безымянен до тех пор, пока мы не вникнем в слова, сказанные им юноше Элиезеру, во всей их духовно-исторической глубине: «Здесь, дружок, у нас нет выбора. Хотим мы того или нет, каждый из нас должен быть одновременно и раби Йохананом бен Закай, и раби Акивой, и раби Йегудой» [Визель, 2001, с. 81].

Каждый безымянный свидетель, а также те, кто сохранил свои имена для будущего, вызывают к нашей способности спросить себя: не объединяют ли судьбы этих людей *все* имена Писания и *все* имена Израиля? не *восходят* ли они к тому *Единственному Имени*, которое не призывалось еврейским народом в лагерях смерти? Ответив утвердительно, мы нивелируем господство идеи «серой зоны» как своеобразного онтологического конструкта, отвергнем онто-теологию топоса свидетельства как места и времени одной только гибели, воспротивимся герменевтической установке о темной энтелехии происходившего в Шоа – завершенности и окончательности актов уничтожения. Иными словами, мы раз и навсегда уйдем от «тирании покаяния» не только по факту – как народ, прекративший *не-бытие* лагерей смерти, но также интеллектуальным образом – в мысли, *убежденной* в возможности обретения истины о Жизни, торжествовавшей в лагерях смерти. Допустив такую мысль, мы, возможно, прикоснемся к смыслу вести Пауля Целана в стихотворении «Tenebrae» (лат. «Тьма»):

Мы близко, Господь.
Близко, рукой схватить.

Уже схвачены мы, Господь,
друг с другом сцеплены, как если б
тело каждого из нас было
телом твоим, господь.

Молись, Господь,
молись нам,
мы близко.

Косимые ветром, шли мы туда,
шли мы туда, чтоб согнуться
над мольдой и мааром.

На водопой шли мы, Господь.

То была кровь, была,
Что пролил ты, Господь.

Сверкала.

Она в глаза нам твой образ бросала, Господь.
Глаза и рот стоят так открыты и пусты, Господь.

Мы пили, Господь,
Кровь и образ, который в крови был, Господь.

Молись, Господь.
Мы близко
[Целан, 2005, с. 73].

Истинное прикосновение – *понимание* – предполагает вопрос о прошлом: существуют ли философские свидетельства о событии Шоа? Укажу на имена некоторых мыслителей, которые, с моей точки зрения, приоткрывают завесу над предметом многих философских интуиций прошлого и о которых речь пойдет далее.

Обращаясь к написанной в конце 1930-х годов работе Мартина Хайдеггера «К философии (О событии)» [Хайдеггер, 2020a] (Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis) [Heidegger, 1989], в англоязычной версии «Contributions to Philosophy (From Enowning)» [Heidegger, 1999]), В. В. Биbihин предлагает прочтение главы «Последний Бог» (Der Letzte Gott / The Last God) в контексте акта *веры* как единства событий истины философской мысли и осуществления истины самого Бытия:

Кто Бог этой веры? Она опирается на неизбежность бездны, чувствует, что только в ней мы найдем себя, и уверена, что человека хватит для такой глубины; так далеко достает человеческая свобода – и здесь русское слово лучше немецкого, потому что напоминает о *своем*. Кого хватило на такой размах, тому начинает не хватать Бога. Это происходит, когда человек захвачен *весь* тем, от чего захватывает дух; захватывающее глубже и духовности тоже; захвачен свободой и ее бездонной тайной. Когда его хватает на бездонную глубину, ему начинает не хватать Бога – не для опоры в пустоте, а от ощущения, что Бог не может быть больше нигде, как в этом *через-край*. Где выстоял, спрашивая о бездне, человек, там должен быть и Бог; у веры хватает знания, что более достойного места Ему не может быть. Значит ли, что человек равен Богу? Безмерность и безразмерность странного места встречи с Ним исключает сравнения. Предельны и место события, и бездна свободы, и глубина *своего*; место встречи не расписано и тонет в глубоком молчании [Биbihин, 2005, с. 120].

Джозеф Коккельманс, рассмотрев порядок введения и раскрытия понятий «божественное» и «священное» в поздних работах Хайдеггера, приходит к выводу, что бытие Последнего Бога, возвещаемое предшествующими «богами», «посланцами», или «вестниками» (*divines, messengers*), указывает на «явление-пришествие», или «про-хождение» (*passing, coming-to-pass*) *самой* истинной сущности Бога: «There his speaking about the divine is much more reserved, and he calls the divines the hinting messengers of the godhead from whose hidden holding sway God will appear in his true essence» [Kockelmans, 1984, p. 137].

Существенными в данном отношении представляются идеи и эсхатологические контексты интерпретации наследия Ницше в русской философии Серебряного века. Развивая мысли Д. С. Мережковского о религиозном содержании ницшевского учения о «вечном возвращении», Н. К. Бонецкая делает заключение, в корне меняющее представления об «атеистической» философии Ницше:

...получается, что Ницше ... знал отчасти грядущего Христа! По сути, главным ницшевским мотивом для Мережковского оказалось загадочное представление о «вечном возвращении». Мережковский приписал Ницше неотрефлексированный христианский эсхатологизм – «второго пришествия был он [Заратустра, читай – Ницше] невольным учителем и безмолвным провозвестником... Отвергнув Бога, распятого на кресте, Ницше невольно служил Христу воскресшему, ибо «царство сверхчеловека», предвещаемого Заратустрой – это «грядущий Иерусалим», предсказанное в Иоанновом «Откровении» «царство Воскресшей Плоти», которое в конце времен осуществится на земле... Бердяев впоследствии разовьет эту мысль Мережковского о Ницше как пророке апокалиптического Христа [Бонецкая, 2013, с. 139].

Действительно, понимание Н. А. Бердяевым исторического существа христианского мессианизма, направленного как в прошлое, так и в будущее, определило его философию Откровения. Н. А. Бердяев утверждает, что новое Откровение, интуиции в отношении которого высказывались еще Иоахимом Флорским (Откровение Третьего Лица Св. Троицы), будет событием антропологическим и онто-теологическим – вестью об истинном назначении человека как средоточия смысла бытия Бога и бытия мироздания:

Откровение о человеке и есть окончательное божественное откровение о Троице. Последняя тайна скрыта в том, что тайна божественная и тайна человеческая – одна тайна, что в Боге хранится тайна о человеке и в человеке – тайна о Боге. В человеке рождается Бог и в Боге рождается человек. Раскрыть до конца человека – значит раскрыть Бога. Раскрыть до конца Бога – значит раскрыть человека. Не только Бог есть в человеке, но сам человек есть лик Бога, в нем осуществляется божественное развитие. Человек причастен тайне Божественной Троицы. Человек – не только малая вселенная, но и малый Бог. Человек несет в себе двойной образ и подобие – образ и подобие вселенной и образ и подобие Божье. И окончательное откровение человека есть окончательное откровение вселенной и откровение Бога [Бердяев, 1994, с. 297].

Как быть философскому дню сегодняшнему? Хранить *память* о прошедших веках и о Серебряном веке, с любовью перечитывая произведения великих философов об Откровении, или продолжить их дело – продумать то, о чем мыслили они сами? Безусловно, второе. Современная философская мысль призвана реализовать себя предельным образом, ответив на вызов мысли европейской, поставившей перед собой и миром *проклятые* вопросы: как после Освенцима можно жить, мыслить, творить, любить, заботиться, верить? как ответить на факт Шоа исходя из догматических оснований христианства? Эти вопросы получают неожиданное восполнение и раскрытие в наших собственных вопросах, в которых историческая самобытность и универсальность события приобретают вполне определенное единство: какова сущностная природа связи победы в Великой Отечественной войне с победой, одержанной народом Израиля в недрах лагерей смерти? что означает единство событий Великой Отечественной войны и Шоа для последующих судеб нашей страны и человечества? Задачей, таким образом, становится не только герменевтическая работа с философскими текстами или

художественными образами (к примеру, с картинами белорусского художника Михаила Савицкого и еврейских художников Германа Гольда, Ильи Клейнера, Давида Олера), но и выработка на их основе теоретических форм осмысления *экзистенции* особого рода – энтелехии судеб и телоса предельных духовных усилий народов, образовавших единство события.

Помимо религиозно-философских интенций «прикосновения», существует и строго рациональная, научная сторона поставленных выше вопросов. Она предполагает работу по выявлению онтологии тех структур сознания и психики, в которых зарождается стремление к тотальному злу и исходя из которых идеологически обосновывается его легитимность – «априорных» структур *беспощадности* ума и воли. Прояснение их истоков и существа может рассматриваться как требование эвристики в отношении метафизики, психологии и психиатрии, трансцендентальной теории ценностей, а также как общекультурное требование о создании альтернативных постмодернистской парадигме способах государственного предупреждения подобных форм зла, выявлении и обосновании ценностных порядков личностного сопротивления ему.

Во времена перемен, затрагивающих ценностные, а значит, и бытийные основы отдельной человеческой жизни, социально-культурных общностей, государств и целых цивилизаций требуется особая чуткость к тому, чтобы вынести истинные суждения о смысле собственной истории, суметь определить, как замечательно высказался Макс Лернер, «в чем наша слабость, что у нас разрушено и ушло безвозвратно, что возродится и, после града обрушившихся на него ударов, уйдет навсегда, что нежизнестойко, а что вошло в плоть цивилизации и по-сему выживет» [Лернер, 1992, с. 498].

Действительно, перед испытующим историю разумом предстают судьбоносные для него самого вопросы. Способен ли разум поднять на поверхность сокрытые в *нашей* истории ценностные пласты Бытия? Как бы высокопарно это ни прозвучало, но от философской глубины ответов на поставленные вопросы зависит немало: двинутся ли наши страны путями бессмысленной для них тирании покаяния, принудительного ослабления исторической памяти и созидательной воли к жизни или отстоят свое право на эпический пафос рефлексии о событиях недавнего прошлого, на радость познания богатств духовных традиций своей земли. И, конечно, это вопрос о том, состоится ли выстраданное исторической судьбой событие истины философской мысли.

II. *Кайрос*

Ветры кровь мою пьют и сквозь щели снуют
Прямо с бака на ют, – меня ветры добьют!
Я под ними стою от утра до утра,
Гвозди в душу мою забивают ветра.
И гулякой шальным все швыряют вверх дном
Эти ветры – незванные гости.
Захлебнуться бы им в моих трюмах вином
Или с мели сорвать меня в злости.
Я уверовал в это, как загнанный зверь,
Но не злобные ветры нужны мне теперь!

Мои мачты – как дряблые руки,
Паруса – словно груди старухи.
Будет чудо восьмое! И добрый прибой
Мое тело омоет живою водой,
Море – божья роса – с меня снимет табу,
Вздует мне паруса, будто жилы на лбу.

В. Высоцкий, «Баллада о брошенном корабле»

Тема судьбы народа Израиля занимает в русской литературе, поэзии и философии конца XIX – начала XX в. колоссальное место. Я остановлюсь только на одном еврейском поэте, внимание к творчеству которого в интеллектуальной и творческой среде Российской империи начала XX века было весьма и весьма значительным, – Хаиме Нахмане Бялике. О нем с восторгом писал Максим Горький, признавая, что в творчестве Бялика явлен дух библейских пророков. Вячеслав Иванов, Федор Сологуб, Валерий Брюсов, Иван Бунин переводили его стихи и поэмы. В ответ на гонения евреев они переводили все больше, отставляя завершение собственных трудов. Что это? «Всечеловеческая» русская отзывчивость? Сокрушение о жертвах еврейских погромов? Влияние библейской образности, силы стиха и масштаба личности самого Бялика? Безусловно, да. Но в не меньшей степени это связано с интуициями о глубинах *собственной* сущности, со стремлением внять ее судьбе через прикосновение к тайне божественного замысла об Израиле, понять темные и светлые стороны пре-бывания искупительной Жертвы в мире и загадочные предзнаменования в богословских и философских трудах прошлого и настоящего.

Это не вопрос по поводу нюансов историографии, он не исчерпывается перечнем и анализом того, кто и какие идеи считывал и заимствовал. Скорее, это вопрос о времени, в котором осуществлялась русская мысль, о том, какие грядущие свершения она впитывала в себя. По моему убеждению, пророческий нерв русской софиологии и христианской персонологии столь же глубоко и в унисон отдавался духу поэзии Бялика, сколь в унисон будущих событий звучала мольба о евреях из уст Владимира Соловьева: «Молился он и в сознании, и в полузабытии. Раз он сказал моей жене: “Мешайте мне засыпать, заставляйте меня молиться за еврейский народ, мне надо за него молиться”, и стал громко читать псалом по-еврейски. Те, кто знал Владимира Сергеевича и его глубокую любовь к еврейскому народу, поймут, что эти слова не были бредом» (цит. по: [Лосев, 2000, с. 99]).

Невозможно обойти молчанием «Город Резни» Бялика. Приводимые ниже фрагменты поэмы нужны для того, чтобы дать возможность читателю *схватить* сверхзадачу данной работы, понять, почему многие русские поэты и мыслители видели в этих строках воплощение смысла библейского Слова и смысла истории:

Простите.
Простите, кости мертвые. Зайт мойхл.
Простите Богу вашему. Простите
За ваш позор вовек. За униженья.
За вашу жизнь во мгле Меня простите.
И – в десять раз темнее – вашу смерть.

Когда вы завтра явитесь к престольным
Моим вратам, прося о воздаянье,
Я широко их распахну – входите,
Смотрите: ничего у Бога нет!
Я разорен – как вы. Я нищ – как вы.
Во всех мирах моих окрестных – горе.
Все небеса – кричат, вопят и воют:
«Такие жертвы, столько жертв – впустую?
Впустую жили *так, и так* погибли,
Не ведая зачем, ради кого?»
Окутав тучей голову, отныне
Вовеки будет плакать здесь Шехина –
От боли и позора.
Каждой ночью
Я стану сам спускаться, чтоб на вашей
Могиле выплакаться...
Большой позор. Большая скорбь.
Что больше?
Быть может ты ответишь мне, бен-одем?
Ступай. И никому не говори,
Что здесь ты зрел Меня, что был свидетель
Бессилья моего и нищеты,
Что был ты соглядатай этой Скорби.
Ты – возвращаясь к людям – заberi
Часть горя моего, толику боли,
Смешав все вместе с ядом гнева, брось
Во чрево их – живых, живых пока что...
... ..
Но я к тебе, бен-одем, здесь останусь
Жестоким: с ними плакать не посмеешь!
А если рев звериный не удержишь –
Я удушу его в твоих устах.
Дабы, подобно им, не осквернил
Великого неслыханного горя,
Дабы вовек осталось в поколениях
Невыплаканным...
Ты слезу свою
Похорони в себе. Глубоко в сердце
Ты замуруй ее. Ты в нем воздвигни
Из ненависти, гнева, желчи –
Крепость,
И пусть в гнезде там вырастет змея –
И напивайтесь ядом друг от друга,
Не утоляя жажды...
День придет,
День Судный – ты свое взломаешь сердце
И дикую освободишь змею!
И как стрелу, наполненную ядом,
Ее ты пустишь, алчущую пищи,
В грудь, в сердце, глубже –
в сердца сердцевину
Народа твоего...
... ..
А теперь
Беги, бен-одем! Навсегда! Навечно!
В пустыню мертвую! И там сойди с ума
И душу разорви на сто лоскутьев,

И диким псам – вот! жрите! – сердце кинь,
И пусть на камень, на горячий камень
Падет твоя горячая слеза,
И поглотит твой вопль шальная буря...
[Бялик, 1990, с. 152–155].

Рассматривать в качестве истока русской софиологии и христианской персонологии отвлеченно-умозрительное знание, основанное на знакомстве с текстами «великих немцев» – Фихте, Шеллинга, Гегеля – было бы поверхностным, односторонним шагом. Приходящие извне философские идеи, безусловно, важны, но не в подобных ли строках, не в опыте ли проживания существа переполняющей их боли и не в глубоком ли осмыслении общности путей русского и еврейского народов формировались эсхатологические интенции мыслителей Серебряного века? И не склонны ли мы недооценивать тот факт, что контекст Софиологии предполагает присутствие в мысли не только воспетого Соломоном слова «Премудрость Божья», но и *деяния* Царя, воздвигшего и освятившего Храм в Иерусалиме? Полагаю, что в онто-теологическом единстве актов Творения и Искупления русская мысль искала *Святыню*, предвидела мощь ее ближайшего возвещения и трагичность ее действительного вступления в мир мессианского исполнения времен. Как отмечают российские и западные исследователи, русской религиозно-философской мысли была свойственна *богочеловеческая* чуткость, благодаря которой в «Городе Резни» виделись не только обстоятельства трагедии кишиневского погрома 1903 г., но возвещение приходящего в мир нового Откровения.

Самобытность и зрелость русской философии имеют своим свидетельством особое видение смысла творений Ницше. Что увидела в его произведениях русская мысль? Полагаю, истину грядущего, эсхатологию, время исполнения – *кайрос* двухтысячелетней истории христианства, пророчество, произнесенное мыслителем, решившимся *прожить* слова «я не человек, а судьба». И насколько неприемлема для философии может быть связанная с Ницше «коллективная экзальтация» [Бонецкая, 2017, с. 372] творческой интеллигенции, испытавшей «личную встречу» с его апокалиптическими пророчествами, настолько же существенным оказывается фундаментальная *философская* интуиция о религиозном характере его творчества – «вопле к Богу нового Иова» [Бонецкая, 2017, с. 374]. Экзальтированное чтение Ницше, располагающее к тривиальному соотнесению апокалиптичности его мысли с *собственной* судьбой, представлению себя в качестве действующего лица пророчества здесь, сейчас или в непосредственном будущем, не оставляет истории «свободного хода», не оценивает действительный потенциал скрытых в цивилизациях и народах сил, способных вынести апокалиптическое время и осуществить мессианское деяние. При этом «символизм» Ницше выступает своего рода теургическим порядком насыщенной апокалиптическими смыслами «причастности» к божественным тайнам и судьбам народов.

Однако символичны ли произведения Ницше на самом деле? Символичны ли образы «сверхчеловека», «вечного возвращения», «бездны» и «взгляда в бездну»? Ведь Ницше не просто заглядывал в бездну, но добровольно погружался

в мыслимые и немыслимые бездны человеческого духа; не просто прикасался к грядущему уничтожению Жизни, но действовал как мыслитель, вбирающий его вовнутрь, уловляющий направление, которому будет следовать это событие. В связи с этим самого пристального внимания заслуживает письмо Ницше к его сестре Элизабет Ферстер, написанное в конце декабря 1887 г. и оставшееся неоправленным:

Меж тем мне черным по белому доказали, что господин доктор Ферстер и по сию пору не порвал своих связей с антис[емитским] движением. Некий добропорядочный остолоп из Лейпцига ... взялся теперь за эту задачу – до сих пор он регулярно, несмотря на мой энергичный протест, пересылал мне антис[емитскую] корреспонденцию (ничего более презренного я в жизни не читал). С тех пор мне стоит труда высказывать в отношении тебя хоть в какой-то мере ту прежнюю нежность и трепетное чувство, которые я так долго к тебе испытывал, разлад между нами абсурдным образом мало-помалу проявил себя именно в этом. Или тебе совершенно невдомек, *для чего я живу на свете?*

Желаешь ознакомиться с каталогом воззрений, которые противоположны моим? Ты с легкостью найдешь их, одно за другим, в «Откликах на П[арсифаль]» своего супруга; когда я читал их, мне пришла в голову чудовищная мысль, что ты ничего, равным счетом ничего не поняла в моей болезни, как и в моем болезненнейшем ошеломляющем опыте, что человек, которого я почитал больше всех на свете, в своем отвратительном вырождении пришел именно к тому, что я больше всего на свете презирал, – к махинациям с нравственными и христианскими идеалами. Теперь дошло до того, что я должен изо всех сил защищаться, чтобы меня не приняли за антисемитскую каналью; ... После того, как в антисемитской корреспонденции мне повстречалось даже имя З[аратустры], мое терпение иссякло – теперь я занял *глую оборону* против партии твоего супруга. Эти проклятые антисемитские дурни не смеют прикасаться к моему идеалу!... [Письма..., 2007, с. 291–292].

Корпус сочинений русской и российской философии, посвященных Ницше, хорошо известен. Однако один момент представляется мне существенно важным: эсхатологические контексты русской философии, как, впрочем, и идеи о русском мессианизме, не могут быть прояснены вне «творческого катастрофизма» [Бердяев, 1994, с. 233] ницшевских вопросов о Боге, ценностях, человеке и Откровении, как не могут они быть и отделены от личности самого Ницше:

В Ницше гуманизм побеждается не сверху, благодатно, а снизу, собственными силами человека, – в этом великий подвиг Ницше. *Ницше – предтеча новой религиозной антропологии.* Через Ницше новое человечество переходит от безбожного гуманизма к гуманизму божественному, к антропологии христианской <...> Ницше почуял, как никто еще и никогда на протяжении всей истории, творческое призвание человека, которого не осознала ни антропология святоотеческая, ни антропология гуманистическая. <...> Муку Ницше мы должны разделить, она навсего религиозна. И ответственность за судьбу его должны принять на себя. Через Ницше начинается новое антропологическое откровение в мире, которое в своем последнем осознании, в своем Логосе должно стать христологией человека» [Бердяев, 1994, с. 106].

Суть дела, по-видимому, заключается в том, что трагические парадоксы и антихристианские интенции мышления Ницше были введены русской мыслью *вовнутрь* христологических контекстов и рассматривались не только и не столько в виде «судебных» объективаций по отношению к Христу, но как основание для размышлений о природе драмы человеческого духа в христианстве, судьбах мира и «последних решениях» о нем. Говоря о степени присутствия Ницше в русской мысли, я имею в виду, что данный феномен измеряется не количест-

вом ссылок на его произведения и упоминаний его имени. Как и в отношении «Города Резни» важен факт постановки «ницшевских» вопросов по существу и выработка систематической формы рефлексии над ними.

Ницше свидетельствует не просто о смерти, но об убийстве Бога. Параграф 125 о Безумце из «Веселой науки» хорошо известен, если не сказать – знаменит. Столь же известна и его «метафизическая» интерпретация Хайдеггером как решающего в истории западной мысли провозглашения воли к власти и воли к воле. И если инструментом негации идеального мира ценностей выступает собственно его исток – метафизическое мышление, то совершенно иным образом предстает попытка задать вопрос о «смерти Бога» в трактовке этого пассажа Габриэлем Марселем, считавшим, что смысл сказанного Ницше следует понимать буквально, что речь идет о *действительном* событии (см.: [Визгин, 2008, с. 379]). И тогда символизм произведений Ницше представляется лишь формой, но не подлинным содержанием. Обратимся еще раз к словам «Безумца»:

...Мы его убили – вы и я. Мы все его убийцы! Но как мы сделали это? Как удалось нам выпить море? Кто дал нам губку, чтобы стереть краску со всего горизонта? Что сделали мы, оторвав эту землю от ее солнца? Куда теперь движется она? Куда движемся мы? Прочь от всех солнц? Не падаем ли мы непрерывно? Назад, в сторону, вперед, во всех направлениях? Есть ли еще верх и низ? Не блуждаем ли мы словно в бесконечном Ничто? Не дышит ли на нас пустое пространство? Не стало ли холоднее? Не наступает ли все сильнее и больше ночь? Не приходится ли средь бела дня зажигать фонарь? Разве мы не слышим еще шума могильщиков, погребаящих Бога? Разве не доносится до нас запах божественного тления? – И Боги истлевают! Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц! Самое святое и могущественное Существо, какое только было в мире, истекло кровью под нашими ножами (выделено мной. – Д. М.) – кто смое с нас эту кровь? Какой водой можем мы очиститься? Какие искупительные празднества, какие священные игры нужно будет придумать? Разве величие этого дела не слишком велико для нас? Не должны ли мы сами обратиться в богов, чтобы оказаться достойными его? Никогда не было совершенно дела более великого, и кто родится после нас, будет, благодаря этому деянию, принадлежать к истории высшей, чем вся прежняя история!» – Здесь замолчал безумный человек и снова стал глядеть на своих слушателей; молчали и они, удивленно глядя на него. Наконец он бросил свой фонарь на землю, так что тот разбился вдребезги и погас. «Я пришел слишком рано, – сказал он тогда, – мой час еще не пробил. Это чудовищное событие еще в пути и идет к нам – весть о нем не дошла еще до человеческих ушей. Молнии и грому нужно время, свету звезд нужно время, деяниям нужно время, после того как они уже совершены, чтобы их увидели и услышали. Это деяние пока еще дальше от вас, чем самые отдаленные светила, – и все-таки вы совершили его!» – Рассказывают еще, что в тот же день безумный человек ходил по различным церквам и пел в них свой Requiem aeternam deo. Его выгоняли и призывали к ответу, а он ладил все одно и то же: «Чем же еще являются эти церкви, если не могилами и надгробиями Бога?» [Ницше, 1998, с. 590–591].

Говорит ли Ницше о Боге-Творце мироздания, давшем народу Израиля Закон и заключившем с ним Завет? По моему убеждению, Ницше говорит о другом Боге – том, который способен пожелать умереть и который в состоянии это сделать. О Дионисе, который в последние годы жизни отождествлялся им в собственном Я с «Распятием». Одним словом – о Боге, позволившем человеку совершить собственное убийство. Но если предположить, что по существу пророчество Ницше может быть обращено не к мифическому древнегреческому богу, а к Логосу-Слову Иоанна и к истории Его трагического бытия в мире европейской культуры, знания, могущества? Возможно, правы именно Марсель

и Н. А. Бердяев, а за провозглашаемым Ницше убийством Бога следует видеть *последнюю* тайну Христа? Не стоит ли вновь попытаться вникнуть в сущность Того, кто один раз уже оказался подверженным смерти, согласным на смерть и – погруженным в нее? Может быть тогда слова о выпитом море не покажутся столь безумными, а от навязанного творениям Ницше символизма не останется камня на камне? Попробуем пойти этим путем.

Собственное бытие Христа может быть страшным для человека: для радостей обычной жизни, полноты человеческого измерения отцовства, материнства, сыновства. Его благословение – особое, Его цели – безжалостно велики. Это сознавали Джон Донн, Сёрен Кьеркегор, Николай Бердяев, Макс Шелер, Мартин Хайдеггер. Прекрасно Его Лицо, милосерден Лик. Но страшно абсолютное самоотвержение, готовность к жертве, поруганию и проклятию. «Мой мир даю вам». Всегда ли благообразными «держателями» Вести осознается, сколь непостижимым и страшным может оказаться для человека и человечества этот мир в действительности и насколько трагичным может стать путь обретения *самого* бытия Сына Божия?

В чем могут заключаться ужас и трагедия этого пути? По этому поводу я высказывался ранее. В целях сохранения смыслового порядка текста настоящей статьи позволю себе автоцитату, в которой указывается *онто-теологическая* природа трагической связи бытия Логоса-Слова с мышлением и бытием человека:

Суть нашего онто-теологического предположения заключается в том, что со-бытийность интериорного акта познания «добра и зла» и экстериорного акта мысленного взыскания «не-сущего» указывает на реализацию актов познания, в которых происходит *негативное уподобление* мышления и воли человека кенотической воле и идеальной природе действия «Логоса-Слова» в отношении сущего и Себя Самого. Это «уподобление» проявляется двояко.

Негативное *онто*-логическое уподобление раскрывается в стремлении помыслить и взыскать «не-сущее», т. е. *как бы* исполнить дело Логоса-Слова в отношении сотворенного в Нем и для Него мира, *как бы* овладеть Его властвующим положением. Действование «Логоса-Слова» основывается на божественной природе и телеологически обосновано – изначально имеет энтелехиальный характер. Иначе говоря, взыскание «не-сущего» в качестве родов и видов сущего и сущих в индивидуальном существовании посылно «Логосу-Слову», но непосильно человеку. Непосильность стремления интеллигибельного взыскания «не-сущего» диктует мышлению конечность – непреодолимую и воспроизводимую константу его бытия. Говоря языком философии Хайдеггера, в негативности *онто*-логического уподобления человек стремится стать Истиной Бытия, владеющей сокрытостью и несокрытостью сущего.

<...>

Негативное *тео*-логическое уподобление представляется следствием внутреннего и, не побоимся этого слова, *сокровенного* акта самовзыскания, в котором человек познает себя как не сущего. Прообразом углубления в образующиеся структуры самосознания и волевого самополагания выступают акты и процессы самополагания в саморазличенности «Логоса-Слова». Эти акты и процессы предшествуют миротворению не во времени, а в различении конечного и бесконечного, тварного и нетварного, истинно сущего и неистинно сущего, сокрытого и несокрытого.

Негативность *тео*-логического уподобления указывает на мышление, волящее собственное взыскание разделением на мыслящее и мыслимое. Не обнаруживая идеальной, или духовной, *основы* саморазличения, волящее мышление замыкается в гомогенном тождестве мыслительных актов и мыслимого содержания. Конечное мышление оказывается неспособным своими силами выйти за пределы тождества, отличив собственное представление от смысла сущностного универсума вещей.

<...>

Теология учит о грехопадении как о фундаментальном изменении человеческой природы – ее «порче», «поврежденности». В контексте же онто-теологического прочтения говорить следует не об изъятии божественного присутствия, но о прибавлении нового – *трансцендентально-абсолютного* – характера этого присутствия. В таком случае «поврежденность» тварной природы, традиционно трактуемая субстанциально, приобретает характер трансцендентальной деформации и выражается через понятие «отношения», эксплицирующего бытийный, интеллектуальный и, безусловно, личностный характер асимметричной связи человека и «Логоса-Слова» [Малахов, 2016, с. 197–198].

Итак, Сын Божий не является *источником* страданий и смерти. В приведенном фрагменте эта мысль сформулирована ясно: источником и причиной вхождения смерти в жизнь, мук от раскола сознания и бытия, «проклятия» и «отлучения» является действие человека по уподоблению Ему. Вся дальнейшая история отношений человека и Бога представляется мне в свете этого уподобления, несущего трагическую судьбу не только человеку, но и Логосу-Слову. Возможно ли в этом случае мыслить о *безопасном, бескровном* акте спасения, о возможности избежать трагедии Боговоплощения – Голгофы? Светлое *самобытие* Логоса-Слова становится *невольным* палачом человеческого рода и собственным палачом, когда предстоит его спасение. Вынести Его бытие, устоять, пытаясь помыслить его существо и судьбу, не просто трудно – жизнь первых монахов-пустынников тому подтверждение. Убежден, что тому подтверждение и судьба Ницше.

Поисню мысль о тяжести бытия Логоса-Слова и связанном с ним, как я полагаю, экзистенциале «ужаса» на примере известной новозаветной судьбы. В христианской традиции есть образ, вызывающий отторжение и брезгливость, ненависть и презрение – образ человека, в отношении которого действует жесточайшая однозначность суждения: *проклят*. Речь идет об ученике Христа, входившего в число двенадцати самых близких последователей, будущих апостолов Благой Вести – Иуде Искарите, или, как принято говорить, «ученике-предателе». В этой фигуре для христианского сознания сошлись все мыслимые и немыслимые пороки, увенчанные к тому же самым тяжким и несмылаемым. И этот порок-деяние так же традиционно переносился на весь народ Израиля. По слову самого Христа, человеку, предавшему Его, *лучше бы не родиться*, грех «соблазнения малых сих» меркнет перед таким деянием. Так сказано, так полагается думать. Но что в действительности может скрываться за деянием Иуды? Что это за «новая форма духовности», которая, по мнению Б. Г. Соколова, «превосходит, отбрасывает само духовное» [Соколов, 2003, с. 210]? Согласно Б. Г. Соколову, Иуда совершает свободный акт предательства «не только плоти, но и духа, ведь он осознал, что предает сына Божьего», а значит, его предательство есть «уже предательство сверх-духовного» [Там же, с. 208]. Обратим внимание на детали предлагаемой интерпретации:

Итак, Иуда – апостол, Апостол Нового, Новейшего. Того нового, что не дано сформулировать Евангелию. Он заглянул в такую даль, в которую нам пока не дано заглянуть, ни нам, на Апостолам, ни даже Самому Всевышнему. И мы должны осмыслить это, ибо перед нами зияющий своей неразрешенностью и непостижимостью пример. Пример человека, ставшего по сторону не только тела, добра и зла, но и по ту сторону всего «потустороннего». И что са-

мое парадоксальное, идея сверхрелигиозного эксплицитно представлена в Евангелии: умеющий да слышит. Евангелие в лице Иуды упраздняет само себя, уступая место иному, несказанному, сверхрелигиозному.

И мы должны увидеть то, что он увидел. Это то, что даст нам возможность принести в жертву в себе самом всю эту ставшую ветхой и гнилой Вселенную. Осмыслив всё старое, предать его и выйти в неизведанное и неуничтожимое.

Истинное, нетленное – не предаваемо.

Предаваемое – не истинно... [Соколов, 2003, с. 210].

Взгляд Б. Г. Соколова необычен. Иуда предстает не апостолом Христа, но апостолом *своей собственной жертвы* грядущему Неизвестному. «Жертвоприношение духа» Иуды заключается в отторжении самого близкого, любимого и дорогого для его души существа – обрекая Его на смерть предательством, он остается наедине с бездной небытия вместо души [Там же, с. 203] и с не постигнутым доселе «будущим». Мне представляется, что в истории Иуды и Иисуса Б. Г. Соколов недооценивает сугубо «новозаветный» момент. Даже если предположить, что божественное происхождение Иисуса Иуде известно, *неизвестной* для него – как иудея – остается *невиновность* Христа перед Законом и народом Израиля (выдвинутые против Него обвинения, как явствует из Евангелий, касались в том числе *содействия* возможности истребления еврейского народа римлянами). Именно в этом – парадоксе вины и невиновности Иисуса – заключается, на мой взгляд, основная проблема в понимании смысла судьбы Иуды Искарриота. Не скрывается ли в истории о нем нечто, что указывало бы на *религиозные* смысл и цель его деяния, проклятия и последних слов о «невинности души», преданной им на смерть, мук петли и тех мрачных бездн, в которые ему суждено сойти? Совершается ли всё это лишь в силу его собственной, как бы «абсолютной», меры порока, проявившейся только в присутствии Того, кто пришел «не судить, а спасти мир», или же в судьбе Иуды есть иная и нерасторжимая связь с судьбой самого Христа, в соответствии с которой (и только с ней) в нем осуществляется актуализация «сыновства погибели»?

В работе С. Н. Булгакова об Иуде Искарриоте [Булгаков, 2001а], возможно, впервые в русском богословии выдвигается идея об *истинном* апостольстве Иуды, о неизвестном божественном замысле, связанном с совершенным им предательством. Высказываются глубокие интуиции, однако существо этого апостольства не измеряется о. Сергием масштабом личной катастрофы Иуды и мерой его проклятия. Действительно, для чего нужно жить человеку, осужденному более всех иных людей – человеку, спасти которого не может сам Спаситель? Можно ли вести речь о *Благой* Вести, если ради нее кто-то обречен на то, в сравнении с чем «нерожденность» в мир предстает благом? Для чего нужна эта жизнь?

Ответ представляется вполне очевидным, а апостольство Иуды Искарриота – наиболее тяжким из апостольских служений (экзистенциал «ужаса», пожалуй, в наибольшей степени способен отобразить расхожее слово «тяжкое»). Павел следует с проповедью к язычникам, Петр – в Рим, Андрей – в земли будущей Руси, Фома – в Индию, Иаков становится во главе иерусалимской общины. Каждый идет дорогами, предназначенными ему Благой Вестью, находит для нее собственный язык в соответствии с людьми и местом свидетельствования. Апосто-

лы проповедуют и страдают, умирают мученической смертью, но их словом спасаются тысячи, обретая веру и святыню евхаристических даров. Но ведь были (должны быть, согласно элементарной логике акта и истории спасения) и те, для кого обретение истины Слова было неизмеримо тягостнее и без призвания которых дело Христа не могло быть исполнено.

Что это за место, в котором слово о Христе настолько важно и произносится с таким трудом, словно краеугольный камень висящего над мирозданием «проклятия» сдвигается в сторону при вести апостола? Собственно, именно слова Христа о неизмеримости вины Иуды и являются ключом к ответу на вопрос о характере и месте служения последнего. Иуда Искариот – Апостол, а место его апостольства – бездны ада, в которые буквально вслед за ним сходит с Голгофы Иисус. В чем суть апостольского известия Иуды? Исходя из его последних слов, о которых повествуется в Евангелии, это слово о невинности, невиновности Иисуса. Весть эта – для «эллина и иудея»: ее смысл определяется не только исходя из предложенной выше идеи «негативного онто-теологического уподобления», но имеет, как будет показано далее, и сугубо иудейский контекст, определяющий существо последующего мессианского деяния народа Израиля.

В чем величие апостольства Иуды? В том, что рядом с распятым и сошедшим «во ад» Христом стоит его ученик – тот, «безмерность» деяния которого позволила занять данное место, а мера осознания совершенного и испытанных мук петли дала силу на весть: Он невинен. Пожалуй, можно допустить такую метафору: сам ад свидетельствует о невиновности Иисуса Христа в лице Иуды Искариота. В христианской традиции хорошо известно, чем именно завершается схождение Христа «во ад». В этом, с моей точки зрения, заключается явная сторона его апостольства. К слову сказать, С. Н. Булгаков указывает на «ад» как на место встречи Иисуса и Иуды, но не рассматривает предполагаемый им акт их примирения в контексте апостольского деяния последнего [Булгаков, 2001а, с. 298–299].

Данная позиция может быть прояснена указанием на экзистенциальное основание пророческого служения Ионы. Действительно, пророк Иона произносит весть о грядущей гибели города Ниневии как человек, которого в действительности коснулась гибель, который на себе испытал терзания отвергающего призвание и муку длящейся гибели в чреве «Левиафана». Его пророчеству жители Ниневии верят, потому что верят ему самому: Иона в буквальном смысле воплощает истину своего пророчества. Но в истории Иуды есть и скрытая сторона. Апостол отличается от вестника и проповедника тем, что в его деянии присутствует Святой Дух; апостол всегда святой апостол. Присутствует ли Он в деянии Иуды, а значит, в нем самом, и каким образом? Это существеннейший вопрос, и о нем речь пойдет впереди.

Непросто понять значение слов о невиновности Христа в конкретно-историческом контексте бытия народа Израиля. Почему эти слова столь трудны, что требуют судьбы Иуды Искариота? В вести о Воскресении многим представляется главным именно факт Воскресения – как бы естественной победы Богочеловека над смертью: неизбежное онтологическое восстановление Логоса-Слова в новое ипостасное бытие Сына-Христа. Мне представляется, что в существе

смысловой направленности Благой Вести дело обстоит не столь однозначно и тривиально. Ведь речь идет не просто о Воскресении Сына *Божия*, но о том, что воскресает *проклятый* иудейским первосвященником и Синедрионом, т. е. отторгнутый и осужденный Богом Израиля *человек*. Воскресает тот, кто не мог воскреснуть ни при каких условиях; исходит из ада тот, кто никоим образом не смог бы этого сделать – проклятый в абсолютном и окончательном смысле этого слова.

Не Воскресение *само по себе* (Лазарь ведь тоже воскрес...), а *личность* воскресшего – вот истинная проблема и теологический парадокс Нового Завета; в этом, по всей видимости, следует видеть природу «неверия» будущего апостола Фомы, попросившего у Христа разрешения «вложить персты» в раны Распятия. В этом представляется суть *новой* веры, рождаемой Благой Вестью, «новой жизни», «нового человека» и «нового мира».

В состоянии ли мы осознать, на какую грань испытания были поставлены народ и священники Иудеи? Неясные слова о Царствии Небесном, поразительные чудеса и... подозрения, подозрения за подозрениями: не идет ли *гибель народа* вослед словам о Царстве и Чудесам? С высоты столетий нам легко судить о теологических «заблуждениях» и человеческой «черствости» членов Синедриона и поистине нелегко понять, *что именно* стояло за потрясением иудейского первосвященника.

Что именно он спросил? В Евангелии есть его точные слова: «*Ты Мессия, Сын Бога Живого?*» В нашей богословской и апологетической литературе акцент всегда ставится на последних словах, будто объявление себя «Сыном Божиим» означало немедленное распятие. В подтверждении приводятся рассуждения о строгом монотеизме, хотя «Книги Еноха» не оставляют у современных исследователей сомнений в широком употреблении этого словосочетания в контексте ожидаемого прихода Мессии [Тантлевский, 2002], т. е. *само по себе* имя «Едиnorodный Сын» могло не привести к Голгофе. Дело, видимо, в другом: первосвященник сделал акцент на первом слове – «Ты» – и исходя из этого задал вопрос. Услышав ответ, разорвал на себе одежды. – *Ты...?* – Ты *сказал*. По мнению иудейского первосвященника, *только этот* человек не мог быть Мессией и Сыном Бога Живого. Объявление себя таковым этим человеком посчиталось им отнюдь не богословским выпадом против строгости монотеизма, но святотатством в адрес Живого Бога Завета. Задумываемся ли мы, сколь тяжким бременем могло лечь на сознание и душу иудеев подозрение и тем более уверенность в том, что едиnorodный, благой и близкий им человек – их «Равви» – своими поступками и словами создает условия для уничтожения народа римлянами или даже желает этого уничтожения? Ведь мы знаем: *не мир, но меч*.

В. В. Розанов, в лице которого русская философия обретает богатейшие формы прикосновения к миру еврейской души, решил помыслить тайну Израиля в контексте тайны личности Христа. В. В. Розанов не пошел по пути Ницше, в какой-то степени он пошел еще дальше – отторжение христианства приобрело у него и обыденный, и богословский, и апокалиптический характер. В. В. Розанов не помыслил иудаизм в целостности мессианских свершений, но его прикосновение к существу мессианского времени представляет собой уникальное

явление русской религиозно-философской мысли. Он практически *касается* христологической истины в своем отвержении путей Христа и церкви. Богословские основания глубоко отрефлексированы, сопоставлены с текстами Торы, Пророков, Талмуда, более того – выводы сделаны исходя из открывшихся ему лично глубин еврейского духа.

Но глубины, открывшиеся В. В. Розанову, не последние глубины, не мессианские бездны еврейства, не Святыня грядущих судов. В. В. Розанов говорит о грядущем суде *над* Христом и христианством в целом, который совершают двенадцать колен Израиля [Розанов, 2000, с. 310]. Его «Апокалипсис нашего времени» повествует об истории мировой скорби и ее конечном преодолении – уничтожении «темных бездн», в которые мир, как ему представляется, оказался погружен *благодаря* Иисусу из Назарета и Его Вести. В. В. Розанов вплотную подходит к истине суда, но не делает последнего шага. Чего не хватило для этого шага? Знания природы той бездны, *изнутри которой* исповедует Бога Иов? Знания о. Павла Флоренского о том, что тайна Воскресения открывается только в иной тайне, а точнее – в «святилище Смерти» [Переписка..., 1991, с. 115]? Об этом мы не можем судить. В. В. Розановым были постигнуты очертания замысла о конечных целях бытия народа Израиля, но не его конкретные формы и цели: суд, но не приговор.

Розановская идея суда *по существу* верна. Но, пожалуй, лишь Лев Шестов предельно точно выразил его «последний» смысл:

Страшный суд, которым мучилось так средневековье и о котором так основательно забыла наша современность, вовсе не есть выдумка корыстных и невежественных монахов. Страшный суд – величайшая реальность. В минуты – редкие, правда, – прозрение это чувствуют даже наши положительные мыслители. На страшном суде решается, быть или не быть свободе воли, бессмертию души – быть или не быть душе. И даже бытие Бога еще, быть может, не решено. И Бог ждет, как живая человеческая душа, последнего приговора [Шестов, 1993, с. 153].

Так кто же взыскивается Судом? Чьи вина и оправдание взвешиваются на весах Иова и Христа? На весах Шoa? Быть может, существо и облик грядущего Суда следует искать в строках «Глагола» Хаима Нахмана Бялика, написанных вскоре после кишиневского погрома?

Как слепые, мы шупаем тьму:
Что-то свершилось над нами, но что –
нам неведомо,
Никому, никому.
Взошло ли нам солнце, или погасло, умирая, –
Или погасло навсегда?
Бездна хаоса кругом, великая, страшная, злая,
И не спастись никуда;
И если взвоем во тьме, или, молясь, воззовем, –
Кто нас услышит, братья?
И если проклятиями ярости все проклянем, –
На кого упадут проклятия?
И если со скрежетом гнева сожмем кулак, –
На чье темя рухнет удар?

Все это, все поглотит бессмысленный мрак,
Все ветер развеет, как пар.
Нет опоры, руки повисли, не стало пути под стопами
И безмолвен небесный Суд –
Знают давно Небеса, что вина их безмерна пред нами,
И в молчании грех свой несут...
Открой же уста, если им от Правды дано,
Пророк Конца, восстань:
Будь Глагол твой горек, как смерть, – будь он
смерть сама, все равно:
Грянь!
Нам смерть не страшна – уж она нас давно оседлала
И в рот нам продела узду;
На устах у нас – гимн возрожденья, и с ним,
под звоны кимвала,
Мы до гроба допляшем в бреду...
[Бялик, 1994, с. 110–111].

На суд идет сам Сын-Христос, ибо в полной мере ему *подлежит*. Не может не идти – не разделить с *человеком* Славу Себя-«Грядущего», не соединить Славу с мощью небытия. В «Откровении» Иоанна Богослова говорится о встрече с Христом на облаках, о схождении на облаке «Небесного Иерусалима». Это своего рода кайрос и топос Славы и Встречи, в которых совершается суд. Что они такое – время и место суда, мгновения его истины и – итог? Итог искалеченной столетиями изгнания и унижений жизни народа Израиля, его сверхчеловеческого и тщетного стремления вернуться в родную землю? Или итог бытия его – *народа* – Сына Человеческого в мире господствующих и институционально распоряжающихся Им просвещенных «людей веры»? В мире, где, по слову Ницше, удалось «выпить море» – исчерпать жизнь Бога и не заметить этого.

По-видимому, место и время суть *и то, и другое*. Ведь написал же в своей книге-свидетельстве «Ночь. Рассвет. День» Элиезер Визель:

Священные книги утверждают, что если бы человек осознал свое могущество, то лишился бы веры и рассудка. Человеку отведена роль, которая его превосходит. Бог нуждается в человеке, чтобы *быть*. Мессия, которому надлежит освободить человека, сам может быть освобожден только человеком. Мы знаем, что избавления ожидают не только человек и вселенная, но также и Тот, кто установил их законы и отношения. Отсюда следует, что человек, горсть праха, способен соединить время с его Первоисточником и вернуть Богу его собственный образ [Визель, 199, с. 185].

Окажется ли кто-нибудь в состоянии вернуть жизнь тому, о смерти которого *мог* возвещать Безумец у Ницше? Оправдать его, встать рядом с ним – умирающим и... *умершим*? Ведь в «Откровении» Иоанна Богослова, по мысли В. В. Биbihина, оказывается «задетым» самое интимное, самое глубокое и собственное в человеке, оно-то и оказывается «под Судом», приговор которого до Оглашения пребывает втайне – «...будет ли Оправдание, будет ли Воскресение, Спасение» [Биbihин, 2012, с. 272].

«Облака»... Сколь необычный образ для описания Встречи избирает Иоанн Богослов!

В документальном фильме Клода Ланцмана «Шоа», посвященном свидетельствам выживших, приведены слова Симона Шребника, который, будучи тринадцатилетним мальчиком, уцелел при массовом расстреле в Хелмно. Советские войска освободили это место 20 января 1945 г., началом же массового уничтожения считается 7 декабря 1941 г. За этот срок было уничтожено четыреста тысяч евреев. Симон был одним из двух людей, которые чудом остались в живых (советский военный врач извлек пулю из его головы и полностью вылечил). В одной из русскоязычных версий сценария фильма слово, которое произносит Симон, переведено как «дым». В печатной версии, привлекаемой мной сейчас, как и в закадровом переводе «Шоа», то же слово переводится на русский язык как «пламя». Но смысл один: *пламя-дым* поднимаются до небес.

– Здесь сжигали людей. Сколько же людей здесь сожгли! Здесь, на этом самом месте. Отсюда никто никогда не возвращался. Сюда прибывали газенвагены... Помню две огромные печи... Потом в эти печи бросали тела, и пламя поднималось до небес.

– До небес?

– Да

[Ланцман, 2016, с. 13].

III. Теология

Кровью вымокли мы под свинцовым дождем –
И смирились, решив: всё равно не уйдем!

Животами горячими плавил снег.

Эту бойню затеял не Бог – человек!

Улетающих – влет, убегающих – в бег!

В. Высоцкий, «Где вы, волки?»

Обращаясь к событию и образам Шоа, мы обращаемся не просто к чудовищным фактам уничтожения еврейского народа. Вставая перед Шоа лицом к лицу, мы прикасаемся к святыне – страшной, невыносимой. Вслушаемся в ее слово.

6 апреля 1942 года, на второй день Пасхи, в городе Пирятине Полтавской области немцы убили 160 евреев – стариков, женщин, детей, которые не могли уйти на восток. Евреев вывели на Гребенскую дорогу, довели до Пироговской Левады в 3-х километрах от города. Там были приготовлены вместительные ямы. Евреев раздели. Немцы и полицейские тут же поделали вещи. Обреченных загоняли в яму по пять человек и стреляли из автоматов. Триста жителей Пирятина были пригнаны немцами на Пироговскую Леваду, чтобы засыпать ямы. Среди них был Петр Лаврентьевич Чепуренко. Он рассказывает: «Я видел, как они убивали. В пять часов дня скомандовали: “засыпать ямы”. А из ямы раздавались крики, стоны. Под землей люди еще шевелились. Вдруг я вижу – из-под земли поднимается мой сосед Рудерман. Он был ездовым на вальцевой фабрике. Его глаза были налиты кровью. Он кричал: “Добей меня!” Сзади тоже кто-то крикнул. Это был столяр Сима. Его ранили, но не убили. Немцы и полицейские начали их добивать. У моих ног лежала убитая женщина. Из-под ее тела выполз мальчик лет пяти и отчаянно закричал: “Маменька!”. Больше я ничего не видел – я упал без сознания» [Черная книга, 2016, с. 77].

Что может ответить на это слово современная теология? Знает ли она Бога? Из каких истоков мыслит она о путях истории? Исходя из каких фундаментальных идей и опыта выносит суждения о законе, вине, праведности, благодати, прощении, обожении? Мне представляется справедливым задать еще несколько

отнодью не риторических вопросов: Бог или текст суть предмет современной теологии? способны ли изощренные логицизм и аналитизм современной теологической аргументации приблизить к пониманию Логики раскрытия бытия Бога как Блага? знание Бога или знание способов интерпретации текстов выступают критерием истинности рассуждений о сакральности, жертве, деянии? о событии Шoa, наконец? в чем теология обнаруживает смысл самой сакральности? В требовании *интеллекта*, предъявляемом Богу: освободи место святыни, уступи ее мне, ведь Ты умер?!

Это внутренний смысл и нерв современной теологии *смерти Бога*. Можно упомянуть о глубоком мыслителе Томасе Альтицере [Altizer, 2006, 2012], можно назвать другие имена – суть дела не изменится: Христос словно пролился смертью в теологию, посвятившую себя исследованию апокалиптических прозрений великих поэтов и художников прошлого [Altizer, 2000], взглядов Гегеля, Ницше, Хайдеггера, Кристевой (и многих других), но не оставившую Ему ни единого шанса на действительность *нового* Воскресения. Название этого вида теологии подлинное в том смысле, что герменевтика идеи трагичности исторического бытия Логоса-Слова не становится философско-богословским осознанием исторической *фактичности* этой трагедии. Можно сколь угодно долго рассуждать о «позитивных» аспектах данной теологии, но ничего не отменит главного: религиозно-философская мысль не взыскивает знания о сущностной и историчной взаимосвязи Смерти и Воскресения Бога.

Будет неверным видеть исток этого явления в простой поверхностности современного богословского мышления или тривиализации религиозного опыта. Истоком интеллектуального облегчения христианской теологии (вплоть до изъятия из нее фигуры Христа как *живого* Спасителя и Искупителя здесь и сейчас) следует считать фундаментальную богословскую неудачу, на которой настаивает С. Н. Булгаков, имея в виду попытку Леонтия Византийского построить онтологическую христологию. Однако слова о. Сергия, с моей точки зрения, указывают на серьезнейший пробел в христианском богословии в целом: «Главная и существенная причина этой неудачи ... заключается в отсутствии учения о личном духе, живущем в ипостасной природе» [Булгаков, 2000, с. 100].

Конечно, есть и иные формы современного онто-теологического понимания тайны Христа. В близком для меня ключе мыслит христологическую задачу современной теологической мысли С. В. Лезов:

Есть слова, которые в нашем сознании связаны с именем немецкого мистика XVII в. Иоганна Шеффлера (Силезского Ангела): «Если нет меня, то и Бога нет». Эти слова встречаются в мистических традициях разных религий. Мистик пытается выразить свой опыт: бытие Бога зависит от бытия человека. Кстати, в Британской энциклопедии в статье «Философская антропология» я прочел: «Удивительное соответствие есть между темами смерти Бога и смерти человека. Кажется, что это соответствие выявляет глубинную взаимосвязь между теологией и антропологией... Если в прошлом мысль стремилась прежде всего доказать бытие Бога, то главная трудность для современной мысли – доказать бытие человека».

Так и в моем понимании Вести: Иисус уже сделал все, что зависело от Него. Теперь смысл его жизни и смерти зависит от меня. Если я не беру на себя то бремя следования за Иисусом, о котором говорит Новый Завет, то Он «напрасно умер».

Таков мой опыт восприятия смыслового центра христианской Вести. И этому соответствует понятие о Боге как Том, Кто может дать мне силы взять на себя это бремя.

Конечно, такую теологию и такую христологию нельзя сделать предметом универсального притязания. Я воспринял эту веру в Церкви, но не могу претендовать на то, что и другие «поверят» в нее. Я даже не испытываю потребности «передать», т. е. как-то навязать ее [Лезов, 1991, с. 199].

Выдвигая идею «негативного онто-теологического уподобления Логосу-Слову» я следовал философии, которую считал и считаю выдающимся событием истинного *Бого-Словия*. Я имею в виду философию Хайдеггера, о релевантности которой трагическому бытию Логоса-Слова говорится в цитируемой выше статье «К истоку “негативности” в философии Мартина Хайдеггера». Считается, что говорить о Хайдеггере в контексте осмысления Шоа можно только негативно, лучшее же, что можно сделать, – промолчать. Недавние публикации написанных в стол «Черных тетрадей» фактически открыли посмертную охоту на философа «немецкой почвы» – философа, ожидавшего, как это вдруг выяснилось для любителей острых ощущений, «нового начала», «исполнения» и «откровения» немецкого духа. Приговор был произнесен, ярлык нераскаившегося грешника навешен, о вдумчивом прочтении «Черных тетрадей», как, впрочем, и «К философии (О событии)», в свете событий реального исторического прошлого речи не заходило и не заходит. Между тем именно эти работы проливают свет на существо События, которого страстно ожидал Хайдеггер (здесь и далее при обращении к текстам Хайдеггера слово «Событие» пишется мной с заглавной буквы).

Мое глубокое убеждение, которое я постараюсь отстоять в настоящей работе, заключается в том, что Хайдеггер абсолютно точно про-видел историчность и существо События трагического единства Христа и человека, его умо-зрение о «что» времени-кайроса было верным, ошибочным можно считать лишь первоначальное и, по всей видимости, недолговременное убеждение в том, что быть «хранителем» и «спасителем» самого Бытия исторически возложено на немецкий народ. В то же время, в процессе обращения к работам Хайдеггера периода конца 1930-х – начала 1940-х гг., сложно утверждать, что мыслитель видел энтелехию судьбы немецкого народа исключительно в светлых тонах; речь, скорее, может идти о гениальных одиночках, мышление которых подготавливает время и место пришествия Последнего Бога, но не о деянии немецкого народа как социально-политической целостности. Вопрос этот важен, и я позволю себе остановиться на нем чуть подробнее, чтобы двинуться дальше – к предназначению человеческого деяния в отношении Бога в том виде, как его понимает Хайдеггер. Именно здесь, на мой взгляд, следует искать новое начало *Тео-Логии*.

Итак, каким Хайдеггер видит существо немецкого духа – предназначения к вхождению в Событие? Кратко ответ может быть сформулирован его же собственными словами: «мужество к философии», которое «есть знание о необходимом закате *Da-sein*» и которое «может вынашиваться только нравом, обладающим подобным мужеством» [Хайдеггер, 2018, с. 415]. Хайдеггер говорит о неммыслимом прежде акте мышления и воли *как* готовности ради и во имя События истины Бытия стать оставленным им, потерять как само Бытие, так и образ/представление о собственной сущности, исходя из которых истина Бытия схватывалась мышлением в истории, понималась как ближайшее, достоверней-

шее, можно сказать, *родное* для немецкого духа. Хайдеггер готов к подобной потере, ибо угадать способ участия в Событии оказывается в принципе невозможным: оставленность Бытием («*закат* Dasein») ведет человека и мир к катастрофическому опыту, но не как к обличению и приговору *их подлинной и неизвестной им самим* «сущности» (созидатель, спаситель или палач – ничего из этого предугадать в закате Dasein не дано), но как к *судьбе самого Бытия и вослед ему*: «... само Бытие вводит себя в колею “катастроф” своей истории, становясь в нем и через него [свое решение] очевидным» [Хайдеггер, 2018, с. 64].

По сути дела, оставленность сущего (и Dasein как понимающего свое бытие сущего) является условием «прорыва» самого Бытия к своей истине, в котором к сущему приближается, становится явственной «нужда Бога (Notshaft des Gottes), а в ней – он сам» [Там же, с. 79]. Таким образом, в мысли Хайдеггера возникает фундаментально важная для последующих философии и теологии тема *Нужды Бога*, предполагающая и взыскующая совершенно особые формы участия и действия со стороны человека, ничуть, в своей основе, не повторяющие и не воспроизводящие религиозно-метафизические постулаты земного господства «во имя» Бога. Хайдеггер понимает необходимость оставленности Бытием, а также человеческие действия в отношении самого Бытия в контексте грядущего дара самому Бытию – *дара человеческой сущности* [Хайдеггер, 2020б, с. 148]. Бытию отдается право, место и время сбыться в своей собственной истине «без оглядки» на человека.

Итак, Хайдеггер готов к падению, жертве и катастрофе: мысль о «страже» своего Dasein и тем самым самого Бытия отнюдь не подразумевает необходимости активизации деятельности наподобие «псов Господних» доминиканского ордена, заранее и на все времена убежденных, что на страже Христа в их лице стоит исключительно католическая церковь. В хайдеггеровской мысли присутствует слово «страж», но указывает оно на того, кто полностью и безвозмездно пред-о-ставляет самому Бытию в *закате своего Dasein, единственным стражем которого он отныне становится*, сбыться в Событии. В ситуации оставленности страж Dasein не волен решать, кем именно он станет в отношении исторической судьбы самого Бытия, поскольку любые волевые предпочтения и решения неизбежно приведут к заблуждениям и поскольку «воля к власти» и «воля к воле» полагаются Хайдеггером как завершение метафизической эпохи, в принципе закрывающей разуму возможность мыслить Бытие как Событие.

Остановимся на этом моменте подробнее. Как известно, философия События противопоставляется Хайдеггером метафизическому способу мышления и метафизической традиции «от Платона до Ницше» (мыслить Бытие исходя из сущего – того, что *есть*). Почему мышление о Событии подразумевает отказ от мышления Бытия в свете сущего? Потому что мышление, опирающееся на сущее, или, правильнее сказать, на жизнь как таковую, оказывается не в состоянии мыслить без-основное в сущем Событие, привычным для себя способом располагая его в качестве пред-стоящего предмета познания как элемента субъект-объектных отношений. Согласно Хайдеггеру, мыслитель, мыслящий из иного, не метафизического, начала, призван к радикальному отказу рассматривать Собы-

тие с опорой на действительное (актуальное) сущее. (Обратим внимание, что, в сравнении с «Бытием и временем», в «К философии (О событии)» Хайдеггер пишет слово «Бытие» иначе: не «Sein», а «Seyn».)

В радикальном отказе от метафизического способа мышления и состоит новый предписанный мыслителю путь: «Вплотную к границе уничтожения (Vernichtung) пролегает путь, предписанный мышлению Бытием... Здесь отказано во всякой поддержке и всякой защите, нарушена всякая опора на сущее...» [Хайдеггер, 2018, с. 65]. Лишение мышления опоры предполагает также отказ от усмотрения пред-решенных/пред-данных смыслов События. Как отмечает В. В. Биbihин, мыслитель и человек вступает в неизведанное, непредсказуемое существо *Нужды* как таковой, но уже – как *нужды собственной*: «...Ereignis мы понимаем – я понимал – как обогащающее, извещающее, дарящее смыслом событие. Теперь мы должны понимать шире: Ereignis может быть и событием возвращения к «собственно своему» человека в смысле нищеты, нужды. Смертности» [Биbihин, 2012, с. 264].

Для вступления в Событие необходимо иное качество мышления и действия, а именно «перемещение человеком самого себя в область истины Бытия, что означает подвергание себя нужде и принуждению к превращению... ..это превращение человека из субъекта в основателя и стража Da-sein есть необходимость самого Бытия – оно требует подобного превращения с древности, поскольку Бытие как таковое есть только промежуток, в открытости которого боги и люди делаются узнаваемыми друг для друга и пригодными к тому, чтобы вместе воздвигнуть сущее в целом во славу Бога и <для прославления> человеческого дерзновения» [Хайдеггер, 2018, с. 35]. Лишенное же опоры в сущем само Бытие предстает как «событие о-своения... той открытости, в которой оно само трепещет» и как «трепет божествования (первозвучания решения богов о своем Боге)» [Хайдеггер, 2020а, с. 313].

При сопоставлении перевода на русский язык второго цитируемого фрагмента с англоязычной версией «Beiträge zur Philosophy (Vom Ereignis)» Парвиса Эмада и Кеннета Мэли, делается, на мой взгляд, важное уточнение смысла фрагмента 123: «Be-ing is the enquivering of gods' godding (of echoing ahead the gods' decision about their god)» [Heidegger, 1999, p. 169]. В контексте принимаемого о судьбе Бога решении, фраза «of echoing ahead the gods' decision» может быть прочитана как указание на простирающееся «поверх голов» и охватывающее «богов» прошлого и настоящего *единство* решений: изначального и непосредственно *пред-*Событийного. Решение изначальное, сопровождающее трепет божествования как бы *поверх голов* грядущих богов, и их последующее решение отнюдь не выступают у Хайдеггера тождественными, второе не есть подтверждение первого как безусловное согласие с ним. Хайдеггер следует иным путем, задавая мощную драматическую перспективу глубины трепета – неизмеримого по своей напряженности конфликта между принявшими изначальное решение о судьбе Бога и теми, кто должен принимать решение нынешнее: «Глубина этого трепета нуждается в самом бездонном расколе», в котором и разыгрывается окончательная борьба за Бога и богов, ключевыми моментами в которой стано-

вятся “их прибытие и бегство”, и лишь в этой борьбе боги божествуют и ставят своего бога к решению» [Хайдеггер, 2020а, с. 313].

Хайдеггер настойчиво говорит о «Бог» и о «богах». Для многих это неожиданно, странно, сбивает с толку. Тем более в контексте телеологическом и даже эсхатологическом, мессианском: Нечто и Некто ожидаются, пред-чувствуются как «грядущие» в Событии. Но ведь антирелигиозная (по крайней мере, не христианская в каноническом смысле) направленность его мысли хорошо известна, факт иррелевантности фундаментальной онтологии, философии События и западной теологии многократно подчеркивается им самим и подтвержден авторитетными исследователями его творчества. Вместе с тем, слова «Бог», «боги», «нужда Бога» и «Последний Бог» не просто встречаются в «К философии (О событии)» и в «Черных тетрадах», но буквально пронизывают эти произведения. Непонимание существа дела усугубляется, когда мы пытаемся осмыслить замечание Ханса-Георга Гадамера о том, что Хайдеггер стремился «освободить христианство от теологии» [Гадамер, 1992, с. 229].

Обращаясь к многочисленным фрагментам «Черных тетрад» и «К философии (О событии)», мы встречаемся с фундаментальной интенцией о том, что Бог *нуждается в даре сущности человека* (и всего сущего), что историчность и возможность *его собственного бытия* парадоксальным образом зависят от человека как «стража» своего Dasein и «хранителя» самого Бытия. Из этого следует, что, как верно замечает Н. З. Бросова, ожидаемое Хайдеггером Событие «суть внутренней и сокровеннейшей для человека «непосредственное приближение Бытия», в котором «последний Бог с отчетливостью являет узловые пункты соотношения “Бог – Бытие – человек”» [Бросова, 2002, с. 428]. Действительно, согласно Хайдеггеру, «лишь отношение к Бытию способно обеспечить возможность нужды встречи с Богом; лишь потребность в Бытии (со стороны Бога) расширяет его <Бытие> в Такое, откуда подходит к нему встречное и может особым образом передать ему свою собственную сущность...», при том, что само Бытие представляется им «как о-своение-сбывание в Da-sein, как то, что дарует о-своению-сбыванию пространство напряжения и свободное пространство (Spann- und Spielraum) его парения...» [Хайдеггер, 2020б, с. 148].

Этот нуждающийся в даре сущности приходящих к нему Бог есть загадка и средоточие ожидаемого События, предполагающего ни много ни мало как *гибель*, которой само Бытие «удостаивает человека» [Там же, с. 33], вступающего «в “о-своение” События (Ereignisses) посредством дара собственной сущности, обретаемой в стоянии “на страже” своего Da-sein и “хранителем” самого Бытия – как своей исконно-новой и сокровенной *собственности*» [Там же, с. 30].

Кто же они – Бог, боги (а возможно, и Боги) этой трепещущей надежды Хайдеггера, этой, как верно заметил В. В. Бибихин, новой и неизвестной *веры*? Слово «Бог» подразумевает теологию. Слово «боги» указывает на загадку, возможно, тайну, прийти к которой суждено самой теологии. Но – какой теологии? Которая ищет смерти или обращается к живому Богу живых? Даже в Шоа? Напомним сказанное Хайдеггером о самом Бытии, нужде Бога и человеческом даре сущности, о-своении События и двинемся далее – к *Тео-Логии*.

Я не считаю себя теологом в классическом смысле этого слова, хотя и обращаюсь к традиционному предмету теологии – бытию Бога. Тем не менее я отчетливо сознаю, что отвечать на вопрос о том, что есть Шоа, следует тогда, когда очевидность ответа прожита и помыслена как в отношении собственного бытия, так и в отношении бытия того, на чьей «смерти» строятся современные концепты свободы, блага, добра, ценности. Убежден, что философско-теологическое прикосновение к Шоа есть своего рода категорический императив современности – сущностная необходимость мышления, воли и экзистенции сохранить измерение человечности, ощутить присутствие живого, а не мертвого Бога.

В связи с этим мне хотелось бы сказать несколько слов о личном опыте. Наверное, это важно. Старожилы гомельщины рассказывали мне о том, как не могла успокоиться земля, которой засыпали рвы с еврейскими женщинами, мужчинами, стариками, детьми. Земля ходила ходуном от судорог и дыхания людей, к которым не приходила смерть. Рассказывали, что слышали доходящие из-под земли стоны. Если расстреливали в морозные дни, а потом наступала оттепель, то земля источала кровь; кровь исходила на поверхность. Таких мест в Беларуси неисчислимо множество. Стоя через семьдесят с лишним лет после 1945 года на клочке земли, хранящей останки уничтоженных евреев гомельщины, я ощутил присутствие жизни – *их* жизни. Или, лучше сказать, их Абсолютной Жизни. Чувство это было столь глубоким и всеохватным, что возникли слова, говоримые мной живым людям, а не их праху, не в память о них. Я ни на минуту не усомнился в том, что в Жизни лежащих в этой земле евреев кроется нечто неизмеримо большее, нежели посмертное существование праведных душ мучеников. Когда и как пришла и утвердилась мысль о том, что именно сделал народ Израиля в Шоа? На этот вопрос я могу ответить точно и правдиво – на непостижимой границе моей собственной жизни и почувствованной вечной Жизни расстрелянных евреев. Через эту границу был переброшен мост – слова, адресованные людям с распространенными еврейскими именами: Сима, Марк, Роза, Нахман. Поэтому, приступая к написанию текста о Шоа, я знал, что буду писать о людях, исполненных Жизни, о людях, ставших близкими для меня лично.

Вернемся к теологии.

В высшей степени таинственны слова Христа о природе деяния и тайне веры в Него: «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит, потому что Я к Отцу Моему иду» [Ин. 14: 12]. Что может быть этим «больше»?

Апологеты древней Церкви повествуют о Церкви Предвечной – Самой Святыне. Полагаю, что именно в тайне личного духа Сына следует искать ответ на вопрос о существовании Предвечной Церкви. Попробую высказать свою мысль, опираясь на некоторые интенции мысли софиологической в отношении кенозиса («умаления») Логоса-Слова. Умаление здесь не только связывается с искупительным деянием Христа и Голгофой, но и рассматривается как осуществляемое Сыном *предвечно*. Можно сказать, что кенозис укоренен в Его личном, или ипостасном, духе и проявляется в предельном и добровольном умалении собственной божественности. По всей видимости, именно в этом следует усматривать

суть различного единосущия Бога-Отца и Бога-Сына и тайну бытия Бога-Сына: самозабвение и самоумаление в устремленности к Отцу и Святому Духу. Тогда «Предвечная Церковь» должна означать полноту внутренней жизни (или, как принято говорить в богословии, «внутреннего общения Лиц») Св. Троицы в действии Лица Святого Духа – утешении и освящении *Собой Самим* личного ипостасного бытия Сына. И не в кенотическом ли смысле исторического свершения Логоса-Слова в мире следует интерпретировать интуиции С. Н. Булгакова о тринитарной тайне Сыновства как бытия Сына *для* Лиц Отца и Святого Духа – сущностного акта внутренней Божественной жизни, воплощаемого и освящаемого в жизни, смерти и воскресении Христа:

Сын есть Сын не только для Отца, а и для Духа Святого, хотя он от Него не рождается. Сыновство не есть только рождаемость от Отца, но и бытие Сына Отчего для Духа Св. Вторая ипостась есть Сын в отношении к обоим Ипостасям, не только к первой, но и к Третьей, а также и к Себе самой: Св. Троица есть в себе рождаемость, сила открывающая, сыновство, как троичственный акт взаимной любви» [Булгаков, 2001б, с. 109].

Понятые таким образом Дар и Освящение представляются смыслом и целью пре-бытия Предвечной Церкви в мире – в актах Творения, Боговоплощения, Искупления, даров Святого Духа, Откровения в целом.

К чему призывается человек в Откровении во Христе? Благая Весть говорит об этом вполне определенно: к Царству Небесному (отнюдь не к возврату в потерянный некогда рай). Но в предложенном контексте «Царство Небесное» должно означать не что иное, как «Предвечную Церковь» – дар, к обретению которого призывает Христос. И тогда возникает вопрос: что может означать *вхождение* человека в Предвечную Церковь? Пожалуй, только одно: он освящается *Самим* Святым Духом. Возможность же восприятия человеком акта освящения *в полной мере* указывает на то, что он не просто пользуется искупительной жертвой Христа и уподобляется Ему «по благодати». Для этого должно произойти нечто иное – *большее*. В этом «большем», на мой взгляд, и состоит суть призванности человечества к Царству Небесному – *Священству* в Предвечной Церкви. Означает ли это «Священство» освящение *со стороны* Лица Святого Духа или оно требует иного – неизвестного – действия, в котором человек и Святой Дух соединяются сущностным образом и в котором акт освящения предстает в виде со-вместного деяния, или Со-Бытия?

Когда я решаюсь утверждать, что для деяния Святого Духа предвечно избран народ Израиля, то решаюсь и на вопрос о том, почему такое избранничество предполагает «дороги ада». Ад – это что, добровольно? Нет. «Добровольно» не выражает существа замысла. Следует сказать иначе: добровольно, но без представления о цели, без стремления к сверхчеловеческой полноте, без желания мук. «Добровольно» в самых истовых, святых и темных для остального мира глубинах народа Израиля, в которых мука и жертва лишь следствия, в них намеренно не выражается любовь, но принимается ее неизбежность.

Эмиль Факенхайм прямо говорит о соединении времен, пришедших к своему исполнению и завершению в нацистских лагерях смерти. В этих временах кайрос Бога соединяется с кайросом абсолютного зла, становясь «временем анти-

христа... *сердцевиною которого был мир Голокауста*» [Факенхайм, 1994, с. 277]. И если облик кайроса зла вряд ли вызовет у кого-то сомнения в истинности своего наименования, то существо присутствия Бога опознается, скорее, в соответствии с образом, который употребляет апостол Павел: *как бы сквозь мутное стекло*. Возможно ли теологическое понимание природы соединения двух кайросов? Ведь суждение об истине Шоа невозможно вне обретения его религиозного смысла, смысл же теологического соединения кайросов означает понимание того, что именно *со-делали* Бог и обреченные на смерть евреи.

В отношении современных попыток помыслить единство кайросов в свете традиционных положений христианской догматики, суждения Факенхайма предстают вполне определенным образом:

Голокауст нанес травму сегодняшним еврейско-христианским отношениям. Но причинил ли он травму также и самому христианству, независимо от этих отношений? Здесь мы обращаемся ко второму вопросу, который Голокауст поставил перед христианской верой. Она утверждает, что Бог во Христе взял на Себя *всякое возможное* в будущем страдание и заместительно искупил *всякий возможный* в будущем грех. Но, как мы уже видели, в Голокаусте «реальностью стало невозможное». Голокауст – это мир зла, антимир, прежде невообразимый и немислимый. Он нанес удар по философской мысли. Он также нанес удар по искусству и литературе. Так неужели не пострадали от него христианская теология и вера? Разве *тот* грех заместительно искуплен? [Факенхайм, 1994, с. 273].

В этих словах звучит отнюдь не приговор христианскому миру, но вопросы (мучительные, по-видимому, для самого автора) о том, могут ли Страстные дни Спасителя и Голгофа быть измерены мерой Шоа. Достаточно ли распятия Сына Божия для искупления кайроса абсолютного зла? В состоянии ли совершенное на Голгофе искупление предстать в той же богословской ясности, какую оно обрело в христианской догматике и апологетике, когда речь заходит о богословской интерпретации кайроса Бога в лагерях смерти? По сути дела, Факенхайм не только задал христианскому миру вопросы, но и сам ответил на них:

Если воплощенный Сын Божий был так же человечен, как все человечество, тогда тринитарная теология вместе с либеральной должна признать, что Воплощенный мог стать *доходягой*, в противном случае теология наносит посмертное оскорбление всем тем, кто действительно стали *доходягами*. А если воплощенный Сын Божий *сохраняет* божественный дух и власть, даже воплотившись в узника Освенцима, тогда, конечно, «искра Божия» остается в нем нетронутой, потому что она неприкосновенна. Однако именно эта неприкосновенность и есть жестокая насмешка над всеми, кто неприкосновенным не был, кого уничтожили и кто выжил в результате отчаянной, круглосуточной, смертельной борьбы [Там же, с. 275].

Мысль Факенхайма, адресованная христианскому миру, читается предельно ясно: Сын Божий, будучи также человеком, умирает в лагерях смерти. Но если для евреев Шоа *не* является искупительной жертвой, имеющей целью приобщение язычников Христу в «завершающей полноте», как часто истолковывают теологический смысл Шоа католические мыслители, в частности Жак Маритен [Маритен, 2004, с. 377], то что это такое? Повторение Его пути? Для чего? Ради царской полноты народов мира, ради таинства их спасения? Слабый довод и слабое утешение. К слову сказать, мнение Маритена о том, что в событии Шоа народом Израилем приносится искупительная жертва, имеет вполне ясные тео-

логические основания, указывающие на невозможность соединения тайны избрничества еврейского народа с тайной внутренней Божественной жизни, т. е. действие Израиля в Шоа никоим образом не может быть направлено на *Сущность* Св. Троицы: «Тайна евреев не есть нечто из собственно Божественной жизни, в отличие от тайны искупления, но она по сути соотносится с этой тайной так же, как и с тайной Отчего гласа, которому человек внимает или который отказывается слушать, когда этот голос призывает в этом мире к вере в воплощенного Сына. Эта тайна столь же велика» [Маритен, 2004, с. 374].

Теперь зададим вопрос *вновь*: какие смысл и цель имеет жизнь народа, приходящего к такой смерти? Ответ должен указать на богочеловеческую тайну избрничества.

Он видится мне таковым.

В Шоа происходит вхождение народа Израиля в Предвечную Церковь. Деяние евреев не является повторением крестного пути Иисуса Христа в том смысле, что в Шоа не приносится искупительная жертва. В событии Шоа народ Израиля становится источником спасения самого Сына Божьего – *субстанцией* Его Воскресения. Откровение о человеке и Боге означает, что в Шоа осуществляется воплощение Третьего Лица – Святого Духа, в котором Святой Дух обретает *сущностное* единство с человеком, осуществившим немислимое в истории *Бытие-Для-Бога*. В Шоа Бог умирает в Лице Сына-Христа и воскресает в единстве Лиц Сына и Израиля. Святой Дух действует не посредством человека как *иного* по отношению к Себе, освящение происходит не в результате энергийного, а вследствие ипостасного соединения Святого Духа с человеком. В Шоа народ Израиля становится *воистину* Святым Духом – за мгновение до мессианского мгновения, само же мессианское мгновение есть Воскресение Сына и вхождение в Предвечную Церковь в качестве Ее Первосвященника. В свете «Откровения» Иоанна Богослова об облаках, Встрече, Славе и схождении Небесного Иерусалима, весть Пауля Целана в «Тенебгае» означает следующее: *Пламя-Дым* – это *Сам* Израиль, устремившийся к мессианскому мгновению смерти Сына в *собственном* мессианском мгновении. Первосвященство Израиля есть исполнение божественного замысла о еврейском народе и конечная цель крестной смерти, Воскресения и последующего бытия Христа в истории: человек в полноте собственной человечности вступает в Сущность Св. Троицы как Первосвященник этой Сущности.

Сердце иудейского Закона видится мне в жизни народа, предназначенного к тому, чтобы соединить божественный замысел о своем Первосвященстве со спасением единосущного Богу-Отцу, Св. Духу и ему самому Сына-Христа. Закон действует в истории парадоксальным и трагическим образом. Осужден, распят и проклят Сын Человеческий, *чтобы* через две тысячи лет немислимым прежде исполнением существа Закона был восстановлен из духовной смерти Сын Божий. Историческое отвержение еврейским народом божественности Иисуса Христа предстает условием воскрешающего деяния: евхаристическое присутствие, посредством которого Сын-Христос становится *доступным* для уничтожения, не растрачивается Израилем. Говоря словами Ницше, евреи не «выпивают море», не «заносят ножи» над истекающим кровью телом. Вспомни-

ная же о «грядущих» Хайдеггера, который, конечно же, видел *иных* грядущих, можно сказать, что в глубоком историческом отказе от Христа Израиль – *of echoing ahead* – принимает *иное* решение о Его судьбе «в трепете своей собственной божественности».

Вернемся к апостольству Иуды Искарота. Не содержится ли в нем прообраз того Деяния, что совершается в Шоа? Не является ли Иуда Искарот *содержателем* Воскресения Христа, его человеческой субстанции, изнутри которой начинает действовать Святой Дух? Свидетельство о невинности Христа предстает тем усилием не-бытийствующего духа Иуды, в котором он переходит к бытию и своего рода «кенозису» – мукам духа, претерпевающего *себя самого* в качестве средоточия ада, т. е. к человеческому измерению бытия и небытия. Можно сказать, что бытие начавшего свое служение апостола вмещает в себя предназначенный к разрушению ад. Это крайне сложный теологический вопрос, а положительный ответ на него – большая ответственность. И всё же я выскажу свою позицию: Иуда Искарот не только вестник о невинности Христа, но и субстанциальный со-участник Его Воскресения и в этом смысле он – *святый* апостол. Иуда становится тем единственным человеком, кто *до* Воскресения Христа не может смириться с фактом Его проклятия и смерти действительно: вследствие предательства в Иуде и рождается таинственная и страшная для иудея экзистенция – *не могу смириться*. Захватывая не-бытийствующий дух, она становится своего рода вместилищем Духа Святого, истоком и основанием апостольского Деяния.

Данная теологическая позиция основывается на *неестественном* – не обусловленном исключительно божественной природой Христа – способе понимания Его Воскресения. Иначе говоря, личный ипостасный дух Христа, будучи в состоянии полагать собственную смерть как богочеловеческую реальность, одаривает человека не только фактом Своего Воскресения, но и его актом – даром соучастия в нем.

Выше я высказывал предположение о возможности проведения аналогии между Иудой и пророком Ионей, вести которого о трагедии, ждущей Ниневию, предшествует собственный опыт небытия. Не является ли действие, совершаемое *изнутри* бездн отчаяния и горя – действие-исповедание и действие-оправдание Иова, Ионы, Иуды – сущностной, атрибутивной чертой духовности иудаизма?

Мое собственное слово также не может уклониться от смысла этой вести: *Он невинен*. Сын Человеческий и Сын Божий не повинен в гонениях и истреблении евреев. Вина за это лежит на безмерном Ничто, возникающем в человеческом мышлении и бытии, стремящихся (вольно или невольно) уподобиться Ему – взискать *не-сущее*, овладев тайнами мироздания и самопознания. А взывав, возложить на себя тотальное господство, осуществить непомерную – *не-сущую* – волю к власти. Сын Человеческий и Сын Божий не повинен в Шоа, как не повинен в том, что на место Церкви, причащающейся Его плоти и крови в стремлении умереть и воскреснуть *вместе* с Ним, заступила форма Его сущностного *у-потребления* – растраты и уничтожения. Предвидел ли апостол Павел возникновение этой формы *анти-духа*, когда писал к Римлянам: «Христос, вос-

креснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти» [Рим. 6: 9]? Или данные слова следует понимать также в контексте истории Церкви, ради которой Сын свободно распоряжается Своей жизнью и смертью?

О длящейся Голгофе христианскому миру напоминали Блез Паскаль и немецкие мистики. Однако мысль Ницше, прочитанная предложенным образом, указывает на то, что Голгофа Духа состоится в полную меру. Неясными оставались лишь способ и последствия уничтожения, хотя в христианской апологетике, западной и восточной патристике неоднократно воспроизводится мысль о том, что наши грехи вновь распинают Христа. «Наши» – это чьи, вообще человеческие грехи или грехи христиан?

Этот вопрос может быть понят как риторический и долговременный. Следующий – нет. Смогла ли философия увидеть свою судьбу, предусмотреть грядущее событие, вникнуть в его существо? Безусловно, да.

Мне довелось познакомиться с полным текстом главы «Последний Бог» Хайдеггера на русском языке уже после того, как мой собственный замысел в целом нашел воплощение. В словах В. В. Бибихина о Последнем Боге на тот момент я не увидел того Бога, к венчающему мессианскому деянию которого двигалась моя собственная мысль. Иными словами, мне не удалось разглядеть в Последнем Боге Хайдеггера завершающего прежнее и зачинающего новое Начало Бога – Бога воскрешающего мессианского соединения с человеком, которого я искал сам. Долги следует отдавать, тем более любимым людям. Поэтому я обращаюсь к работе Хайдеггера «К философии (О событии)» вновь.

Слова, которыми философ описывает пришествие Последнего Бога, на мой взгляд, не бесхитростны. Как настаивает Хайдеггер, в этом Событии нет и не может быть привычных для метафизического и традиционного теологического мышления «теизмов» и прочих терминов, берущих свое начало в иудео-христианской традиции. По всей видимости, Хайдеггер берет в основание своей мысли *весть* Ницше об *окончательной* смерти Бога Заветов, с которой «рушатся и все “теизмы”» [Хайдеггер, 2020а, с. 506]. Как известно, весть Ницше не предполагает наличия в мире силы, способной изменить событие смерти Бога как безвозвратное, – Его возвращение или воскресение не предусматривается, да и не требуется для проекта переоценки ценностей и окончательного установления господства воли к власти и воли к воле. Несмотря на присвоение этим идеям Ницше ранга метафизических, Хайдеггер, по всей видимости, не склонен вступать с ним в полемику. Смерть прежнего Бога теологов, означающая сворачивание всех исторически значимых ценностных нормативов и императивов, принимается им по существу и кажется невероятным, чтобы Последний Бог, пришествие которого выступает для Хайдеггера поистине *новым* началом истории и истины бытийствования *всего* сущего, мог бы быть соотнесен с Откровением в тринитарной перспективе.

С другой стороны, подобное признание вести Ницше может рассматриваться и как гениальный методологический ход, уничтожающий всякое *пред-данное* теологическое знание в канун грядущего Откровения, чтобы Событие могло раскрыться как не отягощенное старыми догмами пришествие. Не подлежит сомнению, что Хайдеггер, будучи прекрасно знаком с католической традицией,

знал об идеях Иоахима Флорского о грядущем Откровении Лица Святого Духа и Блеза Паскаля о длящихся до конца мира крестных муках Христа. В таком случае, т. е. при немыслимой прежде возможности идентифицировать Последнего Бога как *неизвестного* теологии Бога – Третье Лицо Св. Троицы, следует сосредоточиться на прояснении смысла его таинственного утверждения о *конечности* самого Бытия «в намеке последнего Бога» [Хайдеггер, 2020а, с. 505]. Примечательно, что немецкое слово «Wink» [Heidegger, 1989, p. 410] можно перевести не только как «намеки», но и «знак согласия», «кивок», «подтверждение»; английское же «Hint» [Heidegger, 1999, p. 288] принимает также значение «совета».

Весьма важным представляется указание Хайдеггера на то, что человек не совершает и не может совершить никаких действий в отношении *самого* Последнего Бога, который не выступает претерпевающей стороной. Дар сущности самому Бытию в о-своении События не означает, что вос-полнению подлежит нечто, что внутренне присуще Последнему Богу: нужда в самом Бытии не означает для Последнего Бога нужды в *СамоБытии*; он не требует участия в своем сохранении, как не требует дара сущности и жертвы. Более того, парадоксальным образом человек оказывается не только не подавлен мгновением пришествия Последнего Бога, но неимоверно возвеличен им: «Здесь не происходит никакого растворения, т. е. по сути дела, подавления человека, а *введение* более изначальной сущности (основывание-вот-бытия) в само бытие («Sein» переведено Э. Сагетдиновым как «бытие». – Д. М.): признание принадлежности человека бытию через посредство Бога, нисколько не роняющее себя и свое величие признание Бога, нуждающегося в бытии» [Хайдеггер, 2020а, с. 508]. В этом признании «Бог овладевает человеком, а человек возвышается над Богом как будто непосредственно, но все же и то и другое – лишь в событии, в качестве которого есть истина самого бытия» [Там же, с. 510].

Таким образом, действие человека у Хайдеггера совершается в отношении самого Бытия, понятого и интерпретированного мной в концепции «негативного онто-теологического уподобления» в качестве Логоса-Слова, Сына-Христа – и именно Оно / Он выступает *претерпевающей* стороной. «Последний» же Бог действует в отношении *единства* самого Бытия и человека, который пре-подносит самому Бытию свою сущность и сущность всего сущего, выступает как своего рода *воз-меститель* – тот, кто собственной сущностью и ценой гибели отвечает на зов нужды в конечности / смертности самого Бытия. Поэтому я и прихожу к пониманию Последнего Бога Хайдеггера как Третьего Лица Св. Троицы – возвышающего, венчающего бытийный «трепет божественности богов» *Начала*. Итак, на вопрос «что» События ответ был дан Хайдеггером исчерпывающе точным образом. Вопросы о том, «кто» и «как» именно вступает в Событие потребовали самостоятельного осмысления.

Работая над текстом статьи, я встретился с реакцией, о которой следует сказать отдельно. Реакция была такой: в нацистских лагерях страдало и умирало столько людей различных народностей и национальностей, столько христиан... так почему вы ставите евреев в своего рода «исключительное» положение? Чем их страдания отличались от страданий сотен тысяч иных людей, например,

в Хатыни? Вопросы справедливы. Да, в лагерях смерти погибли люди различных наций. Однако хорошо известен факт, что продумывание, возведение и бесперебойное функционирование «фабрик смерти» изначально имело в нацистской Германии целью уничтожение именно еврейского народа, обреченного на окончательное, полное и, как справедливо замечает Зигмунд Бауман, «сущностное» уничтожение [Бауман, 2010]. Хотел бы еще раз подчеркнуть, речь идет не о том, что *человеческое* измерение страданий евреев было иным (большим или меньшим). Оно не «превышало» страданий женщин, детей и стариков в Хатыни или людей, уничтоженных в лагере Тростенец и в местах массовых казней русских, белорусов, поляков, украинцев. Речь идет о том, что иными были цель и природа страданий еврейского народа.

Можно было бы ответить на заданные вопросы и таким образом: почему вас не смущает, что среди множества распятый было только одно Распятие? Неужели вы всерьез думаете, что человеческая боль Христа на Голгофе отличалась от боли прочих казнимых? Его мука была мукой Богочеловека, а богооставленность в момент смерти не может быть уподоблена смертной тоске распинаемых людей. Поэтому приходится повторить: Шоа имеет такое бого-человеческое измерение, которого нет в какой-либо иной исторической форме тотального уничтожения, Шоа не тождествен никакому иному геноциду, *это* зло исключительно и абсолютно. Мы, наследники переживших Войну, знаем, что женщины выли, а мужчины рыдали от вида зверств, творимых нацистами на нашей земле. Для наших людей нацисты изначально были врагами, их зверства были зверствами чужого – они *могли* быть объяснены этим, а ответом могла стать святая ненависть. От знания же того, что именно творилось в Освенциме, детском лагере смерти Саласпилсе, Майданеке, Хелмно, Тростенце или Треблинке – медленно, не спеша: день за днем, месяц за месяцем – невозможно завывать и зарыдать. Наступает невиданная серьезность и собранность, позволяющая только молчать, стиснув зубы, ибо перед нами проходит *порядок уничтожения духа*, предшествующий актам физического уничтожения. Это действительно сущностное уничтожение, как справедливо высказался Бауман. Не хотелось бы подвергать испытанию психику читателя, но отравляющий газ экономился нацистами в лагерях смерти в основном на еврейских детях: в печи отправляли не мертвые, а живые тела. Конечно, огненные деревни России, Беларуси и Украины не могут мыслиться отдельно от печей лагерей смерти, они воистину вместе, но они все же – *во-след*.

Вернемся к мысли, высказанной в начале работы. Речь идет о понимании событий Шоа и Великой Отечественной войны как единого духовного События человеческой истории – кайроса встречи Бога и человека.

Россия осознала свой исторический и духовный телос, когда по ее улицам и площадям двинулся Бессмертный Полк. Но что ответить на обвинения в религиозной бездуховности в адрес тех, кто ценой немислимых жертв и усилий установил нацистского зверя и как отстранить от себя «тиранию покаяния», упорно возлагаемую на советский народ и на тех, кто любит его подвиг и его наследие? Убежден, что осмысление события Великой Отечественной войны –

вперед. Сейчас же хотел бы обратить внимание лишь на один аспект, связанный с философией и теологией.

Историкам религиозно-философской мысли хорошо известен сложившийся в восточной патристике способ различения сущности, ипостаси, энергии. В учении св. Григория Паламы о божественных энергиях конечной целью аскезы выступает теозис – «обожение». И хотя это понятие еще ранее фигурирует у преп. Максима Исповедника в связи с учением о «Субботе Суббот», в целом оно связывается именно с паламитской «энергийной антропологией», при этом порядок усвоения божественных энергий провозглашается еkkлeсиологическим порядком спасения. Возможен ли иной путь? Возможно ли, исходя из хайдеггеровских интенций оставленности самим Бытием, даре сущности и о-своении в Событии истины самого Бытия как обретения сокровенной, глубочайше-интимной *собственности*, предположить, что существо акта теозиса заключается не только и не столько в единстве / синергии экстатически направленного энергийно-благодатного действия божественных ипостасей и «умно-сердечных» действий подвижника по вмещению и усвоению даруемой таким образом благодати (как это принято понимать в «энергийной антропологии»), но и в *сущностном* погружении ипостасного бытия Логоса-Слова вовнутрь бытия человеческого?

Речь идет о рождении *личного духа* Христа в средоточии личности человека и о его историческом восхождении к осуществлению мессианского мгновения Сына как мессианского мгновения собственной *человеческой* жизни, т. е. об *ипостасном* понимании богочеловеческой реальности, интуициями и идеями которой исполнена русская Софиология и христианская персонология Серебряного века. Не действуют ли эти формы («энергийная» и «ипостасная») рождения и генезиса коррелятивно, но не одновременно? Если это так, то корреляция указывает на следующий порядок достижения теозиса. Святой Дух рождает в человеческом Я *ипостасную* форму бытия Сына, их единство исторически раскрывается в виде богочеловеческого деяния как осуществления *действительного* ипостасного единства бытия Сына-Христа и бытия человека – их *Со-Бытия*. При таком понимании теозиса основной формой приводящего к нему деяния следует считать конкретно-историческую реализацию в человеческом бытии *кeнoтичeской* ипостасной природы Сына-Христа. Тогда трагическая диалектика божественного и человеческого, исходя из которой мыслил грядущее Откровение Н. А. Бердяев, приобретает основание замысла о существовании мессианского события. Бытие для Мира и бытие для Бога соединяются в едином онто-теологическом акте Откровения-Теозиса, в котором «теозис» предстает в качестве не только теологического и религиозно-философского, но и культурно-генетического и историко-телеологического понятия.

Бытие советского народа в годы Великой Отечественной войны понимается мной именно в таком ключе – как всецелое бытие для Мира. Стоит вспомнить слова С. Н. Булгакова о том, что подлинной и единственной формой присутствия в мире *антихриста* является идеология и практика германского фашизма [Булгаков, 1993, с. 362–363], чтобы раз и навсегда (по крайней мере, внутренне, наедине с собой) отвергнуть обвинения в бездуховности, бросаемые в адрес совет-

ского народа и его наследия. Когда мы пытаемся мыслить о событии Великой Отечественной войны, следует иметь в виду, что речь идет об особых формах историчности бытия и экзистенции, предстающих как духовный телос, сознающая себя энтелехия: цель, исполнение, а также обретаемая способность к возобновлению подобного усилия – его исполняемости в дальнейшем.

Кажущаяся же богооставленность «атеистического» советского народа, как и онтологический феномен оставленности самим Бытием у Хайдеггера, по верному замечанию В. В. Бибихина в отношении последнего, свидетельствует не о проклятии или отвержении, но о даре, «незамеченном подарке» сокровенного обретения собственного деяния – *собственности* как таковой. Тогда «оставленность» есть «не голос нежелания иметь и отставление в сторону, но... высшая форма владения..., чья высота достигает своей решимости в откровенном воодушевлении перед тем немислимым даром, каким оказывается оставленность» [Бибихин, 2012, с. 266]. В этом смысле духовность советского человека не поддается измерению мерками известных исторических форм религиозности. Его бытие в годы Великой Отечественной войны есть результат тысячелетнего усвоения благодатного дара и полнота сущностного *Со-Бытия* с Сыном-Христом – дар Ему *собственной* сущности. Измерять такую духовность мерой традиционно понимаемой религиозности не имеет смысла, а критерий формальной воцерковленности для вынесения суждений о «богооставленности» в данном случае ни при чем.

Может ли быть названо Имя и определен Лик сущностного единства человека и Святого Духа? Полагаю, что да. Имя – это *Имя Имен*, Лик – это *Лик Лиц*. На земле Израиля много лет вслух читаются имена погибших евреев, по числу миллионов лиц Шоа сияет пламя шести свечей. А *седьмая* свеча? Это может и, наверное, должно стать нашим собственным решением: есть ли она и что или, вернее, кто она есть. Различим ли мы надежду и труд во имя Лика Лиц и Имени Имен в стихиях собственной истории, осознаем ли высший смысл в поступи Бессмертного Полка, в глазах и именах детей, женщин, стариков и мужчин из сожженных нацистами деревень и городов Беларуси, России и Украины? Если да, если *эта* Менора разгорится в полную силу, многие пути станут видимыми в ее свете.

Я далек от мысли рассматривать написанное в качестве аналога экуменического диалога. Прагматически ориентированный уровень подобных диалогов не требует предельных усилий по обоснованию собственных форм духовидения как видения историчности Духа. Как человек, мышление которого остается в полной мере христоцентричным, я сознаю необходимость первого шага навстречу. Делая его, не жду поспешных ответов. С другой стороны, ожидание – чудесная пора, если не затягивается надолго, а это зависит от реалистичности ожиданий. Мне остается надеяться, ждать и, пожалуй, верить, что пристальнее и доброжелательнее станут взгляды наших народов друг в друга, что обострится восприятие исконных и вновь обретенных смыслов религиозно-философских учений, что в гуманитарных науках появятся новые измерения человеческой глубины. Возможно, христиане возрадуются о живом *Сердце Закона*, а на Родине Христа

с его имени будет снято табу. Возможно, родится общее упование на Благословение.

Хотелось бы добавить: *во веки веков...*

Список литературы

Агамбен Дж. Номо Сасер. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Европа, 2012.

Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008.

Арендт Х. Ответственность и суждение. М.: Институт Гайдара, 2013.

Бауман З. Актуальность Холокоста. М.: Европа, 2010.

Бек У. Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008.

Бердяев Н. А. Смысл творчества // *Философия творчества, культуры и искусства*. Собр. соч. в 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 37–341.

Бибихин В. В. Событийность. Философия *своего*. СПб.: Наука, 2012 (Серия «Слово о сущем»).

Бибихин В. В. Хайдеггер: от «Бытия и времени» к «Beiträge» // *Вопросы философии*. 2005. № 4. С. 114–128.

Бонецкая Н. К. В поисках неведомого Бога. Мережковский – мыслитель. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.

Бонецкая Н. К. Русский Ницше // *Вопросы философии*. 2013. № 7. С. 133–143.

Бросова Н. З. Сакральная тектоника бытия // *Историко-философский ежегодник '2000* / Отв. ред. Н. В. Мотрошилова. М.: Наука, 2002. С. 417–432.

Брюкнер П. Тирания покаяния. Эссе о западном мазохизме. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2009.

Булгаков С. Н. Агнец Божий. О Богочеловечестве. Часть I. М.: Общедоступный православный университет, 2000.

Булгаков С. Н. Главы о Троичности // *Труды о Троичности*. М.: ОГИ, 2001б. С. 54–180.

Булгаков С. Н. Иуда Искариот – апостол-предатель // *Труды о Троичности*. М.: ОГИ, 2001а. С. 181–330.

Булгаков С. Н. Расизм и христианство // *Тайна Израиля. Еврейский вопрос в русской религиозной мысли конца XIX – первой половины XX вв.* СПб.: София, 1993. С. 352–405.

Бялик Х. Н. Город Резни // *Иностранная литература*. 1990. № 4. С. 148–155.

Бялик Х. Н. Стихи и поэмы. Иерусалим: Библиотека–Алия, 1994.

Визгин В. П. Философия Габриэля Марселя. СПб.: Мирь, 2008.

Визель Э. Ночь. Рассвет. День. М.: Олимп-ППП, 1993.

Визель Э. Следующее поколение. М.: Текст, 2001.

Гадамер Х.-Г. Русские в Германии. Беседа с В. С. Малаховым // *Логос*. 1992. № 3. С. 228–232.

Ланцман К. Шоа. М.: Новое издательство, 2016.

Лезов С. В. Попытка понимания: Избранные работы. СПб.: Университетская книга, 1999.

Лезов С. В. Христианство после Освенцима (Обзор) // Актуальные проблемы современной зарубежной политической науки. Вып. 3. Христианство и политика. М.: АН СССР, 1991. С. 184–201.

Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мыслей в Соединенных Штатах сегодня. В 2 т. М.: Радуга, 1992. Т. 2.

Лосев А. Ф. Владимир Соловьев. М.: Молодая гвардия, 2000.

Малахов Д. В. К истоку «негативности» в философии Мартина Хайдеггера // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 189–202.

Маритен Ж. Тайна Израиля // Избранное: Величие и нищета метафизики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 306–442.

Молитва // Вестник Европы. Т. XV. 2005.

Ницше Ф. Веселая наука. Собр. соч. в 2 т. М.: Рипол-Классик, 1998. Т. 1.

Переписка П. А. Флоренского и В. А. Кожевникова // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 85–151.

Письма Фридриха Ницше. М.: Культурная революция, 2007.

Померанц Г. С. Живые и мертвые идеи // Погружение в трясину (Анатомия застоя) / Под ред. А. Н. Завьялова, Н. К. Сазанович. М.: Прогресс, 1991. С. 311–345.

Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. Главы 1–10. М.: Республика, 2000.

Соколов Б. Г. Жертвоприношение духа // Метафизические исследования. Т. XVI. Христианство. СПб., 2003. С. 201–210.

Тантлевский И. Р. Книги Еноха. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2002/5763.

Факенхайм Э. Еврейская вера и Голокауст // Актуальные проблемы современной зарубежной политической науки. Вып. 3 (Христианство и политика). М.: АН СССР, 1991. С. 202–224.

Факенхайм Э. О христианстве после Голокауста // Социально-политическое измерение христианства: Избранные теологические тексты XX в. (Переводы). М.: Наука, 1994. С. 267–281.

Хайдеггер М. К философии (О событии) / пер. с нем. Э. Сагетдинова. М.: Издательство Института Гайдара, 2020а.

Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939) / пер. с нем. А. Б. Григорьева; науч. ред. перевода М. Маяцкий. М.: Издательство Института Гайдара, 2018.

Хайдеггер М. Размышления XII–XV (Черные тетради 1939–1941) / пер. с нем. А. Б. Григорьева; науч. ред. перевода М. Маяцкий. М.: Издательство Института Гайдара, 2020б.

Целан П. Кристалл. Избранные стихи. Москва; Иерусалим, 2005/5766.

Черная книга. О злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в гитлеровских лагерях уничтожения на территории Польши во времена войны 1941–1945 гг. / Под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М.: АСТ, 2016.

Шестов Л. На весах Иова (Странствование по душам). Собр. соч. в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2.

- Altizer T. *The New Apocalypse. The Radical Christian Vision of William Blake*. Michigan State University Press, 2000.
- Altizer T. *Living the Death of God. A Theological Memoir*. State University of New York Press, 2006.
- Altizer T. *The Apocalyptic Trinity*. New York: Palgrave Macmillan, 2012.
- Bettelheim B. *The informed Heart – Autonomy in a Mass Age*. New York: Free Press, 1960.
- Fishel J. R., Ortmann S. M. *The Holocaust and Its Religious Impact: A Critical Assessment and Annotated Bibliography*. Westport, Connecticut; London: Praeger Publishers, 2004.
- Frankl V. *Ein Psychologe erlebt das Konzentrationslager*. Wien, 1946.
- Frankl V. *From Death-Camp to Existentialism. A Psychiatrist's Path to a New Therapy*. Boston, 1959.
- Heidegger M. *Beiträge zur Philosophy (Vom Ereignis)*, Gesamtausgabe, Band 65. Vittorio Klostermann, Frankfurt am Main, 1959.
- Heidegger M. *Contributions to Philosophy (From Enowning)* / Translated by Parvis Emad & Kenneth Maly. Indiana University Press, 1999.
- Kockelmans J. *On the Truth of Being: Reflections on Heidegger's Later Philosophy*. Indiana University Press, 1984.

References

- Agamben D. (2012). *Homo Sacer. Chto ostaetsia posle Osventsima: arkhiv i svidetel'* [Homo Sacer. Remnants of Auschwitz: The Witness and the Archive]. Moscow: Evropa. (in Russ.)
- Altizer T. (2000). *The New Apocalypse. The Radical Christian Vision of William Blake*. Michigan State University Press.
- Altizer T. (2006). *Living the Death of God. A Theological Memoir*. State University of New York Press.
- Altizer T. (2012). *The Apocalyptic Trinity*. New York: Palgrave Macmillan.
- Arendt K. (2008). *Banal'nost' zla. Eikhman v Erusalime* [Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil]. Moscow: Evropa. (in Russ.)
- Arendt K. (2013). *Otvetstvennost' i suzhenie* [Responsibility and Judgment]. Moscow: Institut Gaidara. (in Russ.)
- Bauman Z. (2010). *Aktual'nost' Kholokosta* [Modernity and the Holocaust]. Moscow: Evropa. (in Russ.)
- Beck U. (2008). *Kosmopoliticheskoe mirovozzrenie* [Cosmopolitan Vision]. Moscow: Tsentr issledovaniia postindustrial'nogo obshchestva. (in Russ.)
- Berdiaev N. A. (1994). *Smysl tvorchestva* [The Meaning of the Creative Act]. Moscow: Iskustvo. Vol. I. (in Russ.)
- Bettelheim, B. (1960). *The informed Heart – Autonomy in a Mass Age*. New York, Free Press.
- Bialik K. N. (1990). *Gorod Rezni* [The City of Massacre]. *Inostrannaia literatura*, 4, 48–155. (in Russ.)

Bialik K. N. (1994). *Stikhi i poetry* [Verses and Poems]. Biblioteka – Alia, Jerusalem. (in Russ.)

Bibikhin V. V. (2005). Khaidegger: ot “Bytiia vremeni” k “Beiträge” [Heidegger: From “Sein und Zeit” to “Beiträge”]. *Voprosy Filosofii*, 4, 114–128. (in Russ.)

Bibikhin V. V. (2012). *Sobstvennost'*. *Filosofiia svoego* [Property. Philosophy of One's Own]. St. Petersburg: Nauka. (in Russ.)

Bonetskaia N. K. (2017). *V poiskakh nevedomogo Boga. Merezhkovskii – myslitel'* [In search of the unknown God. Merezhkovsky is a thinker]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (in Russ.)

Bonetskaia N. K. (2013). Russkii Nitsche [Russian Nietzsche]. *Voprosy Filosofii*, 7, 133–143. (in Russ.)

Brosova N. Z. (2002). Sakral'naia tektonika bytiia [Sacred Tectonics of Being]. In: N. V. Motroshilova (ed.) *Ezhegodnik po istorii filosofii* [History of Philosophy Yearbook' 2000] (pp. 417–432). Moscow: Nauka. (in Russ.)

Bruckner P. (2009). *Tiraniia pokaianiia. Esse o zapadnom mazokhizme* [The Tyranny of Guilt: An Essay on Western Masochism]. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House. (in Russ.)

Bulgakov S. N. (1993). Rasizm i khristianstvo [Racism and Christianity]. In: *The Mystery of Israel*. St. Petersburg: Sofia. (in Russ.)

Bulgakov S. N. (2000). *Agnets Bozhii. O Bogochelovechestve. Chast' 1* [Wisdom of God. About Godmanhood. Part I]. Moscow: Gosudarstvennyi pravoslavnyi Universitet. (in Russ.)

Bulgakov S. N. (2001a). *Iuda Iskariot – apostol-predatel'* [Judas Iscariot is Apostle-traitor]. Moscow: OGI. (in Russ.)

Bulgakov S. N. (2001b). *Glavy o Troichnosti* [Chapters about Triality]. Moscow: OGI. (in Russ.)

Celan P. (2005). *Kristall. Izbrannye poetry* [Crystal. Selected poems]. Moscow; Jerusalem, 2005/5766. (in Russ.)

Chernaia kniga. O zlodeiskom povsemestnom ubiistve evreev nemetsko-fashist-skimi zakhvatchikami vo vremenno okkupirovannykh raenakh Sovetskogo Soiuz a i v gitlerovskikh lageriakh unichtozheniia na territorii Pol'shi vo vremena voiny 1941–1945 gg. [The Black Book: The Ruthless Murder of Jews by German-Fascist Invaders Throughout the Temporarily-Occupied Regions of the Soviet Union and in the German Nazi Death Camps established on occupied Polish soil during the War 1941–1945] (2016). Moscow: AST. (in Russ.)

Fakenheim E. (1991). Evreiskaia vera i Golokaust [Jewish faith and Holocaust]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoi zarubezhnoi politicheskoi nauki*, 3: Christianity and policy (pp. 202–224). Moscow, AcSc USSR. (in Russ.)

Fakenheim E. (1994). O khristianstve posle Golokausta [About Christianity after Holocaust]. In: *Social-Political measurement of Christianity: selected theological texts of the XX cent.* (Translations) (pp. 267–281). Moscow: Nauka. (in Russ.)

Fishel J. R., & Ortmann S. M. (2004). *The Holocaust and Its Religious Impact: A Critical Assessment and Annotated Bibliography*. Westport, Connecticut; London, Praeger Publishers.

Frankl V. (1946). *Ein Psychologe erlebt das Konzentrationslager*. Wien, 1946.

- Frankl V. (1959). *From Death-Camp to Existentialism. A Psychiatrist's Path to a New Therapy*. Boston.
- Gadamer G.-G. (1992). Russkie v Germanii. Beseda s V. S. Malakhovym. [Russians in Germany. The Conversation with V. S. Malakhov]. *Logos*, 3, 228–232. (in Russ.)
- Heidegger M. (1989). *Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)*, Gesamtausgabe, Band 65. Vittorio Klostermann, Frankfurt am Main.
- Heidegger M. (1999). *Contributions to Philosophy (From Enowning)* / Translated by Parvis Emad & Kenneth Maly. Indiana University Press.
- Heidegger M. (2018). *Razmyshleniia VII–XI (Chernye tetradi 1939–1941)* [Considerations VII–XI (Black Books 1938–1939)]. Moscow: Institut Gaidara. (in Russ.).
- Heidegger M. (2020a). *K filosofii (O sobytii)* [Contributions to Philosophy (From Enowning)]. Moscow: Institut Gaidara. (in Russ.)
- Heidegger M. (2020b). *Razmyshleniia XII–XV (Chernye tetradi 1939–1941)* [Considerations XII–XV (Black Books 1939–1941)]. Moscow: Institut Gaidara. (in Russ.).
- Kockelmans J. (1984). *On the Truth of Being: Reflections on Heidegger's Later Philosophy*. Indiana University Press.
- Lantsman K. (2016). *Shoa* [Shoah]. Moscow: New Publishing House. (in Russ.)
- Lerner M. (1992). *Razvitie tsivilizatsii v Amerike. Obraz zhizni i myslei v Soedinnennykh Shtatakh segodnia* [The development of civilization in America. Lifestyle and thoughts in the United States today]. Moscow: Raduga, vol. I–II. (in Russ.)
- Lezov S. V. (1991). Khristianstvo posle Osventsima [Christianity after Auschwitz (Review)]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoi zarubezhnoi politicheskoi nauki*, 3. Christianity and policy (pp. 184–201). Moscow: AcSc USSR. (in Russ.)
- Lezov S. V. (1999). *Popytka ponimaniia: Izbrannye raboty* [Trying to understand: Selected works]. St. Petersburg: Universitetskaia kniga. (in Russ.)
- Losev A. F. (2000). *Vladimir Solov'ev* [Vladimir Solovyev]. Moscow: Molodaia Gvardiia. (in Russ.)
- Malakhov D. V. (2016). K istoku “negativnosti” v filosofii Martina Khaideggera [To the origin of “negativity” in the philosophy of Martin Heidegger]. *Voprosy Filosofii*, 7, 189–202. (in Russ.)
- Mariten J. (2004). *Taina Izrailia. Izbrannoe: Velichie i nishcheta metafiziki* [The Mystery of Israel, Selected Works: Glory and Poverty of Metaphysics]. Moscow: ROSSPEN. (in Russ.)
- Molitva* [The Pray] (2005). Herald of Europe, vol. XV. (in Russ.).
- Nietzsche F. (1998). *Veselaia nauka* [The Gay Science]. Moscow: Ripol-Classic, vol. I. (in Russ.)
- Nietzsche F. (2007). *Pis'ma Fridrikha Nitsshe* [Letters from Friedrich Nietzsche]. Moscow, Kul'turnaia revliutsiia. (in Russ.)
- Perepiska P. A. Florenskogo i V. A. Kozhevnikova [Correspondence of P. A. Florensky and V. A. Kozhevnikov]. *Voprosy Filosofii*, 6, 85–151. (in Russ.)
- Pomerants G. S. (1991). Zhyvye i mertvyie idei. [Living and dead ideas]. In: A. N. Zavyalova, N. K. Sazanovich (Eds.) *Pogruzhenie v triasinu (Anatomiia zastoia)* [Dive into Quagmire (Anatomy of Stagnation)] (pp. 311–345) Moscow: Progress. (in Russ.)

Rozanov V. V. (2000). *Apokalipsis nashego vremeni. Glavy 1–10* [The Apocalypse of our time. Chapters 1–10]. Moscow: Respublika. (in Russ.)

Shestov L. (1993). *Na vesakh Iova (Stranstvovanie po dusham)* [In Job's Balances]. Moscow: Nauka. Vol. II. (in Russ.)

Sokolov B. G. (2003). Zhertvoprinoshenie dukha [Sacrifice of the spirit]. *Metafizicheskie issledovaniia, XVI: Christianity*, 201–210. (in Russ.)

Tantlevskii I. (2002). *Knigi Enokha* [The Books of Enoch Aramic fragmnts from Qumran. The Hebrew Book of Enoch. Sefer Yetzirach – The Book of Creation]. Moscow, Jerusalem. (in Russ.)

Vizgin V. P. (2008). *Filosofiia Gabrielia Marselia* [Philosophy of Gabriel Marcel]. St. Petersburg: Mir. (in Russ.)

Wiesel E. (1993). *Noch', rassvet, den'* [The Night Trilogy: Night, Dawn, Day]. Moscow: Olympus-PPP. (in Russ.)

Wiesel E. (2001). *Sleduiushchee pokolenie* [One Generation After]. Moscow, Tekst. (in Russ.)

Информация об авторе

Данила Владимирович Малахов, кандидат философских наук, доцент

Information about the Author

Danila V. Malakhov, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 10.05.2021

The article was submitted 10.05.2021

Научная статья

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2021-14-1-83-94

Доступность моральных схем как основание спонтанных суждений о моральных качествах

**Екатерина Юрьевна Шубадёрова¹
Ольга Николаевна Первушина²**

^{1,2} Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ e.shubaderova@g.nsu.ru

² olgap7@yandex.ru

Аннотация

Рассмотрены основные положения социально-когнитивного подхода, объясняющего моральную личность с точки зрения доступности когнитивных схем. Представлены результаты проверки экспериментальной модели Д. Нарваэс, Д. Лапсли, С. Хагеля и Б. Ласки на российской выборке. Был использован метод первичного вывода черт, чтобы выяснить, будут ли люди с доступностью моральных схем делать спонтанные выводы о моральных качествах с большей вероятностью, чем люди с доступностью других типов схем. Полученные результаты исследования совпали с результатами Д. Нарваэс с соавторами в том, что доступность моральных конструкций влияет на обработку социальной информации. Люди с большей доступностью моральных схем делали спонтанные выводы о моральных качествах с большей вероятностью, чем люди, в большей степени ориентирующиеся на другие когнитивные схемы.

Ключевые слова

доступность моральных схем, социально-когнитивный подход, обработка социальной информации, моральная личность, моральная идентичность, моральное развитие

Для цитирования

Шубадёрова Е. Ю., Первушина О. Н. Доступность моральных схем как основание спонтанных суждений о моральных качествах // Reflexio. 2021. Т. 14, № 1. С. 83–94. DOI 10.25205/2658-4506-2021-14-1-83-94

Availability of Moral Schemas as a Basis for Spontaneous Judgments about Moral Qualities

Ekaterina Yu. Shubaderova¹
Olga N. Pervushina²

^{1,2} Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ e.shubaderova@g.nsu.ru

² olgap7@yandex.ru

Abstract

Basic ideas of socio-cognitive approach are considered. This approach explains the moral personality from the viewpoint of availability of cognitive schemas. The results of testing the experimental model of D. Narvaez, D. Lapsley, S. Hagele and B. Lasky on Russian sample are presented. Primary trait inference method was used to determine if people with availability of moral schemas were more likely to make spontaneous inferences about moral qualities than people with availability of other types of schemas. The obtained results of the study coincided with the results of D. Narvaez et al. in conclusion that availability of moral constructions affects the processing of social information. People with a greater availability of moral schemas were more likely to make spontaneous inferences about moral qualities than people more oriented on other cognitive schemas.

Keywords

availability of moral schemas, chronic accessibility, moral chronicity, social-cognitive, social information processing, moral personality, moral schemas, moral identity, moral development

For citation

Shubaderova E. Yu., Pervushina O. N. Availability of Moral Schemas as a Basis for Spontaneous Judgments about Moral Qualities. *Reflexio*, 14 (1), 83–94. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2021-14-1-83-94

Введение

В последнее время наблюдается возрастание интереса к изучению функционирования морального сознания в контексте личностной идентичности и оснований моральных суждений, выборов и решений.

Существует несколько исследовательских моделей, которые изучают связь между персонологическими переменными и моральным функционированием личности. Так, A. Blasi [1984] пытается определить роль моральных обязательств в построении идентичности. Он утверждает, что у человека есть моральная идентичность в той мере, в какой моральные понятия, такие как справедливость и добро, являются центральными, важными и существенными для понимания самого себя. Моральная идентичность возможна, когда «я» конструируется или определяется моральными категориями.

Результаты проделанных исследований показывают наличие индивидуальных различий в большей ориентации на себя или на других при вынесении моральных суждений и принятии моральных решений, связанных с экономической и социальной рациональностью [Declerck et al., 2013]. Исследования Bartels [2008], Waldmann & Dieterich [2007] были посвящены влиянию находящейся в фокусе внимания информации на восприятие и решение моральных дилемм;

исследование Broeders et al. [2011] показало влияние когнитивной доступности моральных правил на выносимые человеком моральные суждения. Эти и аналогичные исследования дают основание предполагать, что фундаментом для моральных суждений, моральных решений и поведения являются представления о себе и других, сформированные в процессе социального взаимодействия.

Оценить моральную компетентность и понять связь между нравственным функционированием личности и персонологическими переменными позволяет социально-когнитивный подход.

Социально-когнитивный подход

Социально-когнитивный подход подчеркивает центральную роль познания для понимания морального выбора человека, при этом особое место занимают процессы памяти, ответственные за доступность моральных схем, условия их активации. Акцент делается на том, как люди отбирают, накапливают, кодируют, преобразовывают и оценивают информацию в соответствии с приобретенными когнитивными схемами. Согласно Н. Кантор [Cantor, 1990], сценарии, схемы и прототипы являются «когнитивными носителями диспозиций», которые организованы вокруг определенных аспектов опыта. Связывание работы социальных когнитивных схем с опытом важно по двум причинам. Во-первых, оно показывает, как схемы могут поддерживать шаблоны индивидуальных различий. Во-вторых, позволяет внести автоматизм и эвристические процессы в моральное функционирование личности [Narvaez, Lapsley, 2005]. Например, схемы, которые постоянно доступны, привлекают наше внимание к определенным характеристикам нашего опыта чаще, чем к другим. Чем чаще конструкция активируется или чем позже она подкрепляется, тем более доступной она должна быть для оценки социальной ситуации. Конструкции с большей доступностью находятся на более высоком уровне активации, чем конструкции с меньшей доступностью, и воспроизводятся настолько эффективно, что приближаются к автоматизму. Поскольку социальный опыт людей сильно различается, вполне вероятно, что должны быть также индивидуальные различия в доступности социальных когнитивных конструкций.

Стоит заметить, что социально-когнитивный подход не сосредоточен только на когнитивной обработке социальной информации в соответствии с ментальными конструкциями, он также подчеркивает аффективные элементы личности. Личность рассматривается как «когнитивно-аффективная система», в которой эмоциональные состояния являются регулирующим фактором в системе обработки информации. Как утверждают D. B. Bugental и J. J. Goodnow [1998, p. 416], «эмоциональные состояния влияют на то, что воспринимается и как это обрабатывается, а интерпретации происходящих событий впоследствии влияют на эмоциональные реакции и искажения восприятия». Аффект и познание выступают как взаимосвязанные процессы. Когнитивные элементы вызывают аффективные реакции. Аффект направляет выборочное извлечение содержимого памяти, влияет на перцептивную бдительность и ограничивает ресурсы внимания, доступные для рациональной или рефлексивной оценки и выбора реакции.

Таким образом, социально-когнитивный подход пытается объяснить моральную личность с помощью анализа причинных механизмов, структур и процессов обработки социальной информации. Данный подход утверждает, что доступность знаний и их активация являются общими принципами когнитивного функционирования [Higgins, 1990; 1996]. При этом активация доступных ментальных представлений имеет решающее значение для обработки социальной информации. Согласно этой точке зрения, доступные конструкции находятся на более высоком уровне активации, чем недоступные конструкции, и обрабатываются настолько эффективно, что приближаются к автоматизму [Bargh, 1989]. Эти конструкции «включают знание социальных ситуаций, репрезентации себя, других и предполагаемых событий, личных целей, убеждений и ожиданий, а также знания о поведенческих альтернативах и стратегиях выполнения задач» [Cervone & Shoda, 1999, p. 18] и по-разному концептуализированы как схемы, прототипы и другие подобные конструкции [Hastie, 1981; Mischel, 1990]. Более того, существуют индивидуальные различия в наличии и доступности этих структур знаний [Higgins, 1996], и их следует рассматривать как личностные переменные [Higgins, 1999]. Источник индивидуальных различий в доступности конструкций кроется в особенностях уникальной истории развития каждого человека [Bargh, Lombardi, Higgins, 1988]. Предполагается, например, что доступность конструкций является результатом истории развития частого и последовательного опыта в определенной области социального взаимодействия.

Представители социально-когнитивного подхода выделяют ряд преимуществ, способных привлечь внимание к его перспективам.

Во-первых, социально-когнитивный подход рассматривает познание как набор ментальных представлений, процессов и механизмов, более широкий, нежели предполагалось теорией морального развития. Уделяется внимание схемам, а также условиям их формирования и активации. Под схемами понимаются организованные вокруг определенных аспектов жизненного опыта структуры знаний, которые направляют и фильтруют восприятие и память. Чем чаще активируется схема или чем позже она подкрепляется, тем более доступной она является для обработки социальной информации.

Во-вторых, данный подход позволяет рассмотреть связь между функционированием морального сознания и личностными характеристиками. Моральная личность формируется в процессе приобретения социального опыта, предлагающего определенные моральные интерпретации событий. Разный опыт людей способствует различным вариантам доступности моральных конструкций для конструирования и объяснения социальных событий, что способствует развитию индивидуальных личностных особенностей.

В-третьих, социально-когнитивный подход указывает на центральное значение личных целей и жизненных задач, которые придают смысл мотивированному поведению.

В-четвертых, в рамках данного подхода личность представляет собой единую когнитивно-аффективную систему, в которой нет смысла выделять и отдельно рассматривать различные области влияния.

В-пятых, утверждается, что когнитивно-аффективная система находится во взаимодействии с изменяющимися социальными контекстами. Социально-когнитивный подход позволяет разрешить проблему когерентности личности с признанием законной ситуационной изменчивости.

В-шестых, социально-когнитивный подход привносит автоматизм в моральное функционирование личности. Автоматизм представляет собой результат повторяющегося опыта, обучения, преднамеренного обучения и социализации. Таким образом, автоматичность проистекает из опыта в тех областях жизни, в которых у нас есть обширная практика и хорошо отработанные поведенческие стратегии [Cantor, 1990].

Особое внимание представители социально-когнитивного подхода обращают на возможности и роль автоматизмов в моральных суждениях и моральном поведении. Так, Д. Нарваэс с соавторами [Narvaez et al., 2006; Narvaez, Lapsley, 2005], взяв за основу своего исследования моральной личности идеи социально-когнитивного подхода, трактуют ее через призму постоянной доступности моральных оснований и схем для конструирования и объяснения социальных событий. Таким образом, моральный человек, или человек, обладающий моральной идентичностью, будет тем, для кого моральные схемы легко и постоянно доступны, легко настраиваются и легко активируются для обработки информации.

К таким выводам исследователи приходят благодаря реализации разработанной ими экспериментальной модели и получения доказательств того, что существуют устойчивые индивидуальные различия в доступности моральных схем, которые влияют на обработку социальной информации.

Выборка и метод исследования

Д. Нарваэс, Д. Лапсли, С. Хагель и Б. Ласки использовали метод первичного вывода черт, чтобы выяснить, будут ли люди с большей доступностью моральных схем делать спонтанные выводы о моральных качествах с большей вероятностью, чем люди с большей доступностью когнитивных схем других типов.

Данный метод первичного вывода черт использовался для того, чтобы определить доступность определенных когнитивных конструкторов (относящихся к категории моральных и выходящих за ее пределы) в процессе социального функционирования. Для этого участников эксперимента просили записать черты тех, кто им нравится, кого они не любят, кого они ищут и кого они избегают. Кроме того, участников также просили записать особенности людей, с которыми они чаще всего сталкиваются. Эти характеристики были зафиксированы в порядке вывода. Для каждого вопроса было разрешено не более 10 характеристик. Легко и постоянно доступными (высокая степень доступности) считались те черты, которые участники указывали первыми в ответах на каждый вопрос. Для дальнейшей работы были взяты по одной черте на каждый вопрос (черты людей, которые им нравятся, которые не нравятся, которых они ищут и которых избегают) и две – из вопроса о частоте встречаемости. Если встречались синонимичные или антонимичные варианты, то выбирались вторые и третьи варианты обо-

значения черт, чтобы обеспечить разнообразие и адекватность шести выбранных черт участника. В эксперименте было принято, что участники имеют доступные моральные схемы, если три из шести перечисленных ими черт являются прототипами хороших моральных качеств, как это определено рейтингами прототипов, приведенных в исследовательском протоколе [Lapsley, Lasky, 2001]. Участники эксперимента, не называвшие никаких прилагательных, отражающих хорошие моральные качества, были признаны «не обладающими хронически доступными моральными схемами».

Эта процедура была полностью заимствована и проверена в нашем исследовании. Смысл нашего исследования заключался в воспроизведении данного эксперимента на российской выборке. Одним из основных и ключевых требований к научному знанию является воспроизводимость эксперимента. Чем лучше результат воспроизводится, тем он надежнее – только так можно отделить реальные закономерности от простых совпадений. Таким образом, целью данного исследования была проверка наличия эмпирических свидетельств существования моральных схем, индивидуальная доступность к которым влияет на обработку социальной информации.

В исследовании приняли участие 655 человек (135 мужчин, 520 женщин) из разных городов России. Возраст участников варьировался от 17 до 33 лет. Участников случайным образом распределили по двум группам (с различными условиями обработки информации: спонтанная и преднамеренная обработка). В условиях спонтанной обработки было 168 участников (24 мужчин, 144 женщины), продемонстрировавших доступные моральные конструкции (и обозначенных в табл. 2 и 3 как «люди с хронически доступными моральными схемами»), и 170 участников (22 мужчин, 148 женщин), которые не демонстрировали наличия доступных моральных конструктов (обозначены как «люди без хронически доступных моральных схем»). В рамках условий преднамеренной обработки оказались 158 человек с доступными моральными схемами (35 мужчин, 123 женщины) и 159 человек без таковых (54 мужчин, 105 женщина).

Процедура исследования

Процедура эксперимента была заимствована у Д. Нарваэс, Д. Лапсли, С. Хагеля и Б. Ласки [Narvaez et al., 2006] и проведена удаленно на российской выборке. Участникам эксперимента сообщили, что изучаются психологические особенности личности. Для определения доступности моральных схем использовался метод первичного вывода черт, особенности которого описаны выше. Участников просили записать черты тех, кто им нравится, кого они не любят, кого они ищут для близких отношений, кого они избегают и кого они чаще всего встречают. Участник мог написать максимум 10 черт для каждого вопроса. Между ответами на один вопрос и получением следующего участником было предложено невербальное задание, чтобы уменьшить вероятность влияния предыдущих ответов на последующие. Такая процедура соответствовала требованиям оригинального исследовательского протокола [Zelli, Huesmann, Cervone, 1995].

Затем участников случайным образом распределили по группам с разными условиями обработки информации: спонтанной или преднамеренной. В отличие от оригинального исследования, наше было проведено удаленно от участников. Для реализации исследования было создано две версии сайта. Одна содержала в себе условия спонтанной обработки, другая – преднамеренной. Участникам в условиях спонтанной обработки была дана следующая инструкция: «Далее Вам будут представлены 20 предложений. Пока Вы читаете эти предложения, постарайтесь запомнить их как можно больше. Время предъявления слайдов с предложениями ограничено». Участникам в условиях преднамеренной обработки была дана другая инструкция: «Далее Вам будут представлены 20 предложений. Подумайте, почему люди, описанные в предложениях, поступили таким образом. Попытайтесь запомнить как можно больше информации об этих ситуациях. Время предъявления слайдов с предложениями ограничено». Затем на слайдах было представлено 20 предложений (одно предложение на одном слайде) и дано 5 секунд на запоминание. Слайды переключались автоматически по истечению времени, переход на предыдущую страницу был невозможен. Сразу после слайд-презентации участники выполняли невербальное задание, чтобы очистить кратковременную память. После решения задачи участники как в спонтанных, так и в преднамеренных условиях обработки получали список диспозиционных и семантических сигналов. Их просили вспомнить предложения, представленные на этапе усвоения, опираясь на эти сигналы-подсказки. Диспозиционные сигналы были чертами, связанными с хорошими моральными качествами. Семантические сигналы были связаны с семантическими элементами предложений. Например, если участники читают предложение «Знаменитость посвящает свое время общественной благотворительности», семантическим признаком этого предложения может быть «Голливуд» (семантически связанный со «знаменитостью»), а диспозиционным признаком – «добросовестность» (связан с «хорошим характером», отражает моральное качество).

Ниже, в табл. 1, представлены 20 предложений-стимулов, а также семантические и диспозиционные сигналы, которые использовались для побуждения к воспоминанию этих предложений. Первые десять предложений включали в себя моральные качества (например, ответственный, честный, добрый), остальные десять предложений включали в себя качества, не связанные с моралью (например, неуклюжий, застенчивый, здоровый), и были введены для того, чтобы вести к минимуму вероятность того, что участники поймут цель исследования.

Результаты и их обсуждение

Следуя Зелли и др. [Zelli, Huesmann, Cervone, 1995], воспроизведенные предложения оценивались путем присвоения одного балла точному воспроизведению каждого из трех синтаксических компонентов предложения: исполнителя, действия (действий) и цели действия. Таким образом, оценка запоминания каждого предложения варьировалась от 0 (нет воспоминаний) до 3 (идеальное воспоминание). Для каждого типа реплики (с диспозиционными и семантическими сиг-

налами) было пять предложений. Баллы за каждое предложение (0–3) складывались для получения общего балла (максимально возможный балл $D = 15$).

Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием пакета SPSS. Была проведена проверка распределения на нормальность, оно оказалось ненормальным. Далее были использованы непараметрические критерии, в частности, критерий Краскела – Уоллиса и U-критерий Манна – Уитни

Таблица 1

Список предложений, используемых для запоминания,
и перечень сигналов, побуждающих к вспоминанию этих предложений

№	Предложения для запоминания	Сигналы
1	Сантехник всегда выполняет свои обязанности и держит слово	Трубы
2	Администратор с пониманием относится к проблеме человека	Телефон
3	Электрик поощряет усилия своих сотрудников	Провода
4	Библиотекарь обнимает сына перед тем, как он уйдёт в школу	Книги
5	Портной утешает друга, который недавно потерял работу	Одежда
6	Работник лифта всегда находит время для добродушной шутки	Дружелюбный
7	Фермер остается преданным своей жене-инвалиду	Верный
8	Профессор дает детям уроки о добродетелях	Нравственный
9	Бухгалтер помогает другим, не требуя вознаграждения	Добрый
10	Мясник отвечает правдиво, когда ему задают вопросы	Честный
11	Мать при ходьбе спотыкается о ноги	Неуклюжий
12	Успешный режиссер бережно расходует свои финансы	Фильм
13	Пианист скован во время общения с новыми людьми	Застенчивый
14	Секретарь ест питательную пищу и ежедневно делает зарядку	Здоровый
15	Моряк каждый день принимает душ	Море
16	Парикмахер всегда анализирует свои действия и хорошо знает себя	Волосы
17	Плотник легко разбирается в сложных темах	Умный
18	Репортер обладает аурой, которая заставляет людей быть рядом с ним	Новости
19	Юрист считает 9 мая самым важным праздником	Зал суда
20	Врач беспристрастно оценивает кандидатов на работу	Объективный

Таблица 2

Сравнение результатов людей с доступными моральными схемами
и людей без них в условиях спонтанной обработки информации

Тип сигнала	Средний ранг		Критерий U Манна – Уитни	p
	Люди с доступными моральными схемами (n = 168)	Люди без доступных моральных схем (n = 170)		
Спонтанная обработка информации				
Диспозиционные сигналы	183,12	156,04	11992,500	0,009 ($< 0,01$)
Семантические сигналы	156,04	182,80	12018,500	0,011 ($< 0,05$)
Слова-филлеры	171,13	167,89	14006,500	0,758 ($> 0,05$)

Таблица 3

Сравнение результатов людей с доступными моральными схемами
и людей без них в условиях преднамеренной обработки информации

Тип сигнала	Средний ранг		Критерий U Манна – Уитни	p
	Люди с хронически доступными моральными схемами (n = 158)	Люди без хронически доступных моральных схем (n = 159)		
Преднамеренная обработка информации				
Диспозиционные сигналы	155,43	162,55	11996,500	0,476 (> 0,05)
Семантические сигналы	158,67	159,32	12509,500	0,949 (> 0,05)
Слова-филлеры	149,08	168,86	10993,500	0,052 (> 0,05)

Полученные результаты исследования совпали с результатами Д. Нарваэ, Д. Лапсли, С. Хагеля и Б. Ласки в том, что доступность моральных конструкций влияет на обработку социальной информации. Люди с доступными моральными схемами делали спонтанные выводы о моральных качествах с большей вероятностью, чем люди без доступных моральных схем. Поскольку у людей, которые

были определены как «обладающие хронически доступными схемами», не было инструкции формировать характерологические впечатления, любой очевидный вывод о признаках считался спонтанным. Люди, которые не имели доступных схем, не опирались на моральную составляющую воспринимаемых персонажей. Они намного лучше воспроизводили предложения, когда им были представлены семантические сигналы. Не было обнаружено различий между людьми с доступными моральными схемами и людьми без них в условиях преднамеренной обработки, поскольку инструкции по формированию впечатления также предписывали людям без доступных схем обращать внимание на диспозиционные особенности персонажей.

Таким образом, экспериментальная модель Д. Нарваэ, Д. Лапсли, С. Хагеля и Б. Ласки подтвердилась в нашем исследовании. Воспроизведенные результаты данного исследования показывают, что существуют устойчивые индивидуальные различия в доступности моральных схем, влияющие на обработку социальной информации. Эти результаты интересно перекликаются с исследованиями Деклерка с соавторами, установившими, что существуют индивидуальные различия между людьми по типу рациональности (экономической или социальной), лежащей в основе принятия моральных решений. Экономическая и социальная рациональность не являются взаимоисключающими, они базируются на различных нейронных сетях, действуют согласованно и влияют на принятие моральных решений. По-видимому, и индивидуальные различия по доступности моральных схем связаны с активизацией различных нейронных сетей. Существует ли связь между типом рациональности при принятии моральных решений и доступностью моральных схем – это вопрос для продолжения исследования. Кроме того, актуальными выглядят вопросы о факторах, способствующих формированию доступности моральных схем и возможностями ее изменения.

Список литературы / References

Bargh J. A. (1989). Conditional automaticity: Varieties of automatic influence in social perception and cognition. In: J. S. Uleman, & J. A. Bargh (Eds.). *Unintended thought* (pp. 3–51). New York: Guilford.

Bargh, J. A., Lombardi, W., & Higgins, E. T. (1988). Automaticity of chronically accessible constructs in Person Situation effects on person perception: It's just a matter of time. *Journal of Personality and Social Psychology*, 55, 599–605.

Bartels D. M. (2008). Principled moral sentiment and the flexibility of moral judgment and decision making. *Cognition*, 108, 381–417.

Blasi A. Moral identity: Its role in moral functioning. (1984). In: W. M. Kurtines, & J. J. Gewirtz (Eds.), *Morality, moral behavior and moral development* (pp. 128–139). New York: Wiley.

Broeders R., van den Bos K., Müller P. A., & Ham J. (2011). Should I save or should I not kill? How people solve moral dilemmas depends on which rule is most accessible. *Journal of Experimental Social Psychology*, 47, 923–934.

Bugental D. B., & Goodnow J. J. (1998). In: W. Damon, & N. Eisenberg (Eds.). *Handbook of child psychology: Vol. 3. Social, emotional and personality development* (pp. 389–462). New York: Wiley.

Cervone D., & Shoda Y. (1999). *The coherence of personality: Social-cognitive bases of consistency, variability and organization*. New York: Guilford Press.

Cantor N. (1990). From thought to behavior: “Having” and “doing” in the study of personality and cognition. *American Psychologist*, 45, 735–750.

Hastie R. (1981). Schematic principles in human memory. In: E. T. Higgins, C. P. Herman, & M. P. Zanna (Eds.). *Social cognition: Vol. 1. The Ontario Symposium*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Higgins E. T. (1990). Personality, social psychology, and person-situation relations: Standards and knowledge activation as a common language. In L. A. Pervin (Ed.). *Handbook of personality: Theory and research* (pp. 301–338). New York: Guilford Press.

Higgins E. T. (1996). Knowledge activation: Accessibility, applicability and salience. In: E. T. Higgins, & A. E. Kruglanski (Eds.). *Social psychology: Handbook of basic principles* (pp. 133–168). New York: Guilford Press.

Higgins E. T. (1999). Persons and situations: Unique explanatory principles or variability in general principles? In: D. Cervone & Y. Shoda (Eds.). *The coherence of personality: Social-cognitive based of consistency, variability and organization* (pp. 61–93). New York: Guilford Press.

Mischel W. (1990). Personality dispositions revisited and revised: A view after three decades. In: L. A. Pervin (Ed.). *Handbook of personality: Theory and research*. (pp. 111–134). New York: Guilford.

Narvaez D., & Lapsley D. K. (2005). The Psychological Foundations of Everyday Morality and Moral Expertise. In: D. K. Lapsley, & F. C. Power (Eds.). *Character psychology and character education* (pp. 140–165). University of Notre Dame Press.

Narvaez D., Lapsley D. K., Hagele S., & Lasky B. (2006). Moral chronicity and social information processing: Tests of a social cognitive approach to the moral personality. *Journal of Research in Personality*, 40 (6), 966–985.

Waldmann M. R., & Dieterich J. H. (2007). Throwing a bomb on a person versus throwing a person on a bomb. *Psychological Science*, 18, 247–253.

Zelli A., Huesmann L. R., & Cervone, D. (1995). Social inference and individual differences in aggression: Evidence for spontaneous judgments of hostility. *Aggressive Behavior*, 21, 405–417.

Информация об авторах

Екатерина Юрьевна Шубадёрова, бакалавр психологии

Ольга Николаевна Первушина, кандидат психологических наук

Scopus Author ID 57190754195

RSCI AuthorID 406156

Information about the Authors

Ekaterina Yu. Shubaderova, Bachelor of Psychology

Olga N. Pervushina, Candidate of Sciences (Psychology)

Scopus Author ID 57190754195

RSCI AuthorID 406156

Статья поступила в редакцию 18.07.2021

The article was submitted 18.07.2021

Научная статья

УДК 159.9.7

DOI 10.25205/2658-4506-2021-14-1-95-108

Морально-этические факторы поведенческих стратегий в конфликте

Игорь Валерьевич Бадиев

Бурятский республиканский институт образовательной политики
Улан-Удэ, Россия

bad_igor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4341-2545>

Аннотация

Представлены результаты эмпирического исследования морально-этических факторов поведенческих стратегий в конфликте. Отмечается, что при наличии многочисленных исследований психологических детерминант стратегий поведения в конфликте открытым остается вопрос о морально-этической стороне поведенческих стратегий. В исследовании использовались опросник «Поведение в конфликтной ситуации, ТКІ» (Томас – Килмани) в адаптации Н. В. Гришиной, опросник «Темная дюжина» в адаптации Т. В. Корниловой, «Опросник этических позиций» в адаптации А. А. Федорова, И. В. Бадиева. В качестве морально-этических факторов поведенческих стратегий в конфликте рассматриваются черты личности Темной триады (эмоционально-поведенческий компонент) и концепция этических позиций Д. Форсайта (когнитивно-оценочный компонент). Показано, что черты личности Темной триады и этические позиции являются самостоятельными феноменами. Каждая стратегия поведения в конфликте сопряжена с выраженностью тех или иных морально-этических факторов.

Ключевые слова

стратегии поведения в конфликте, модель Томаса – Килманна, Темная триада, неклиническая психопатия, неклинический нарциссизм, макиавеллизм, этические позиции, идеализм, релятивизм

Для цитирования

Бадиев И. В. Морально-этические факторы поведенческих стратегий в конфликте // Reflexio. 2021. Т. 14, № 1. С. 95–108. DOI 10.25205/2658-4506-2021-14-1-95-108

Moral and Ethical Factors of Conflict Behavior Strategies

Igor V. Badiev

Buryat Republican Institute of Educational Policy
Ulan-Ude, Russian Federation

bad_igor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4341-2545>

Abstract

The article presents the results of an empirical study of moral and ethical factors of conflict behavior strategies. In the presence of numerous studies of the psychological determinants of behavior strategies in conflict, the question of the moral and ethical side of behavioral strategies remains open. The study

© Бадиев И. В., 2021

used the questionnaire “Behavior in a Conflict Situation, TKI” (Thomas – Kilmann) adapted by N. V. Grishina, “Dark Dozen” adapted by T. V. Kornilova, “Ethical Positions Questionnaire” as adapted by A. A. Fedorov, I. V. Badiev. The personality traits of the Dark Triad (emotional-behavioral component) and D. Forsyth’s concept of ethical positions (cognitive-evaluative component) are considered as moral and ethical factors of behavioral strategies in conflict. It is shown that the personality traits of the Dark Triad and ethical positions are independent phenomena. Each strategy of behavior in a conflict is associated with the severity of certain moral and ethical factors.

Keywords

strategies of behavior in conflict, Thomas – Kilman model, Dark Triad, non-clinical psychopathy, non-clinical narcissism, machiavellianism, ethical positions, idealism, relativism

For citation

Badiev I. V. (2021) Moral and Ethical Factors of Conflict Behavior Strategies. *Reflexio*, 14 (1), 95–108. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2021-14-1-95-108

Введение

Концепция стратегий поведения в конфликте Томаса – Килманна является, пожалуй, одной из наиболее популярных психологических моделей и широко используется во всех сферах человеческих взаимоотношений. В 70-е годы прошлого века американские психологи Р. Килманн и К. Томас разработали опросник, позволяющий оценить степень выраженности пяти основных стратегий поведения в конфликте. Основой разработанной методики послужила модель лидерства Блейка – Моутона [Кардашина, Шаньгина, 2016]. В модели Томаса – Килманна выделяется пять стратегий поведения в межличностном конфликте: сотрудничество, компромисс, соперничество, приспособление и избегание. Эффективность поведения в конфликте зависит от гибкости выбора поведенческой стратегии в зависимости от степени важности собственных интересов, затрагиваемых в конфликте, значимости интересов оппонента и значимости межличностных отношений между конфликтующими сторонами.

В современной психологии существует огромное количество исследований, посвященных данной концепции. Только база РИНЦ по поисковому запросу «стратегии поведения в конфликте» выдает более 1200 публикаций. Среди психологических детерминант выбора поведенческой стратегии в конфликте изучаются темперамент и другие индивидуально-психологические характеристики [Камнева, 2013; Демец, Мещерякова, 2018], самооценка [Аверина, 2018], ценностные ориентации [Остапенко, 2013], эмоциональные характеристики [Камнева, 2014], эмоциональный интеллект, локус-контроль [Баландина, 2017]. Исследуются гендерная и возрастная специфики выбора поведенческой стратегии [Девятова, 2008; Камнева, 2013; Цветкова, Лагвилава, 2021]. При этом в русскоязычном сегменте отмечается явный недостаток исследований, посвященных выявлению взаимосвязи поведения в конфликте с морально-этическими характеристиками личности.

В современных психологических и нейробиологических науках можно выделить по крайней мере два направления исследований морально-этических характеристик человека, которые условно можно обозначить как «психология моральных суждений», и «психология аморальной личности». Во-первых, предметом исследования являются основания в вынесении морального суждения

о событиях или поступках; во-вторых, социально-осуждаемые личностные черты. В нашем исследовании в качестве морально-этических факторов рассматриваются черты личности Темной триады (неклиническая психопатия, макиавеллизм и неклинический нарциссизм) и этические позиции (идеализм и релятивизм).

«Психология аморальной личности»

Как указывает М. С. Егорова, Темная триада вошла в число психологических терминов в 2002 г. Канадские исследователи Делрой Полхус и Кевин Уильямс показали, что указанные выше психологические черты образуют своеобразный синдром негативной («темной») стороны личности. Все три составляющие Темной триады имеют сложную структуру, относительно которой пока не существует единого мнения. Это связано и с тем, что их исследования проводятся сравнительно недолго, и с тем, что в контексте исследования разных психологических проблем значимыми оказываются разные стороны нарциссизма, психопатии и макиавеллизма [Егорова, 2014]. Ниже попытаемся дать наиболее общие характеристики «темных» черт.

Нарциссизм. В клинической практике рассматривается как расстройство, заключающееся в преувеличении собственной значимости. При рассмотрении в качестве стабильной личностной черты выделяется от 4 до 7 составляющих, в число которых входит: использование других для достижения собственных целей и присвоение чужих прав, стремление к лидерству и власти, ощущение превосходства и собственной исключительности, восхищение собой [Егорова, 2014].

Психопатия. В клинической практике в числе черт психопатии выделяют сниженную эмоциональность (первичная психопатия) – эгоизм, холодность, низкую тревожность, бесстрашие, безжалостное использование других, склонность к манипулятивному поведению; асоциальное поведение (вторичная психопатия) – нестабильность, антиобщественный стиль жизни. В настоящее время в структуре неклинической психопатии выделяется четыре фактора: 1) стиль межличностного взаимодействия – высокомерие и склонность к обману; 2) стиль эмоционального реагирования – бедность эмоциональной жизни; 3) стиль жизни – импульсивность и безответственность; 4) склонность к правонарушениям [Егорова, 2014].

Макиавеллизм. Данный термин единственный из Темной триады не имеет психиатрического прошлого. В структуре макиавеллизма принято выделять склонность использовать манипулятивные тактики, цинизм и прагматическую мораль [Егорова, 2014].

Разработано достаточно большое количество методик, измеряющих степень выраженности «темных» черт как по отдельности, так и совместно. На русский язык переведены и апробированы два опросника: «Темная дюжина» [Корнилова и др., 2015] и «Короткий опросник Темной триады» [Егорова, Ситникова, Паршикова, 2015]. В нашем исследовании в целях удобства был выбран опросник «Темная дюжина».

«Психология вынесения моральных суждений»

История исследований психологии морали, или оснований в вынесении моральных суждений, уходит корнями к истокам когнитивизма. К числу наиболее известных концепций психологии морали и нравственности относится периодизация нравственного развития личности Л. Кольберга. В современной науке все большую популярность начинают приобретать концепции Дж. Грина и Дж. Хайдта [Акимова, 2014; Бадиев, 2019]. Для целей нашего исследования была выбрана концепция этических позиций Д. Форсайта [Forsyth, 1980], которая имеет ряд инструментальных и теоретических преимуществ [Фёдоров, Бадиев, 2018].

Д. Форсайт рассматривает индивида в качестве интуитивного этического философа, который выносит моральные суждения, основываясь на личных представлениях о добре и зле. Данные этические представления формируются в результате жизненного опыта в решении различных этических проблем. Для подавляющего большинства людей при вынесении морального суждения прослеживаются две закономерности: озабоченность последствиями (идеализм) и озабоченность принципами (релятивизм).

Релятивизм определяется как установка индивида на то, что твердых моральных принципов не существует. Релятивист не признает существования неизблемых этических норм, и его система убеждений и установок соотносится с философией скептицизма. Индивиды с низким уровнем релятивизма (универсализм), напротив, убеждены в существовании абсолютных, неизблемых нравственных норм, этических заповедей, моральных императивов.

Идеализм в качестве измерительной шкалы определяет степень убежденности индивида в том, что «правильные» действия всегда приводят к желаемым последствиям. Индивиды с низким уровнем идеализма (прагматизм) убеждены в том, что любой поступок может приносить как пользу, так и вред. В их системе убеждений любое действие сопряжено с «сопутствующим ущербом».

В ходе адаптации и валидации русскоязычной версии опросника этических позиций нами была произведена модификация исходной модели Д. Форсайта, которая показала высокую степень согласованности с теоретической моделью и эмпирическими данными, полученными в более ранних исследованиях на различных выборках [Фёдоров, Бадиев, 2018]. В модифицированной модели идеализм и релятивизм представлены в качестве факторов второго порядка. Идеализм включает в себя такие факторы первого порядка, как недопущение вреда и забота о благе. Релятивизм включает в себя факторы первого порядка: относительность этических систем, релятивизм в межличностных отношениях, допустимость лжи.

Таким образом, целью нашего исследования является изучение морально-этических факторов стратегий поведения в конфликте. В нашем исследовании в качестве таких факторов рассматриваются два психологических феномена: негативные («темные») черты личности (эмоционально-поведенческий компонент) и имплицитные этические установки, на основе которых выносятся моральные суждения (когнитивно-оценочный компонент).

Выборка и методика исследования

Исследование проводилось путем анонимного онлайн-опроса¹. В исследовании приняли участие студенты Бурятского государственного университета ($N = 114$, муж. – 21,9 %; жен. – 78,1 %). Средний возраст респондентов составил 22,3 года (мин. = 18, макс. = 60, $SD = 7$).

При заполнении анкеты респондентам предлагалось в свободной форме указать этническую принадлежность. По характеру ответов на данный вопрос были выделены 4 группы респондентов относительно этнической принадлежности: «русские» (38,6 %) – указали в ответе принадлежность к русскому этносу, «буряты» (43,9 %) – указали в ответе принадлежность к бурятскому этносу, «другая этническая принадлежность» (10,5 %) – единичные респонденты, указавшие в ответах принадлежность к различным этническим группам и представляющие таким образом этническое меньшинство в выборке, «отказавшиеся указать этническую принадлежность» (7 %) – респонденты, отказавшиеся дать ответ на данный вопрос либо указавшие несуществующие этнические группы.

В исследовании использовались следующие психодиагностические методики.

1. Поведение в конфликтной ситуации, ТКІ (Томас – Килманн) в адаптации Н. В. Гришиной. Представляет собой набор из 30 утверждений, описывающий вариант поведения в конфликтной ситуации. Респонденту утверждения предъявляются попарно для вынужденного выбора. В результате подсчитывается количество выборов по каждой из пяти поведенческих стратегий: сотрудничество, компромисс, соперничество, приспособление, избегание.

2. Опросник «Темная дюжина» в адаптации Т. В. Корниловой и соавторов. Опросник состоит из двенадцати утверждений, каждое из которых оценивается респондентом по степени согласия 5-бальной шкалой Ликерта. В результате оценивается выраженность трех черт личности, включенных в Темную триаду: психопатия, нарциссизм, макиавеллизм.

3. «Опросник этических позиций» в адаптации А. А. Федорова и И. В. Бадиева. Опросник состоит из 20 утверждений, с каждым из которых респондент оценивает степень своего согласия по 5-бальной шкале Ликерта. В результате оценивается степень выраженности пяти факторов первого порядка (недопущение вреда, забота о благе, относительность этических систем, межличностный релятивизм, допустимость лжи) и двух факторов второго порядка (идеализм и релятивизм).

Статистическая обработка производилась при помощи пакета SPSS-23.

Результаты и обсуждение

В табл. 1 представлена описательная статистика по шкалам опросников.

¹ Создан на платформе Online Test Pad. URL: <https://onlinetestpad.com>.

Таблица 1

Описательная статистика по шкалам опросников

Переменная	<i>N</i>	min	max	<i>M</i>	<i>SD</i>
Соперничество	114	,00	13,00	4,4123	3,36250
Сотрудничество	114	2,00	9,00	5,4912	1,59227
Компромисс	114	1,00	10,00	6,7544	2,03318
Избегание	114	2,00	10,00	6,3158	1,70016
Приспособление	114	1,00	13,00	6,2456	2,60551
Идеализм	114	16,00	50,00	36,9561	6,25758
Релятивизм	114	17,00	50,00	33,9825	6,09799
И1 «Недопущение вреда»	114	8,00	30,00	23,7544	4,51460
И2 «Забота о благе»	114	6,00	20,00	13,2018	2,68783
P1 «Относительность этических систем»	114	9,00	25,00	17,5351	3,43119
P2 «Межличностный релятивизм»	114	3,00	15,00	9,2368	2,34352
P3 «Допустимость лжи»	114	2,00	10,00	7,2105	1,85527
Нарциссизм	114	4,00	20,00	12,6316	3,91336
Психопатия	114	4,00	20,00	8,0614	4,04244
Макиавеллизм	114	4,00	20,00	11,7982	4,27626
<i>N</i> валидных (по списку)	114				

Исследование межгрупповых различий

Исследование различий изучаемых переменных относительно пола *t*-критерием Стьюдента обнаружило значимые различия по шкалам Темной триады «психопатия» и «макиавеллизм», а также по субшкалам опросника этических позиций: «Недопущение вреда», «Межличностный релятивизм». Мужчины в большей степени склонны проявлять психопатические ($p = 0,001$) и макиавеллистические ($p = 0,038$) черты, а также склонны демонстрировать этические установки на межличностный релятивизм ($p = 0,041$). Женщины в большей степени склонны демонстрировать этические установки на недопущение вреда ($p = 0,014$). По остальным измерениям значимых различий не обнаружено.

Сравнительный анализ показал, что мужчины отличаются низкой тревожностью и бесстрашием, импульсивностью, безответственностью и безрассудность, эмоциональной холодностью, деструктивным стилем межличностных отношений. Они в большей степени, чем женщины, склонны манипулировать другими, прибегая к лести и обману, обладают низкой чувствительностью к этическим нормам. Женщины при вынесении моральных суждений в большей степени основываются на недопущении вреда. При этом гендерных различий в выборе поведенческих стратегий в конфликтах не обнаружено.

Исследование различий относительно этнической принадлежности респондентов однофакторным дисперсионным анализом ANOVA показало значимые

различия между группами по таким шкалам, как «релятивизм» ($p = 0,0001$), «P1. Относительность этических систем» ($p = 0,002$), «P2. Межличностный релятивизм» ($p = 0,012$), «P3. Допустимость лжи» ($p = 0,044$), «Психопатия» ($p = 0,005$). Апостериорный тест гомогенных групп Дункана позволил выделить значимо различающиеся группы по изучаемым переменным ($p = 0,05$).

- Респонденты, отказавшиеся указать этническую принадлежность в меньшей степени склонны демонстрировать компромиссную стратегию поведения в конфликте. Наибольшую приверженность к компромиссу из выделенных групп демонстрируют респонденты бурятской национальности. Этический релятивизм в наименьшей степени выражен в группе респондентов, не указавших этническую принадлежность.

- Наибольшая выраженность релятивизма наблюдается в группе респондентов, указавших иную этническую принадлежность. Наименьшая выраженность данной шкалы наблюдается в группе респондентов, не указавших этническую принадлежность. Русские и буряты по шкале «релятивизм» значимо не отличаются друг от друга, при этом русские значимо не отличаются от группы не указавших этническую принадлежность, а буряты – от группы указавших другую этническую принадлежность.

- По субшкале идеализма «И2. Забота о благе» имеются значимые различия между группами русских и не указавших этническую принадлежность респондентов (наименьшая выраженность показателя) от группы респондентов, указавших другую этническую принадлежность. Респонденты бурятской национальности значимо не отличаются по данному показателю от указанных групп.

- По субшкале релятивизма «P1. Относительность этических систем» выделяется три гомогенные группы. С наименьшим значением показателя входят респонденты, не указавшие этническую принадлежность, и русские, в среднюю группу входят русские и буряты, в группу с наивысшим показателем вошли буряты и респонденты, указавшие другую этническую принадлежность.

- По субшкале релятивизма «P2. Межличностный релятивизм» выделены две гомогенные группы. В группу с низкими значениями показателя входят русские, респонденты, не указавшие этническую принадлежность, и буряты. Во вторую группу с высокими показателями входят буряты и респонденты, указавшие другую этническую принадлежность.

- По шкале Темной триады «психопатия» выделяются две непересекающиеся группы. В первую, с низким значением показателя, входят респонденты, указавшие этническую принадлежность (русский, бурят, другая); во вторую, с высокими значениями показателя, – респонденты, отказавшиеся указывать этническую принадлежность.

Таким образом, наибольшие различия в этнопсихологическом плане обнаруживаются у групп, отказывающихся указывать свою этническую принадлежность, и групп респондентов, представляющих этническое меньшинство в Республике Бурятия. Между русскими и бурятами значимых различий по исследуемым переменным не обнаруживается.

Корреляционный анализ морально-этических переменных

В табл. 2 представлены результаты корреляционного анализа черт Темной триады с этическими позициями. Корреляция осуществлялась при помощи коэффициента корреляции Пирсона.

Таблица 2

Корреляционный анализ выраженности черт Темной триады
и этических позиций

Этические позиции	Черты Темной триады		
	нарциссизм	психопатия	макиавеллизм
Идеализм	-,077	-,285**	-,173
Релятивизм	,133	,193*	,123
И1 «Недопущение вреда»	-,131	-,351**	-,221*
И2 «Забота о благе»	,040	-,074	-,032
P1 «Относительность этических систем»	,116	,101	,051
P2 «Межличностный релятивизм»	,130	,248**	,083
P3 «Допустимость лжи»	,060	,134	,204*

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

С этическими позициями не обнаруживают корреляционной связи такие темные черты, как нарциссизм и макиавеллизм. При этом обнаруживается корреляция макиавеллизма с субшкалами этических позиций на уровне значимости $p < 0,05$: отрицательная с «Недопущением вреда» и положительная с «Допустимостью лжи». Наибольшее число корреляций с этическими позициями обнаруживается у черты «Психопатия»: отрицательно связана с идеализмом и положительно с релятивизмом ($p < 0,01$). При этом отрицательная связь наблюдается с субшкалой идеализма «Недопущение вреда» и положительная – с субшкалой релятивизма «Межличностный релятивизм» ($p < 0,01$).

Незначительное количество корреляций между шкалами опросника этических позиций и «темными» чертами личности позволяют нам выдвинуть гипотезу об относительной самостоятельности данных феноменов. Таким образом, этические позиции не могут быть сведены к личностным чертам, и наоборот.

С целью снижения числа переменных шкалы Темной триады и этических позиций были подвергнуты факторному анализу методом главных компонент. Из факторного анализа были исключены субшкалы опросника этических позиций, поскольку они являются структурными элементами соответствующих шкал. Факторные нагрузки представлены в таблице.

Таблица 3
Повернутая матрица компонентов

	Компонент	
	1	2
Макиавеллизм	,835	
Психопатия	,806	
Нарциссизм	,620	
Идеализм		,786
Релятивизм		,776

Метод выделения факторов: метод главных компонент.

Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.

Вращение сошлось за 3 итерации.

Двухфакторное решение объясняет 63,8 % совокупной дисперсии. Первый фактор включил в себя шкалы Темной триады и объяснил 38,9 % дисперсии. Второй фактор включил релятивизм и идеализм, объяснив 24,9 % дисперсии. Результаты факторного анализа подтверждают нашу гипотезу о независимости этических позиций и «темных» черт личности.

Для исследования взаимосвязи морально-этических факторов и стратегий поведения в конфликте мы использовали корреляционный анализ Пирсона. Результаты представлены в табл. 4. Для более дифференцированной оценки в корреляционный анализ были включены факторы первого, второго и третьего порядка.

Таблица 4
Коэффициенты корреляций стратегий поведения
в конфликте с морально-этическими факторами

Переменная	Соперничество	Сотрудничество	Компромисс	Избегание	Приспособление
Идеализм	-,246**	-,081	,231*	,114	,088
<i>И1 «Недопущение вреда»</i>	-,299**	-,107	,245**	,161	,123
<i>И2 «Забота о благе»</i>	-,070	-,009	,127	-,004	-,001
Релятивизм	-,022	-,226*	,080	,246**	-,077
<i>Р1 «Относительность этических систем»</i>	-,102	-,217*	,105	,282**	-,027
<i>Р2 «Межличностный релятивизм»</i>	,062	-,276**	,044	,294**	-,144
<i>Р3 «Допустимость лжи»</i>	,038	,007	,011	-,083	-,022
Нарциссизм	,273**	-,052	-,088	-,162	-,087
Психопатия	,239*	-,060	-,158	,068	-,167
Макиавеллизм	,423**	-,030	-,204*	-,106	-,258**

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Анализ корреляционной матрицы мы осуществляем по столбцам, где указаны стратегии поведения в конфликте.

Соперничество отрицательно связано с идеализмом ($p = 0,008$). При этом взаимосвязь прослеживается только с одной субшкалой данного фактора – недопущение вреда ($p = 0,001$). Данная стратегия положительно коррелирует с нарциссизмом ($p = 0,003$), психопатией ($p = 0,01$), макиавеллизмом ($p = 0,0001$). Таким образом, мы можем говорить о том, что индивиды, предпочитающие стратегию соперничества, являются приверженцами концепции «неизбежного зла», т. е. не обеспокоены вероятным причинением вреда. При этом отсутствие корреляции со шкалой «Забота о благе» свидетельствует о том, что данные индивиды не руководствуются в оценках поступков возможных благих последствий. В их чертах явно прослеживаются психопатические, нарциссические и макиавеллистические черты.

Сотрудничество обнаруживает на достаточно низком уровне статистической значимости отрицательную корреляцию с релятивизмом ($p = 0,016$) и его субшкалой «Относительность этических систем» ($p = 0,02$). Наиболее значимая отрицательная связь на уровне $p = 0,003$ отмечается с субшкалой «Межличностный релятивизм». С чертами Темной триады связи не обнаруживается. Таким образом, индивиды, предпочитающие стратегию сотрудничества, отличаются «межличностным универсализмом», т. е. в вынесении моральных суждений ориентируются на необходимость придерживаться одной системы оценок для всех людей, вне зависимости от характера межличностных отношений.

Компромисс обнаруживает положительную корреляционную связь с субшкалой идеализма «Недопущение вреда» ($p = 0,009$). Связи с другими субшкалами идеализма и релятивизмом не обнаруживается. Из черт Темной триады обнаруживается достаточно слабая отрицательная связь с макиавеллизмом ($p = 0,029$). Мы можем говорить о том, что индивиды, предпочитающие стратегию компромисса, противоположны по своим этическим позициям «соперничающим» – при вынесении моральных суждений они обеспокоены причиняемым вредом, а также избегают манипулятивного стиля в межличностных взаимоотношениях.

Избегание обнаруживает положительную связь с релятивизмом ($p = 0,008$) и его субшкалами «Относительность этических систем» ($p = 0,002$) и «Межличностный релятивизм» ($p = 0,001$). Связей с чертами Темной триады не обнаружено. Таким образом, индивиды, предпочитающие стратегию избегания, в вынесении моральных суждений придерживаются «принципа относительности» – для разных ситуаций и для разных людей должна быть своя собственная этическая система оценок.

Приспособление не обнаруживает связи с этическими позициями. Имеется отрицательная связь с чертой Темной триады – макиавеллизмом ($p = 0,006$). Следовательно, лица, склонные приспосабливаться в конфликтах, предпочитают избегать манипулятивных стратегий в межличностных взаимоотношениях, не циничны и не прагматичны.

Выводы

В ходе нашего исследования были изучены связи стратегий поведения в конфликте с морально-этическими факторами личности. К числу таких факторов относятся эмоционально-поведенческие, операционализированные нами через «темные» черты личности, и когнитивно-оценочные, операционализированные в исследовании через этические позиции. Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы.

1. Морально-этические факторы имеют достаточно тесные и многочисленные связи с поведенческими стратегиями в конфликте. Каждая стратегия поведения в конфликте сопряжена с выраженностью тех или иных морально-этических факторов.

2. Стратегии соперничества и компромисса в морально-этическом контексте могут рассматриваться как противоположные: для них характерна связь с недопущением вреда и «темными» чертами, но с противоположными знаками. При этом соперничество обнаруживает связь со всеми «темными» чертами, и достаточно значимую, в то время как компромисс – лишь с макиавеллизмом и на низком уровне значимости. Также отрицательную связь на высоком уровне значимости с макиавеллизмом демонстрирует стратегия приспособления, при этом связей с другими морально-этическими факторами не обнаруживается.

3. Стратегия сотрудничества сопряжена с «межличностным универсализмом» – установкой на то, что этическая система оценок должна быть одинакова для всех людей, независимо от характера межличностных отношений. Для стратегии избегания, напротив, характерна приверженность концепции относительности этических систем и «гибкости» при вынесении моральных суждений в межличностных отношениях.

Список литературы

Аверина К. Н. Связь самооценки со стилями поведения в конфликте у мужчин и женщин ранней зрелости // Конфликтология / nota bene. 2018. № 4. С. 32–41.

Акимов Д. С. Природа этического размышления: обзор современных исследований // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: Философия. 2014. № 2. С. 107–118.

Бадиев И. В. К вопросу о предмете психологии морали // Reflexio. 2019. Т. 12. № 1.

Баландина Л. Л. Эмоциональный интеллект и его взаимосвязь с локусом контроля, стратегиями поведения в конфликте в юношеском возрасте // Вестник Белгородского института развития образования. 2017. № 4 (6). С. 122–129. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30772587>.

Девятова И. Е. Гендерные детерминанты поведения старших подростков в межличностном конфликте // Актуальные вопросы современной науки. 2008. № 4–1. С. 146–152.

Демец Е. Г., Мещерякова И. Н. Взаимосвязь особенностей темперамента и стратегии поведения студентов в ситуации межличностного конфликта // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 58-4. С. 305–310.

Егорова М. С. Темная триада // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2014. Т. 7. № 38. С. 12.

Егорова М. С., Ситникова М. А. и др. Адаптация короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 43. С. 1.

Камнева Н. А. Эмпирическое исследование индивидуально-личностных и гендерных особенностей стилевых паттернов поведения в межличностном конфликтном взаимодействии // Научный диалог. 2013. № 9 (21). С. 41–49.

Камнева Н. А. Исследование содержания эмоциональной составляющей стилей поведения семейного межличностного конфликтного взаимодействия в России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 4 (132). С. 186–193.

Кардашина С. В., Шаньгина Н. В. Психометрические характеристики русскоязычной версии Опросника К. Томаса – Р. Килманна («Thomas – Kilmann Conflict Mode Instrument – tki-r») // Педагогическое образование в России. 2016. № 11. С. 216–228.

Корнилова Т. В., Корнилов С. А. и др. Методика диагностики личностных черт «Темной триады»: апробация опросника «Темная дюжина» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 2. С. 99–112.

Остапенко Р. И. Структурные связи ценностных ориентаций и поведенческого стиля в конфликтной ситуации работников организации // Перспективы науки и образования. 2013. № 1. С. 23–35.

Фёдоров А. А., Бадиев И. В. Валидизация русскоязычной версии опросника этических позиций // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15. № 3. С. 491–509.

Цветкова Н. А., Лагвилава К. Е. Динамика особенностей межличностной коммуникации супругов с длительным стажем брака в период самоизоляции // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2021. Т. 20. № 1 (158). С. 16–26.

Forsyth D. R. A taxonomy of ethical ideologies. // Journal of Personality and Social Psychology. 1980. Vol. 39. № 1. С. 175–184.

References

Averina K. N. (2018). Svyaz' samoootsenki so stilyami povedeniya v konflikte u muzhchin i zhenshchin rannei vzroslosti. *Konfliktologiya / nota bene*, 4, 32–41 (in Russ.).

Akimova D. S. (2014). Priroda eticheskogo razmyshleniya: Obzor sovremennykh issledovaniy. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Filosofiya*, 2, 107–118 (in Russ.).

Badiev I. V. (2019). K voprosu o predmete psikhologii morali. *Reflexio*, 12 (1) (in Russ.). <https://doi.org/10.25205/2658-4506-2019-12-1-133-140>

Balandina L. L. (2017). Emotsional'nyi intellekt i ego vzaimosvyaz' s lokusom kontrolya, strategiyami povedeniya v konflikte v yunosheskom vozraste. *Vestnik Belgorodskogo Instituta Razvitiya Obrazovaniya*, 4 (6), 122–129 (in Russ.).

Kardashina S. V., & Shan'gina N. V. (2016). Psikhometricheskie kharakteristiki russkoyazychnoi versii Oprosnika K. Tomasa – R. Kilmanna (“Thomas – Kilmann Conflict Mode Instrument – Tki-r”). *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 11, 216–228 (in Russ.).

Devyatova I. E. (2008). Gendernye determinanty povedeniya starshikh podrostkov v mezhlichnostnom konflikte. *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki*, 4-1, 146–152 (in Russ.).

Demets E. G., & Meshcheryakova I. N. (2018). Vzaimosvyaz' osobennosti temperamenta i strategii povedeniya studentov v situatsii mezhlichnostnogo konflikta. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 58-4, 305–310 (in Russ.).

Egorova M. S. (2014). Temnaya triada. *Psikhologicheskie Issledovaniya: Elektronnyi Nauchnyi Zhurnal*, 7(38), 12 (in Russ.).

Egorova M. S., Sitnikova M. A., & Parshikova O. V. (2015). Adaptatsiya korotkogo oprosnika Temnoi triady. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 8 (43), 1 (in Russ.).

Kamneva N. A. (2013). Empiricheskoe issledovanie individual'no-lichnostnykh i gendernykh osobennosti stilevykh patternov povedeniya v mezhlichnostnom konfliktnom vzaimodeistvii. *Nauchnyi dialog*, 9 (21), 41–49 (in Russ.).

Kamneva N. A. (2014). Issledovanie soderzhaniya emotsional'noi sostavlyayushchei stilei povedeniya semeinogo mezhlichnostnogo konfliktnogo vzaimodeistviya v Rossii. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 4 (132), 186–193 (in Russ.).

Kornilova T. V., Kornilov S. A., Chumakova M. A., & Talmach M. S. (2015). Metodika diagnostiki lichnostnykh chert “Temnoi triady”: Aprobatsiya oprosnika “Temnaya dyuzhina”. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 36 (2), 99–112 (in Russ.).

Ostapenko R. I. (2013). Strukturnye svyazi tsennostnykh orientatsii i povedencheskogo stilya v konfliktnoi situatsii rabotnikov organizatsii. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 1, 23–35 (in Russ.).

Fedorov A. A., & Badiev I. V. (2018). Validizatsiya russkoyazychnoi versii oprosnika eticheskikh pozitsii. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 15 (3), 491–509 (in Russ.).

Tsvetkova N. A., & Lagvilava K. E. (2021). Dinamika osobennosti mezhlichnostnoi kommunikatsii suprugov s dlitel'nym stazhem braka v period samoizolyatsii. *Uchenye Zapiski Rossiiskogo Gosudarstvennogo Sotsial'nogo Universiteta*, 20 (1 (158)), 16–26 (in Russ.). doi.org/10.17922/2071-5323-2021-20-1-16-26

Forsyth D. R. (1980). A taxonomy of ethical ideologies. *Journal of Personality and Social Psychology*, 39 (1), 175–184. doi.org/10.1037/0022-3514.39.1.175

Информация об авторе

Игорь Валерьевич Бадиев, кандидат психологических наук, доцент
RSCI AuthorID 3042-4240

Information about the Author

Igor V. Badiev, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor
RSCI AuthorID 3042-4240

Статья поступила в редакцию 18.02.2021
The article was submitted 18.02.2021

Научная статья

УДК 159.97: 159.922

DOI 10.25205/2658-4506-2021-14-1-109-115

Предиспозиция к психосоматическому типу реагирования у здоровых подростков

Алена Михайловна Лысенкова¹

Юлия Викторовна Сарычева²

Татьяна Викторовна Стрига³

¹⁻³ Новосибирский государственный медицинский университет
Новосибирск, Россия

¹ alena56_97@mail.ru; ² julia_sar@mail.ru; ³ striga.tanya@yandex.ru

Аннотация

Рассматривается проблема предрасположенности к психосоматическому типу реагирования у здоровых подростков. Ведь именно специфика эмоционально-личностных характеристик и особенности восприятия тела могут выступать предиктором развития соматических симптомов. В исследовании приняли участие 40 человек, у 12 из которых отсутствовали признаки психосоматических заболеваний, а 28 имели склонность к наличию незначительных проявлений психосоматических заболеваний или к наличию причин, предрасполагающих к ним. В результате проведенного исследования была выявлена определенная специфика эмоционально-личностных характеристик среди подростков, предрасполагающая к возникновению соматических симптомов и обнаружена взаимосвязь определенных показателей личностных характеристик, особенностей восприятия тела и склонности к соматическим симптомам.

Ключевые слова

подростки, психосоматика, личностные особенности, восприятие тела, границы тела, агрессия, тревожность, самооценка

Для цитирования

Лысенкова А. М., Сарычева Ю. В., Стрига Т. В. Предиспозиция к психосоматическому типу реагирования у здоровых подростков // Reflexio. 2021. Т. 14, № 1. С. 109–115. DOI 10.25205/2658-4506-2021-14-1-109-115

© Лысенкова А. М., Сарычева Ю. В., Стрига Т. В., 2021

Predisposition to the Psychosomatic Type of Response in Healthy Adolescents

Alyona M. Lysenkova¹, Yulia V. Sarycheva²
Tatiana V. Striga³

Novosibirsk State Medical University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ alena56_97@mail.ru; ² julia_sar@mail.ru; ³ striga.tanya@yandex.ru

Abstract

This article discusses the problem of predisposition to the psychosomatic type of response in healthy adolescents. After all, it is the specificity of emotional and personal characteristics and the peculiarities of body perception that can be a predictor of the development of somatic symptoms. The study involved 40 people, 12 of whom had no symptoms of psychosomatic diseases, and 28 had a tendency to have minor manifestations of psychosomatic diseases or to the presence of their predispositions. The study identified a certain specificity of emotional and personal characteristics predisposing to the onset of somatic symptoms in adolescents, and a relationship between certain indicators of personal characteristics, characteristics of body perception and a tendency to somatic symptoms among adolescents.

Keywords

adolescents, psychosomatics, personality traits, body perception, body boundaries, aggression, anxiety, self-esteem

For citation

Lysenkova A. M., Sarycheva Yu. V., Striga T. V. (2021) Predisposition to the Psychosomatic Type of Response in Healthy Adolescents. *Reflexio*, 14 (1), 109–115. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2021-14-1-109-115

Введение

Идея о том, что личностные переменные могут влиять на уязвимость к конкретным заболеваниям, широко распространена в психосоматической медицине и сегодня. Клиническая роль таких личностных конструктов, как темперамент и характер, все чаще становится объектом исследований. В настоящее время оценка личности стала достойной внимания, поскольку она может дать уникальную информацию о людях с заболеваниями и помочь полностью понять медицинских пациентов и их общее состояние здоровья, а также выработать оптимальные решения и планирование лечения [Ghazanfari et al., 2019; Cosci, 2012].

В динамике развития психосоматических расстройств и в механизме симтомообразования участвует комплекс донозологических факторов. К предиспозиции относят наследственную отягощенность, психофизиологическую диспозицию, дисгармонию семейных отношений, духовно-нравственную дефицитарность или амбивалентность семьи. Латентный фактор, предрасполагающий к возникновению психосоматического расстройства включает в себя склонность к патологическим физиологическим реакциям, преморбидные личностные особенности, дисгармонию социализации личности и дисгармоничное формирование нравственных чувств. К инициальным факторам относятся первичные соматоформные реакции (по гипертоническому, астматическому и другим типам), проявляющиеся жалобами на единичные симптомы со стороны соматического состояния

(учащение пульса, изменение частоты и глубины дыхания, внезапная мышечная слабость и др.), а также нарушения значимых социальных отношений и деформация нравственного облика [Сидоров, Совершаева, 2015].

Психосоматические заболевания – это болезни нарушенной адаптации или защиты организма. Человек всегда существует при условии стресса, потому что он не изолирован от воздействия окружающей среды. Однако воздействие внешнего фактора может быть настолько сильным, что защита организма не может справиться со стрессом, что приводит к болезненному состоянию. Граница между реакцией адаптации и болезни условна; это зависит от интенсивности и продолжительности влияния этого фактора на физическое состояние человека, а также от индивидуальных личностных характеристик [Ефремова и др., 2015].

На сегодняшний день особое значение приобретает изучение соматической патологии в детском и подростковом возрасте. Одним из значимых факторов, predisposing к возникновению симптомов, является ограниченный репертуар эмоционального реагирования. В отличие от здоровых сверстников, тревожность которых проявляется разнообразием поведенческих реакций и находит выход, у детей с диагнозом отсутствует навык адекватного выражения эмоционального напряжения. Именно такой механизм нередко лежит в основе соматизации психоэмоционального напряжения. Также у детей отмечаются такие характеристики, как нарушения в формировании границ образа тела, отсутствие осознания индивидуальной телесной идентичности, существует регрессия к ранним формам телесной коммуникации для выражения чувств, переживаний, удовольствия [Залесская, 2007, с. 4–11; Горская, 2005, с. 9–14].

Низкий уровень жалоб на психосоматические симптомы имеет значительную связь с позитивной самооценкой и высоким уровнем самовосприятия в отношении собственного здоровья [Baceviciene et al., 2019].

При комплексном подходе к исследованию этиологии и патогенеза заболеваний актуальным остается вопрос о роли психологических факторов в основе их развития. Как правило, целесообразно говорить о комплексе возможных причин, приводящих к психосоматической патологии: наследственная предрасположенность, нарушения деятельности ЦНС, личностные особенности, психическое и физическое состояние во время действия психотравмирующих событий. Авторы также подчеркивают значение острого и хронического стресса, субъективное отношение к собственному здоровью, специфику поведения личности и другие факторы [Селиванова, 2016, Fava et al., 2000].

Итак, цель данного исследования – изучение предрасположенности к психосоматическому типу реагирования у здоровых подростков.

Материалы и методы исследования

В данном исследовании выборку составили подростки с условной нормой здоровья, не имеющие соматических расстройств. Исследование проводилось среди учащихся 6-х и 7-х классов в МБОУ СОШ № 23 г. Новосибирска. Первоначальную выборку подростков с условной нормой здоровья составляли 46 человек. Из нее были исключены подростки, в анкетах которых было указано на-

личие хронических заболеваний, психосоматические расстройства и соматические симптомы. Окончательная выборка подростков составила 40 человек: 17 девочек и 23 мальчика. Средний возраст составил $13,5 \pm 1$ лет. Исследование проводилось с октября 2019 года по ноябрь 2019 года. В ходе исследования по признаку наличия и отсутствия предрасположенности к психосоматическому типу реагирования были сформированы две группы подростков: группа риска, состоящая из 28 человек, и группа с условной нормой здоровья, состоящая из 12 человек.

В исследовании для диагностики особенностей личности испытуемым был предложен детский опросник Кеттелла (детский вариант, адаптирован Э. М. Александровской (12PF / CPQ)), а для диагностики уровня агрессивности – опросник враждебности Басса – Дарки (BDHI, стандартизирован А. А. Хваном, Ю. А. Зайцевым и Ю. А. Кузнецовой, 2005). Использована многомерная шкала удовлетворенности жизнью школьников (О. А. Сычев и соавторы, 2018). Для диагностики психосоматических заболеваний использован метод анкетирования, тест на наличие психосоматических симптомов и проективная методика «Гомункулус» (автор А. В. Семенович, 2002). Для оценки феномена внутренних границ тест геометрических фигур «Форма тела» (авторы Д. А. Бескова, А. Ш. Тхостов, 2005). Статистическая обработка проводилась с использованием непараметрической статистики (U-критерий Манна – Уитни), статистического пакета (STATISTICA 10.0). Уровень критической значимости различий $p = 0,05$.

Результаты и обсуждение

На основании качественного анализа результатов тестирования выявлено различие, по которому были выделены две группы подростков: 1) 30 % (12 человек) с отсутствием признаков психосоматических заболеваний (среднее значение $14,4 \pm 2,2$ по шкале психосоматических симптомов); 2) 70 % (28 человек) характеризуются склонностью к наличию незначительных проявлений психосоматических заболеваний или к наличию причин, предрасполагающих к ним (среднее значение $24,3 \pm 3,7$) при $p < 0,05$, что может быть связано с комплексом психологических причин или психосоциальными факторами. Установлено, что у 70 % опрошенных условно здоровых подростков выявлены жалобы на психосоматические симптомы.

В группе подростков с психосоматическими жалобами средние значения по шкале «Косвенная агрессия» составили $4,5 \pm 1,6$, что выше, чем в группе с условной нормой здоровья ($2,7 \pm 2,5$) при $p < 0,05$. Также в группе подростков с психосоматическими симптомами средние значения по шкале «Вербальная агрессия» составили $6,5 \pm 2,5$, что выше, чем в группе с условной нормой здоровья ($4,8 \pm 2,6$) при $p < 0,05$. Показатели «Индекса агрессивности» у подростков в группе риска выше (среднее значение $21,1 \pm 7,2$), чем у подростков с условной нормой здоровья (среднее значение $15,1 \pm 8,7$) при $p < 0,05$. У подростков с психосоматическими симптомами средние значения по шкале «Тревожность» составляют $6,5 \pm 1,4$, а в группе с условной нормой здоровья среднее значение $4,7 \pm 2,3$, что значимо ниже (при $p < 0,05$). Можно предположить, что получен-

ные показатели могут принимать непосредственное участие в формировании психосоматических симптомов, поскольку они обуславливают низкий навык эмоциональной регуляции, повышенное эмоциональное реагирование на жизненные ситуации, склонность легко выходить из душевного равновесия, наличие часто пониженного настроения.

При проведении корреляционного анализа по Спирмену установлена взаимосвязь между склонностью к психосоматическим симптомам и эмоционально-личностными особенностями по признакам «Тревожность», «Косвенная агрессия», «Вербальная агрессия», и «Индекс агрессивности» ($p < 0,05$).

Установлено, что у подростков со слабой дифференциацией частей тела, с использованием монохромии в рисунке показатели выраженности психосоматических симптомов выше ($p < 0,05$). В группе условно здоровых в рисунках чаще встречаются признаки «Полихромность», «Дифференциация частей тела» ($p < 0,01$).

У подростков группы риска значения по шкале самооценки ниже, чем у нормативной группы ($p < 0,05$). У подростков со средними значениями по шкале самооценки выраженность предрасположенности к психосоматическому типу реагирования выше ($p < 0,05$). Данные результаты говорят об отсутствии у подростков группы риска удовлетворенности собой и преобладании негативного отношения к себе над позитивным.

Выявлено, что у подростков с наличием признаков слабых и поврежденных внутренних границ телесности уровень нервного напряжения выше, чем у подростков с высокими показателями сформированности формы тела ($p < 0,05$). При отсутствии целостности внутренних границ телесности показатели агрессивности выше ($p < 0,05$). У подростков с наличием слабой дифференцированности частей тела в рисунках показатели по шкале «Чувствительность» выше, чем у подростков с хорошей дифференциацией частей тела ($p < 0,05$). Данные результаты говорят о наличии определенной специфики особенностей отношения к телу, из которых можно выделить отсутствие дифференцирования ощущений, наличие феномена отчуждения от собственной телесности, трудности в осознании границ и нарушение контакта с внутренними телесными импульсами.

Выводы

1. При исследовании склонности к проявлению психосоматических симптомов среди общей группы подростков была выделена группа риска с наличием предрасположенности к психосоматическому типу реагирования.
2. При исследовании личностных особенностей выявлено, что в группе риска показатели по шкале «Тревожность» выше.
3. При исследовании агрессивности установлено, что в группе риска показатели по шкалам «Косвенная агрессия», «Вербальная агрессия» и «Индекс агрессивности» значимо выше.
4. При исследовании у подростков особенностей восприятия тела отмечено, что у подростков со слабой дифференциацией частей тела, с использованием монохромии в рисунке показатели выраженности психосоматических симптомов

выше, чем при отсутствии этих признаков. В группе условно здоровых в рисунках чаще встречаются признаки «Полихромность», «Дифференциация частей тела».

5. При исследовании уровня самооценки у подростков выявлено, что у группы риска значения по шкале самооценки ниже, чем у нормативной группы.

6. При анализе результатов исследования выявлена взаимосвязь выраженности психосоматических симптомов с эмоционально-личностными особенностями, восприятием тела и представлениями о внутренних телесных границах.

Список литературы

Горская Е. А. Психологические особенности детей и подростков, больных бронхиальной астмой (в связи с задачами профилактики психосоматических расстройств). СПб., 2005. 21 с.

Ефремова Г. И., Тимошенко Г. В., Леоненко Л. А., Бочковская И. А., Потехина Е. В. Личные предпосылки формирования психосоматического риска // Наука и человечество. 2015. № 1. С. 78–83.

Залесская О. В. Особенности образа тела у подростков с психосоматической патологией на примере бронхиальной астмы: автореферат дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 25 с.

Селиванова Е. А. Семья как фактор психосоматических заболеваний у детей // Метеор-Сити. 2016. № 3. С. 41–45.

Сидоров П. И., Совершаева Е. П. Синергетическая биопсихосоциодуховная концепция артериальной гипертонии // Экология человека. 2015. № 1. С. 49–60.

Cosci F. Assessment of personality in psychosomatic medicine: current concepts // Adv Psychosom Med. 2012. № 32. P. 133–159.

Baceviciene M., Jankauskiene R., Emeljanovas A. Self-perception of physical activity and fitness is related to lower psychosomatic health symptoms in adolescents with unhealthy lifestyles // Public Health. 2019. Jul 23. P. 980.

Fava G. A., Sonino N. Psychosomatic medicine: emerging trends and perspectives // Psychother Psychosom. 2000. Vol. 69 (4). P. 97–184.

Ghazanfari E., Kazemnejad A., Feizi A., Fesharaki M. G., Dinu I., Keshteli A. H., Adibi P. The relationship between personality traits and psychosomatic complaints in a sample of Iranian adults // J Affect Disord. 2019. Oct 12. P. 253–258.

References

Gorskaya E. A. (2005). *Psychological features of children and adolescents with bronchial asthma (in connection with the tasks of preventing psychosomatic disorders)*. St. Petersburg, 2005 (in Russ.).

Efremova G. I., Timoshenko G. V., Leonenko L. A., Bochkovskaya I. A., Potekhina E. V. (2015). Personal preconditions for the formation of psychosomatic risk. *Science and Humanity*, 1. 78–83 (in Russ.).

Zallesskaya O. V. (2007). *Features of the body image in adolescents with psychosomatic pathology on the example of bronchial asthma: Abstract*. Moscow (in Russ.).

Selivanova E. A. (2016). Family as a factor in psychosomatic diseases in children. *Meteor-City*, 3, 41–45 (in Russ.).

Sidorov P. I., Sovershaeva E. P. (2015). Synergistic biopsychosocial-spiritual concept of arterial hypertension. *Human Ecology*, 1, 49–60.

Cosci F. (2012). Assessment of personality in psychosomatic medicine: current concepts. *Adv Psychosom Med*, 32, 133–159 (in Russ.).

Baceviciene M., Jankauskiene R., & Emeljanovas A. (2019). Self-perception of physical activity and fitness is related to lower psychosomatic health symptoms in adolescents with unhealthy lifestyle. *Public Health*, 23, 980.

Fava G. A., & Sonino N. (2000). Psychosomatic medicine: emerging trends and perspectives. *Psychother Psychosom*, 69 (4), 97–184.

Ghazanfari E., Kazemnejad A., Feizi A., Fesharaki M. G., Dinu I., Keshteli A. H., Adibi P. (2019). The relationship between personality traits and psychosomatic complaints in a sample of Iranian adults. *J Affect Disord*, Oct 12, 253–258.

Информация об авторах

Алена Михайловна Лысенкова, студентка 6-го курса

Юлия Викторовна Сарычева, кандидат медицинских наук, доцент

RSCI AuthorID 430151

Татьяна Викторовна Стрига, педагог-психолог

Information about the Authors

Alyona M. Lysenkova, Student of 6th year

Yulia V. Sarycheva, Candidate of Sciences (Medicine)

RSCI AuthorID 430151

Tatiana V. Striga, Educational Psychologist

Статья поступила в редакцию 10.05.2021

The article was submitted 10.05.2021

Научная статья

УДК 159

DOI 10.25205/2658-4506-2021-14-1-116-128

Анализ надежности и внутренней структуры опросников толерантности к неопределенности IAS, HTH, MSTAT-I, MSTAT-II

Марина Владимировна Злобина

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
m.zlobina@g.nsu.ru

Аннотация

Представлен анализ надежности по внутренней согласованности и внутренней структуре четырех наиболее широко используемых в современных отечественных исследованиях опросников толерантности / интолерантности к неопределенности: шкалы интолерантности к неопределенности С. Баднера (IAS), шкалы отношения к неопределенности Д. МакЛейна (MSTAT-I и MSTAT-II) и «Нового опросника толерантности к неопределенности» (HTH) Т. В. Корниловой. На выборке из 184 человек было показано, что субшкалы IAS обладают низкой надежностью по внутренней согласованности, шкалы HTH – удовлетворительной, а шкалы MSTAT-I и MSTAT-II – высокой надежностью по внутренней согласованности. Конфирматорный факторный анализ подтвердил пятифакторную структуру опросника MSTAT-I, для остальных трех опросников не удалось на нашей выборке подтвердить модели, предложенные авторами опросников. В результате эксплораторного факторного анализа также не удалось получить модель, которая продемонстрировала бы удовлетворительное соответствие данным. Полученные результаты обсуждаются.

Ключевые слова

толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности, диагностика толерантности к неопределенности, Новый опросник толерантности к неопределенности, шкала интолерантности к неопределенности Баднера, шкала отношения к неопределенности МакЛейна, HTH, IAS, MSTAT-I, MSTAT-II

Для цитирования

Злобина М. В. Анализ надежности и внутренней структуры опросников толерантности к неопределенности IAS, HTH, MSTAT-I, MSTAT-II // Reflexio. 2021. Т. 14, № 1. С. 116–128. DOI 10.25205/2658-4506-2021-14-1-116-128

The Analysis of Internal Consistency and Internal Structure of Questionnaires of Tolerance / Intolerance to Ambiguity: IAS, TAN, MSTAT-I and MSTAT-II

Marina V. Zlobina

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
m.zlobina@g.nsu.ru

Abstract

The article presents the results of internal consistency and internal structure analysis on a sample of 184 subjects of the four most widely used questionnaires of tolerance / intolerance to ambiguity: the Intolerance to Ambiguity Scale (IAS) by S. Badner, Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance Scale (MSTAT-I and MSTAT-II) D. McLane and the Tolerance-intolerance of ambiguity new questionnaire (TAN) by T. V. Kornilova. The IAS subscales showed low internal consistency, the Tolerance-intolerance of ambiguity new questionnaire scale showed satisfactory internal consistency and the MSTAT-I and MSTAT-II scales showed high internal consistency. Confirmatory factor analysis confirmed the five-factor model of MSTAT-I, the other models were not confirmed on our data. Exploratory factor analysis revealed unsatisfactory internal structure of the IAS, TAN, MSTAT-II. The results of the study are discussed.

Keywords

tolerance ambiguity, intolerance ambiguity, measurement of ambiguity tolerance, Tolerance-intolerance of ambiguity new questionnaire, IAS, MSTAT-I, MSTAT-II

For citation

Zlobina M. V. (2021) The Analysis of Internal Consistency and Internal Structure of Questionnaires of Tolerance / Intolerance to Ambiguity: IAS, TAN, MSTAT-I and MSTAT-II. *Reflexio*, 14 (1), 116–128. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2021-14-1-116-128

Введение

Проблема неопределенности и переживания человеком неопределенных ситуаций является на сегодняшний день одной наиболее актуальных. В 2020 году человечество оказалось в ситуации всеобъемлющей неопределенности, когда каждый человек был вынужден преодолевать неопределенные ситуации. В этой связи возрастает роль таких личностных характеристик, как толерантность и интолерантность к неопределенности. В отечественных и зарубежных исследованиях было показано, что столкновение с неопределенностью может вызывать ряд негативных эмоциональных состояний, таких как тревога и депрессия [Carleton et al., 2012; Miranda, Fontes, Marroquín, 2008; Соколова, 2015]. Интолерантность к неопределенности выступает в данном случае как фактор возникновения и развития подобных состояний, а толерантность к неопределенности, напротив, обеспечивает успешное преодоление ситуаций неопределенности. Всё это приводит к необходимости более детального исследования этих конструктов и их корректного измерения.

Наиболее распространенным методом измерения и диагностики толерантности к неопределенности на сегодняшний день являются опросники. У опросников много преимуществ: возможность получения большого количества данных в короткие сроки, простота в заполнении и обработке, возможность получения

максимально объективных данных об измеряемой черте. Однако результаты, полученные с помощью разных опросников (ин)толерантности к неопределенности, нередко противоречивы [Furnham, Marks, 2013; Кондрашихина, 2015]. Подобное несоответствие результатов может объясняться как сложностью самого феномена толерантности к неопределенности и разницей в его трактовке различными авторами, так и тем фактом, что психометрические характеристики опросников не всегда соответствуют предъявляемым требованиям.

В данной статье будут рассмотрены четыре наиболее широко используемых отечественными исследователями опросника толерантности (интолерантности) к неопределенности: шкала С. Баднера IAS, опросники Д. МакЛейна MSTAT-I и MSTAT-II и «Новый опросник толерантности к неопределенности» Т. В. Корниловой.

История разработки шкал толерантности и интолерантности к неопределенности

Одним из первых опросников толерантности (интолерантности) к неопределенности стала разработанная в 1962 г. Стенли Баднером шкала интолерантности к неопределенности (Intolerance of Ambiguity Scale (IAS)).

Баднер исходил из понимания толерантности и интолерантности к неопределенности как двух противоположных полюсов одной переменной, где толерантность к неопределенности – это склонность воспринимать неоднозначные ситуации как желаемые, а интолерантность к неопределенности – склонность воспринимать неоднозначные ситуации как источники угрозы [Budner, 1962].

Неопределенной ситуацией Баднер называет такую ситуацию, которую человек не может адекватно структурировать или классифицировать из-за отсутствия достаточного количества знакомых признаков. Это может происходить по трем следующим причинам:

- 1) ситуация для человека совершенно новая;
- 2) ситуация сложная, в ней много критериев, которые нужно учитывать;
- 3) ситуация противоречивая, разные элементы ситуации имеют разную структуру.

Неопределенные ситуации, таким образом, характеризуются новизной, сложностью и противоречивостью.

Реакции людей на неопределенные ситуации осуществляются на двух уровнях: феноменологическом и поведенческом. С одной стороны, человек чувствует, воспринимает и оценивает, с другой – ведет себя определенным образом в соответствии с внешними условиями [Budner, 1962]. Возможные реакции человека на неопределенную ситуацию можно разделить на две категории: отрицание и подчинение. В случае подчинения человек, восприняв и осознав ситуацию, принимает ее как факт, на который не может повлиять. В случае отрицания действует таким образом, чтобы объективная реальность (пусть даже только на феноменологическом уровне) изменилась так, чтобы соответствовать его желаниям. Таким образом, возможны четыре основные реакции на неоднозначную ситуацию: феноменологическое отрицание (подавление и отказ), фено-

менологиическое подчинение (тревога и дискомфорт), поведенческое отрицание (деструктивное поведение) или поведенческое подчинение (избегание). Если такое поведение вызвано ситуациями, характеризующимися новизной, сложностью или неразрешимостью, можно сделать вывод, что человек интолерантен к неопределенности. Для оценки интолерантности к неопределенности Баднер предлагает использовать опросник.

Разработка опросника проводилась на 17 различных выборках – в основном из учащихся университетов и колледжей. Первоначальный вариант опросника содержал 33 утверждения, испытуемым предлагалось оценить степень своего согласия с каждым утверждением по 7-балльной шкале Лайкерта. Каждый пункт шкалы отражал одну из четырех реакций человека на неопределенную ситуацию: феноменологическое подчинение, феноменологическое отрицание, поведенческое подчинение или поведенческое отрицание [Budner, 1962]. В итоговом варианте опросника количество вопросов сократилось до 16.

По данным, полученным самим автором в ходе разработки, коэффициент надежности по внутренней согласованности по показателю α -Кронбаха составил 0,49. Столь низкий показатель автор объясняет свободой шкалы от артефактов, таких как социальная желательность (которая повышает внутреннюю согласованность шкал), а также сложностью задачи измерения столь многомерного конструкта. Показатель ретестовой надежности теста, посчитанный на одной из выборок (15 человек, временной период от двух недель до двух месяцев) составил 0,85. Если принять во внимание сложность и многогранность измеряемого конструкта, можно считать надежность теста удовлетворительной.

Опросник впервые был адаптирован на русскоязычной выборке в 2008 году Г. У. Солдатовой и Л. А. Шайгеровой [Корнилова, Чумакова, 2014]. В 2014 году шкала подверглась пересмотру Т. В. Корниловой и М. А. Чумаковой [Там же]. Авторы выявили двухфакторную структуру опросника, придя тем самым к выводу, что толерантность и интолерантность к неопределенности представляют собой не два полюса одной шкалы, как предполагал Баднер, а две независимые переменные. В итоговый вариант опросника в адаптации Корниловой и Чумаковой вошло 13 пунктов. Показатель α -Кронбаха составил 0,66 и 0,61 для шкал интолерантности и толерантности к неопределенности соответственно, что указывает на удовлетворительную надежность по внутренней согласованности [Там же]. На данный момент опросник IAS в модификации Корниловой и Чумаковой остается одной из наиболее широко используемых в отечественных исследованиях шкал для оценки толерантности и интолерантности к неопределенности.

Наряду с опросником IAS, довольно широко в исследованиях толерантности и интолерантности к неопределенности применяется разработанная в 1993 году американским психологом Дэвидом МакЛейном шкала Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance Scale (MSTAT-I). Создание новой методики, направленной на измерение толерантности к неопределенности, МакЛейн объяснял низкими психометрическими показателями существующих на тот момент опросников толерантности к неопределенности [McLain, 1993].

С позиции автора методики, общей чертой всех неопределенных или двусмысленных ситуаций является отсутствие необходимой информации. Неоднозначные стимулы могут восприниматься как новые, незнакомые, непредсказуемые, а также могут быть слишком сложными для понимания, имеющими множественные и несовместимые интерпретации. Толерантность и интолерантность предполагают ряд реакций от отвержения до интереса и привлечения [McLain, 1993]. Объединив эти понятия, МакЛейн дает следующее определение: толерантность к неопределенности – диапазон реакций от отвержения до привлечения на стимулы, воспринимаемые индивидом как незнакомые, сложные, неопределенные или имеющие множественные противоречивые интерпретации [McLain, 1993].

Опросник был разработан на выборке 148 студентов бакалавриата. Испытуемым предлагалось оценить степень своего согласия с каждым из утверждений по семибалльной шкале Лайкерта, от «категорически не согласен» до «абсолютно согласен» [McLain, 1993]. Первоначальный вариант опросника MSTAT-I включал 40 пунктов, однако в ходе разработки методики количество вопросов сократилось до 22. Авторская проверка надежности по внутренней согласованности опросника продемонстрировала высокий показатель α -Кронбаха = 0,86 [McLain, 1993].

На данный момент существуют две широко используемые русскоязычные адаптации опросника MSTAT-I. Модификация Е. Г. Луковицкой была создана в 1998 году путем перевода и апробации MSTAT-I на выборке из 130 студентов. В ходе исследования была выявлена корреляция шкалы MSTAT-I с опросником IAS Баднера [Корнилова, 2010].

Модификация опросника была произведена в 2010 году Е. Н. Осиним на выборке из 805 человек в возрасте от 16 до 44 лет. В ходе исследования факторной структуры были выделены следующие субшкалы опросника: отношение к новизне, отношение к сложным задачам, отношение к неопределенным ситуациям, предпочтение неопределенности и толерантность/избегание неопределенности [Осин, 2010].

В 2009 году была разработана вторая версия опросника – MSTAT-II.

Опросник MSTAT-II содержит 13 пунктов, отобранных из пунктов MSTAT-I на основании соответствия четырем критериям: вкладу в теоретическое определение конструкта, нейтральности и независимости от контекста, корреляции между результатами по отдельному пункту и шкалой в целом больше 0,4, а также понятности для респондентов [McLain, 2009]. Одним из преимуществ MSTAT-II является меньшее количество пунктов по сравнению с первой версией, что сокращает время заполнения опросника и требует меньшей когнитивной нагрузки. Как и в MSTAT-I, испытуемым предлагается оценить степень согласия с утверждениями по 7-балльной шкале Лайкерта.

MSTAT-II был апробирован на выборке из 528 испытуемых – студентов университета Висконсина. Возраст испытуемых составил от 19 до 42 лет ($M = 21,2$). Коэффициент α -Кронбаха составил 0,83, что свидетельствует о высокой внутренней согласованности [McLain, 2009].

На русском языке опросник был адаптирован Д. А. Леонтьевым и коллегами в 2016 году. Исследование проводилось на большой выборке из 3349 человек в возрасте от 14 до 68 лет. Было показано, что опросник имеет хорошую надежность по внутренней согласованности, конвергентную и дискриминантную валидность.

При анализе внутренней структуры опросника, отличное соответствие данным продемонстрировала полная бифакторная модель, включающая в себя общий фактор, два фактора направленности (избегание неопределенности / предпочтение неопределенности) и три фактора содержания вопросов шкалы (сложность, новизна, неопределенность стимулов) [Леонтьев, Осин, Луковицкая, 2016].

В 2010 году Т. В. Корниловой был разработан «Новый опросник толерантности к неопределенности». За основу была взята схема разработки опросника, предложенная Furnham [Furnham, Ribchester, 1995]. Для создания «Нового опросника толерантности к неопределенности» были объединены вопросы из трех шкал: шкалы О'Коннора, шкалы Райделл и Розена и шкалы Баднера [Корнилова, 2010]. Стимульный материал был предъявлен 623 испытуемым, преимущественно студентам московских вузов, которым предлагалось оценить степень своего согласия с утверждениями по 7-балльной шкале.

Для исследования внутренней структуры опросника автором был проведен эксплораторный факторный анализ, в результате которого были выявлены три основных фактора, измеряемые тремя шкалами опросника:

- 1) толерантность к неопределенности (ТН);
- 2) интолерантность к неопределенности (ИТН);
- 3) межличностная интолерантность к неопределенности (МИТН).

Толерантность к неопределенности рассматривается как генерализованная личностная переменная, отражающая стремление к новому опыту, к оригинальности, стремление иметь множество возможностей для разрешения сложной ситуации, предпочтение многогранных и неординарных задач простым, понятным и ранее изученным.

Интолерантность к неопределенности Т. В. Корнилова определяет как стремление к ясности, дихотомичное «черно-белое» мышление, принятие главенствующей роли правил, ригидность, потребность в четких критериях правильного и неправильного.

Впервые в качестве отдельного конструкта была выделена межличностная интолерантность к неопределенности, отражающая стремление к ясности и контролю в отношениях.

Проверка надежности по внутренней согласованности показала удовлетворительные результаты, коэффициент альфа-Кронбаха составил 0,70, 0,72 и 0,69 для шкал ТН, ИТН и МИТН соответственно [Корнилова, 2010]. Конструктная валидность шкалы оказалась на высоком уровне – данные по ТН показали значимую корреляцию с другими шкалами толерантности/интолерантности к неопределенности (использовался, в частности, опросник MSTAT-I). Автор опросника подчеркивает, что толерантность и интолерантность к неопределенности вы-

ступают как две разные переменные, а не являются полюсами полюса одной шкалы.

Выборка

В исследовании приняли участие 184 респондента (144 женщины и 40 мужчин в возрасте от 17 до 67 лет, $M = 26,6$, $SD = 12,11$). Данные были собраны в онлайн-режиме при помощи сервиса «Google Формы».

Методики

1. Шкала интолерантности к неопределенности Баднера (IAS) в адаптации Корниловой и Чумаковой (2014).

Шкала содержит 13 пунктов, которые группируются в два фактора: толерантность к неопределенности и интолерантность к неопределенности. Испытуемому предлагается оценить степень своего согласия или несогласия с каждым пунктом опросника по семибалльной шкале, где 1 – абсолютно согласен, 7 – абсолютно не согласен.

2. Новый опросник толерантности к неопределенности Т. В. Корниловой.

Опросник содержит 33 пункта. Испытуемому предлагается оценить степень своего согласия или несогласия с каждым пунктом опросника по семибалльной шкале, где 1 – абсолютно согласен, 7 – абсолютно не согласен. Пункты опросника группируются по трем шкалам: толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности и межличностная интолерантность к неопределенности.

3. Шкала толерантности к неопределенности MSTAT-I в адаптации Осина (2010).

Шкала содержит 19 пунктов. Испытуемому предлагается оценить степень своего согласия или несогласия с каждым пунктом опросника по семибалльной шкале, где 1 – абсолютно согласен, 7 – абсолютно не согласен. Подсчитывается общий показатель толерантности к неопределенности. Опросник также включает пять субшкал: отношение к новизне, отношение к сложным задачам, отношение к неопределенным ситуациям, предпочтение неопределенности, толерантность / избегание неопределенности.

4. Шкала толерантности к неопределенности MSTAT-II в адаптации Леонтьева, Осина, Луковицкой (2016).

Опросник представляет сокращенный вариант шкалы MSTAT-I и содержит 13 утверждений. Испытуемому предлагается оценить степень своего согласия или несогласия с каждым пунктом опросника по семибалльной шкале, где 1 – абсолютно согласен, 7 – абсолютно несогласен.

Процедура исследования

Подсчет показателей надежности опросников (α -Кронбаха) проводился посредством ПО IBM SPSS v. 23. Далее полученные результаты сравнивались с нормативными показателями ($\alpha > 0,7$ – удовлетворительная надежность).

Установление внутренней структуры опросников проводилось в два этапа. На первом этапе с целью проверки авторских гипотез о структуре опросников проводился конфирматорный факторный анализ. Модели оценивались в соответствии со следующими критериями пригодности: $CFI > 0,95$; $TLI > 0,9$; $NFI > 0,9$; $RMSEA < 0,05$. В том случае, если показатели пригодности модели не соответствовали критериям, проводился эксплораторный факторный анализ с целью уточнения факторной структуры опросника.

С целью большей достоверности и соответствия данным, полученным авторами адаптаций, эксплораторный факторный анализ проводился с помощью тех же методов, что и при адаптации. В случае опросника IAS использовался метод главных осей с косоугольным вращением *promax*, для НТН – метод главных компонент с ортогональным вращением *varimax*, для MSTAT-I и MSTAT-II – метод максимального правдоподобия с вращением *promax*.

Анализ проводился с использованием ПО JASP v. 0.14.1.0.

Результаты и обсуждение

Анализ надежности

По результатам проверки надежности по внутренней согласованности с использованием коэффициента α -Кронбаха были получены следующие результаты.

Для опросника IAS надежность шкалы «Толерантность к неопределенности» составила $\alpha = 0,455$, «Интолерантность к неопределенности» $\alpha = 0,59$. Данные показатели говорят о низкой надежности шкалы.

Надежность шкалы «Толерантность к неопределенности» «Нового опросника толерантности к неопределенности» составила $\alpha = 0,697$, шкалы «Интолерантность к неопределенности» $\alpha = 0,754$, шкалы «Межличностная интолерантность к неопределенности» $\alpha = 0,755$. Данные показатели свидетельствуют в пользу удовлетворительной надежности.

Для опросников Д. МакЛейна были получены следующие показатели α -Кронбаха: 0,918 для шкалы MSTAT-I и 0,906 для шкалы MSTAT-II. Таким образом, шкалы MSTAT-I и MSTAT-II обладают высокой надежностью по внутренней согласованности.

Нами также был проведен анализ надежности по внутренней согласованности для каждой из субшкал опросника MSTAT-I в модификации Е. Н. Осина. Были получены следующие показатели α -Кронбаха: 0,822 для шкалы «отношение к новизне»; 0,842 для шкалы «отношение к сложным задачам»; 0,859 для шкалы «отношение к неопределенным ситуациям»; 0,848 для шкалы «предпочтение к неопределенности» и 0,876 для шкалы «толерантность к неопределенности». Данные показатели говорят о хорошей внутренней согласованности.

Разница в показателях надежности в пользу опросников МакЛейна по сравнению с показателями опросников IAS и НТН может быть обусловлена тем фактом, что вопросы в MSTAT-I и MSTAT-II сформулированы максимально обобщенно – таким образом, чтобы по возможности избежать привязки к конкретным ситуациям.

Различия также могут быть обусловлены особенностями выборки и преобразованием в нашей выборке женщин.

*Анализ внутренней структуры
Конфирматорный факторный анализ*

С целью проверки факторной структуры опросников IAS, HTH, MSTAT-I и MSTAT-II был использован конфирматорный факторный анализ. Проверялась следующая структура опросников: двухфакторная структура опросника IAS, предложенная Т. В. Корниловой и М. А. Чумаковой, трехфакторная структура «Нового опросника толерантности к неопределенности» Т. В. Корниловой, пятифакторная структура опросника MSTAT-I, предложенная Е. Н. Осиным, и однофакторная структура опросника MSTAT-II, предложенная Д. А. Леонтьевым.

Полученные в результате проведенного анализа показатели пригодности модели представлены в табл. 1.

Таблица 1

Основные показатели пригодности моделей опросников
IAS, HTH, MSTAT-I, MSTAT-II

Модель опросника	RMSEA (90 % CI)	CFI	TLI	NFI
Двухфакторная модель IAS	0,087 (0,069; 0,105)	0,608	0,522	0,497
Трехфакторная модель HTH	0,062 (0,059; 0,065),	0,643	0,619	0,582
Пятифакторная модель MSTAT-I	0,058 (0,043; 0,071),	0,948	0,930	0,877
Однофакторная модель MSTAT-II	0,145 (0,130; 0,162)	0,787	0,744	0,748

Полученные результаты свидетельствуют о низкой пригодности двухфакторной модели опросника IAS, трехфакторной модели HTH и однофакторной модели MSTAT-II. Пятифакторная модель опросника MSTAT-I, предложенная Осиным, показала лучшее соответствие данным. Значение RMSEA оказалось незначительно больше 0,05. Существуют данные, что допустимое значение RMSEA может достигать 0,06, однако следует учитывать, что данный показатель имеет тенденцию отвергать истинные модели на малых выборках [Hu, Bentler, 1999]. Тем не менее, учитывая, что показатели CFI и NFI близки к пороговым, а показатель TLI достиг порогового уровня, мы всё же можем считать пятифакторную модель MSTAT-I удовлетворительной.

Эксплораторный факторный анализ

По результатам конфирматорного факторного анализа, было принято решение подвергнуть эксплораторному факторному анализу данные по трем из четырех опросников: IAS, HTH, MSTAT-II.

Для выяснения факторной структуры опросника IAS был выбран метод главных осей с косоугольным вращением Promax, выполненный в программе в JASP v. 0.14.1.0, поскольку именно он использовался Корниловой и Чумаковой в ходе адаптации методики. В результате было выделено четыре фактора, однако в один из факторов вошел только один пункт.

Индексы пригодности модели также не достигли пороговых значений: показатель RMSEA составил 0,078, индекс TLI – 0,697. Данные результаты свидетельствуют о низкой пригодности полученной модели на данной выборке.

Для проверки внутренней структуры «Нового опросника толерантности к неопределенности» был проведен метод главных компонент с ортогональным вращением Varimax. Данный метод был использован авторами опросника при его разработке. В результате анализа была получена шестифакторная модель опросника, однако большинство вопросов дали нагрузку только на первые три фактора. В четвертый и шестой фактор вошло по два пункта опросника, а в пятый – три. Были получены следующие показатели пригодности модели: RMSEA = 0, 031; RMSEA 90 % (0,027; 0.034), TLI = 0,906.

Далее проверялась однофакторная структура опросника MSTAT-II. Для проверки соответствия данным модели использовался метод максимального правдоподобия с вращением Promax. Была получена двухфакторная структура: в первый фактор вошло девять пунктов опросника, во второй – пять.

Были получены следующие индексы пригодности модели: RMSEA = 0,096, RMSEA 90 % (0,074; 0,113), TLI = 0,890. Ввиду того, что полученные критерии не достигают пороговых показателей, есть основание полагать, что двухфакторная модель не вполне пригодна на данной выборке и требует дальнейшего уточнения.

Из полученных результатов конфирматорного факторного анализа видно, что только для опросника MSTAT-I предложенная Осиным пятифакторная модель продемонстрировала удовлетворительное соответствие данным. Критерии соответствия моделей опросников MSTAT-II, IAS и НТН показатели не достигли пороговых значений, что говорит о низкой пригодности моделей на нашей выборке.

Данный результат может быть обусловлен как размером, так и особенностями выборки. При разработке опросника НТН и апробации IAS и MSTAT-II использовались более разнородные выборки: отличался как возрастной диапазон испытуемых, так и соотношение мужчин и женщин, принимавших участие в исследовании.

Относительно опросника IAS можно предположить и иную причину получения неудовлетворительных показателей пригодности модели – особенности формулировки вопросов. При более подробном изучении опросника можно заметить, что каждый пункт указывает на некоторую ситуацию, в которой человек мог бы так или иначе продемонстрировать свою толерантность или интолерантность к неопределенности. Однако представление о конкретных ситуациях может вызывать излишнюю когнитивную нагрузку и влиять на ответы испытуемых. На данный факт указывал уже МакЛейн при критике подхода Баднера [McLain, 2009]. В отличие от пунктов опросников МакЛейна, где вопросы сфор-

мулированы максимально обобщенно, пункты опросника IAS побуждают испытуемого задуматься не только о своем отношении к неопределенности, но и об элементах представленной ситуации, которые могут не иметь прямого отношения к изучаемому конструкту. Это предположение требует дополнительной проверки, но в настоящем исследовании может служить возможной причиной неудовлетворительных результатов показателей пригодности. Это предположение также может быть верно для опросника НТН, поскольку в нем присутствуют пункты, заимствованные из шкалы IAS.

Полученные результаты также свидетельствуют о сложности и многогранности феномена толерантности к неопределенности. Возникает вопрос: возможно ли толкование толерантности к неопределенности как одномерного конструкта или же он имеет более сложную структуру. Встает вопрос о принципиальной применимости опросников для оценки столь сложной переменной. Дальнейшие исследования в области изучения толерантности и интолерантности к неопределенности должны быть направлены на разработку альтернативных способов измерения данной характеристики. Эти способы должны позволить, с одной стороны, более глубоко проникнуть в содержание феномена, а с другой – обеспечить наиболее полный охват всех его сторон, включая эмоциональную, когнитивную и поведенческую составляющие.

Заключение

В статье были рассмотрены четыре наиболее часто используемых на русскоязычных выборках опросника толерантности / интолерантности к неопределенности: IAS, НТН, MSTAT-I и MSTAT-II. Был проведен анализ внутренней согласованности, а также проверка внутренней структуры опросников.

Было показано, что шкалы толерантности к неопределенности Д. МакЛейна (MSTAT-I (адаптация Осина) и MSTAT-II (адаптация Леонтьева)) обладают высокой надежностью по внутренней согласованности, «Новый опросник толерантности к неопределенности» Т. В. Корниловой – удовлетворительной, опросник IAS Баднера (адаптация Корниловой) – неудовлетворительной надежностью.

При проверке внутренней структуры опросников три из четырех моделей продемонстрировали неудовлетворительное соответствие данным. Удовлетворительное соответствие данным продемонстрировала пятифакторная модель опросника MSTAT-I, предложенная Осиним.

Расхождение полученных результатов с данными авторов адаптаций может быть результатом небольшого объема нашей выборки, а также свидетельствовать об особенностях выборки, используемой в настоящем исследовании, или указывать на влияние побочных переменных.

Учитывая сложность самого феномена толерантности к неопределенности, встает вопрос о возможности применения опросников для оценки данного конструкта. Этот вопрос требует детальной проработки и может составить предмет отдельного исследования.

Список литературы

Кондрашихина О. А. Диагностика толерантности к неопределенности: корреляция результатов психодиагностических измерений // *Перспективы науки и образования*. 2015. Т. 5 (17). С. 83–87.

Корнилова Т. В., Чумакова М. А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // *Экспериментальная психология*. 2014. № 1. С. 92–110.

Корнилова Т. В. Новый опросник толерантности к неопределенности // *Психологический журнал*. 2010. Т. 31. № 1. С. 74–86.

Леонтьев Д. А., Осин Е. Н., Луковицкая Е. Г. Диагностика толерантности к неопределенности: Шкалы Д.МакЛейна. М.: Смысл, 2016. 60 с.

Осин Е. Н. Факторная структура русскоязычной версии шкалы общей толерантности к неопределенности Д. МакЛейна // *Психологическая диагностика*. 2010. № 2. С. 65–86.

Budner S. Intolerance of ambiguity as a personality variable // *Journal of Personality*. 1962. Vol. 30. № 1. P. 29–50.

Carleton R. N., Mulvogue M. K. et al. Increasingly certain about uncertainty: Intolerance of uncertainty across anxiety and depression // *Journal of Anxiety Disorders*. 2012. Vol. 26. № 3. P. 468–479.

Furnham A., Marks J. Tolerance of Ambiguity: A Review of the Recent Literature // *Psychology*. 2013. Vol. 4. № 9. P. 717–728.

Furnham A., Ribchester T. Tolerance of ambiguity: A review of the concept, its measurement and applications // *Current Psychology*. 1995. Vol. 14. № 3. P. 179–199.

Hu L. T., Bentler P. M. Cutoff Criteria for Fit Indexes in Covariance Structure Analysis: Conventional Criteria versus New Alternatives // *Structural Equation Modeling*. 1999. Vol. 6. P. 1–55.

McLain D. L. The Mstat-I: A New Measure of an Individual's Tolerance for Ambiguity // *Educational and Psychological Measurement*. 1993. Vol. 53. № 1. P. 183–189.

McLain D. L. Evidence of the Properties of an Ambiguity Tolerance Measure: The Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance Scale-II (MSTAT-II) // *Psychological Reports*. 2009. Vol. 105. № 3. P. 975–988.

Miranda R., Fontes M. et al. Cognitive content-specificity in future expectancies: Role of hopelessness and intolerance of uncertainty in depression and GAD symptoms // *Behaviour Research and Therapy*. 2008. Vol. 46. № 10. P. 1151–1159.

References

Budner S. (1962). Intolerance of ambiguity as a personality variable. *Journal of Personality*, 30 (1), 29–50.

Carleton R. N., Mulvogue M. K. et al. (2012). Increasingly certain about uncertainty: Intolerance of uncertainty across anxiety and depression. *Journal of Anxiety Disorders*, 26 (3), 468–479.

Furnham A., & Marks J. (2013). Tolerance of Ambiguity: A Review of the Recent Literature. *Psychology*, 4 (9), 717–728.

Furnham A., & Ribchester T. (1995). Tolerance of ambiguity: A review of the concept, its measurement and applications. *Current Psychology*, 14 (3), 179–199.

Hu L. T., & Bentler P. M. (1999). Cutoff Criteria for Fit Indexes in Covariance Structure Analysis: Conventional Criteria versus New Alternatives. *Structural Equation Modeling*, 6, 1–55.

Kondrashikhina O. A. (2015). Diagnostika tolerantnosti k neopredelennosti: korreliatsiia rezul'tatov psikhodiagnosticheskikh izmerenii. *Perspektivy Nauki i Obrazovaniia*, 5, 83–87.

Kornilova T. V. (2010). Novyi oprosnik tolerantnosti k neopredelennosti. *Psikhologicheskii zhurnal*, 31 (1), 74–86.

Kornilova T. V., & Chumakova M. A. (2014). Shkaly tolerantnosti i intolerantnosti k neopredelennosti v modifikatsii oprosnika C. Badnera. *Eksperimental'naia psikhologiya*, 1, 92–110.

Leont'ev D. A., Osin E. N., & Lukovitskaia E. G. (2016). *Diagnostika tolerantnosti k neopredelennosti: Shkaly D. MakLeina*. M.: Smysl.

McLain D. L. (2009). Evidence of the Properties of an Ambiguity Tolerance Measure: The Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance Scale–II (MSTAT–II). *Psychological Reports*, 105 (3), 975–988.

McLain D. L. (1993). The Mstat-I: A New Measure of an Individual's Tolerance for Ambiguity. *Educational and Psychological Measurement*, 53 (1), 183–189.

Miranda R., Fontes M. et al. (2008). Cognitive content-specificity in future expectancies: Role of hopelessness and intolerance of uncertainty in depression and GAD symptoms. *Behaviour Research and Therapy*, 46 (10), 1151–1159.

Osin E. N. (2010). Faktornaia struktura russkoiazыchnoi versii shkaly obshchei tolerantnosti k neopredelennosti D. MakLeina. *Psikhologicheskaya diagnostika*, 2, 65–86.

Информация об авторе

Марина Владимировна Злобина, ассистент кафедры психологии личности
RSCI AuthorID 959328

Information about the Author

Marina V. Zlobina, Assistant Lecturer of the Section of Personality Psychology
RSCI AuthorID 959328

Статья поступила в редакцию 10.05.2021
The article was submitted 10.05.2021

Информация для авторов

Авторы представляют статьи на русском языке объемом до 1 авторского листа (40 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков).

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), аннотация статьи (150–250 слов) и ключевые слова на русском языке (до 7), а также авторский перевод названия статьи, аннотации и ключевых слов на английский язык.

Порядок оформления рукописи:

УДК 159.9.01

Современные проблемы психологии искусства

Иван Иванович Иванов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

ivan@g.nsu.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация на русском языке

Ключевые слова на русском языке

Основной текст статьи

Список литературы

Материал поступил в редколлегию 01.03.2010

ФИО автора (авторов) на английском языке

Место работы на английском языке (по форме русскоязычного варианта) и адрес электронной почты

Название статьи на английском языке

Аннотация на английском языке

Ключевые слова на английском языке

Список литературы на английском языке (References)

Сведения об авторе (без сокращений, на русском и английском языках): ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, город, страна, e-mail, ORCID и другие коды автора.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания работы, при необходимости номер страницы, например: [Иванов, 1999, с. 129]. В случае совпадения года издания ему присваивается буквенное обозначение, например: [Иванов, 1999а; Иванов, 1999б]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Общее количество страниц для монографии является факультативным элементом и может не включаться в библиографическое описание. Авторские примечания оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические описания на разных языках группируют в два алфавитных ряда: в начале на русском языке или языках с кириллической графикой, затем на иностранных языках.

Образцы составления библиографического описания

1. *Смит Н. В.* Современные системы психологии. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
2. *Стиль человека: психологический анализ* / Под ред. А. В. Либина. М.: Смысл, 1998. 310 с.
3. *Ожиганова Г. В.* История психологии: концептуальные подходы и методы исследования // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 5–16.
4. *Hearnshaw L. S.* A short history of British psychology, 1840–1940. New York: Barnes & Noble, 1964.
5. *Wardell D. M., Royce J. R.* Toward a multi-factor theory of styles and their relationship to cognition and affect // Journal of Personality. 1978. Vol. 46 (3). P. 474–505.

Иллюстрации следует предоставлять в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr. Просим Вас **не изменять исходный электронный формат** создаваемого Вами графического объекта.

Допускается создание таблиц и диаграмм в MS Word и MS Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.tff), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки должны сниматься авторами в ходе электронной переписки в строго определенных для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи.

Требования к содержанию публикуемых материалов

В журнале Reflexio публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам журнала:

- методология, теория и история психологии;
- психологические исследования;
- психологический инструментарий;
- психология и Время;
- иностранная психология;
- психология глазами философа.

Публикуются также материалы, содержащие критический обзор ранее не известной или малоизвестной российскому читателю научной психологической литературы.

Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором в переводе на русский язык.

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из цитат и пересказов ранее опубликованных научных работ.

Редакция оставляет за собой право редактирования, сокращения (по согласованию с автором) и адаптации публикуемых материалов к рубрикам журнала.

Все статьи проходят **обязательное рецензирование**, о результатах рецензирования авторы извещаются по указанному адресу электронной почты.

Требования к англоязычному разделу статьи

Аннотация на английском языке не должна быть переводом-калькой с русскоязычной аннотации. В ней должно быть в краткой форме представлено содержание работы, включая следующие пункты:

- цель работы в сжатой форме;
- основные факты, содержащиеся в тексте (при этом важно придерживаться порядка изложения самой статьи);
- текст должен быть связным;
- в аннотации можно выделять структуры пунктами «Purpose», «Design / methodology / approach», «Findings», «Research limitations/implications», «Originality/value».
- объем аннотации на английском языке должен быть порядка 150 слов.

Правила оформления англоязычного списка литературы (References)

Порядок элементов в библиографической ссылке:

– для книг:

Author A. A. (year). *Nazvanie* [Title of work]. Location: Publisher (in Russ.)

Название книги в транслитерации должно быть выделено курсивом.

– для главы из книги:

Author A. A., & Author B. B. (year). Nazvanie [Title of chapter or entry]. In A. Editor, B. Editor, & C. Editor (Eds.), *Nazvanie* [Title of book] (pp. xxx-xxx). Location: Publisher (in Russ.)

Название книги в транслитерации должно быть выделено курсивом.

– для статей:

Author A. A., Author B. B., & Author C. C. (Year). Nazvanie [Title of article]. *Title of Journal*, 10(2), 49-53 (in Russ.)

Курсивом выделяются название журнала и номер тома.

Указание языка публикации (in Russ.) приводится только для русскоязычных источников. Для англоязычных источников указание языка (in Eng.) не требуется.

Название статьи, книги, главы дается в транслитерации и переводится на английский язык. Название журнала или сборника статей дается в транслитерации (но не переводится).

Город издания переводится, издательство дается в транслитерации.

Пример:

Badiev I. V. (2013). Gendernye i vozrastnye osobennosti emotsional'no-volevykh svoystv podrostkov [Gender and aged-specific peculiarities of emotional and volitional characteristics of adolescents]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologiya*, 7(1), 70-81 (in Russ.).

Для транслитерации названий рекомендуем использовать сайт <http://translit.ru/> (вариант транслитерации Библиотеки Конгресса (LC)).

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (ауд. 3110, главный учебный корпус НГУ) или переслать по электронной почте или традиционной почтой.

Адрес редакционной коллегии журнала Reflexio: Новосибирский государственный университет, Институт медицины и психологии, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 40 26

E-mail: olgap@yandex.ru, tumidus@yandex.ru

Журнал распространяется по подписке, подписной индекс 81563 в каталоге ОАО «Роспечать».

Сроки выхода журнала в свет с 2008 года – июнь, декабрь.

REFLEXIO
научный психологический журнал
2021. Т. 14, № 1

Учредитель
Новосибирский государственный университет

Адрес учредителя, издателя
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

Главный редактор
канд. психол. наук О. Н. Первушина

Адрес редакции
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Дата выхода в свет 06.12.2021
Тираж 50 экз.
Свободная цена

Адрес типографии
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

ISSN 2658-4506

9 772658 450605

1 4 0 0 1